

РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

ИВАН
КОЗЛОВ

ОСКОЛОК
ОРДЕНА

ИВАН
КОЗЛОВ

**ОСКОЛОК
ОРДЕНА**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К59

Козлов, Иван.

К59 Осколок ордена / Иван Козлов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Романы о ветеранах спецназа).

ISBN 978-5-699-86772-1

Для бывших спецназовцев Вадима, Михаила и Андрея война, казалось бы, осталась в прошлом. Уволившись из армии, каждый из них по-своему пытается адаптироваться к мирной жизни. Но это оказывается не так просто: Мишку после ранения не берут на работу, он тихо спивается; Андрюха уехал в другой город, замкнулся в себе. Тогда Вадим собирает сослуживцев: сообща легче искать работу и преодолевать трудности. Но война преследует парней, словно тень. Друзья вдруг оказываются в самой гуще криминальных разборок, над их головами снова свистят пули, и бывшим спецназовцам опять приходится идти в бой. К своему удивлению, ветераны узнают, что за кулисами опасных событий стоит их бывший командир...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86772-1

© Козлов И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

*Евгению Москалеву,
верному товарищу моему,
посвящаю*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Лето 2001 г.

Вертолет успел прийти на грани полетного времени. Еще чуть-чуть — и багровое закатное солнце упало бы за горы, небо для полетов было бы закрыто, и продержаться до утра стало бы проблемой. Знамо дело, выходили из ситуаций и посложнее, но с Андрюхой облом — схлопотал слепую пулю. Совсем плох Андрюха. Бегать с носилками по горам — дохлый номер. Да и как побежишь, если по большому счету человек не транспортабелен?

Плюс к этому — Иса. Ису терять не хочется. Ему около сорока, темпа спецназовцев он просто не выдержит — сдохнет через пару кэмэ. И потом, кто знает, что от него можно ждать...

В общем, просто здорово, что вертушка пришла и смогла, не выключая двигателя, пристроиться на краю каменистой площадки, в метре от шасси, переходящей почти в вертикальный склон.

Трап сброшен. Иса рванулся было первым заскочить в нутро «Ми-8», но Панин попридержал его:

— Не спеши, без тебя не улетит.

В этот момент выбили в мягком ракушечнике несколько желтых фонтанчиков пули, выпущенные из дальнего леса. Скопившиеся там бородачи до этого времени не стреляли, ждали темноты, чтоб взять отряд Панина малой кровью. Уходить тому некуда — можно лишь улечься за каменными валунами и отстреливаться. Но ночью стрелять надо много, по большей части бесприцельно — на вспышки, на звуки. А сколько патронов может таскать с собой по горам отряд в восемь стволов, да к тому же только за последний день прошедший четыре огневые стычки?! Велика вероятность, что ночью спецназовцев можно будет взять чуть ли не голыми руками.

Но вертолет прилетел. И бородачи ведут огонь теперь плотно в их сторону, даже из леса рискуют высовываться, чтоб подобраться поближе, найти сектор, из которого лучше бы была видна винтокрылая машина. По таким храбрецам бьет короткими очередями Миша Гречихин. И Волин, божественный снайпер, выбирает для себя позицию поудобнее.

— Пока грузимся, я постреляю, командир, — произносит Мишка.

Панин кивает. Он выбирает в траве земляничные ягоды, бросает их по одной, словно семечки, в рот, наблюдая, как бойцы заносят в вертолет носилки с Андрюхой. Иса снова дергается, умоляюще смотрит на капитана, и тот поднимается с зем-

ли, не спеша направляется к вертолету, удерживая при этом за плечо своего спутника:

— Так, говоришь, с Абрамовым дело имел? Не врешь?

Рой пуль опять врезался в ближнюю скалу, каменные крошки полетели на них. Иса втянул голову в плечи:

— Киянус! Зачем мне врать? Абрамов сам на меня вышел, купи, говорит. А почему нет? Он предложил, киянус!

— Клясться будешь, когда прилетишь, — сказал Панин.

— Конечно. Почему нет? Я плохого ничего не делал. Ни на копейку не обманул. Все скажу, как есть...

Это были последние слова Исы. Ступив впереди Панина на первую ступеньку трапа, он как бы подпрыгнул и завалился к брюху машины. Подбежал Волин:

— Что?

Пуля вошла Исе в затылок и вышла в глаз.

— Как же невовремя, — процедил Панин.

Выскочили бойцы, помогли затащить мертвого чеченца в вертолет. Последним впрыгнул Мишка, тут же упал, схватившись за ступню:

— Сука, поймал!

Дверь захлопнулась, машина тотчас сорвалась с места, уходя от обстрела бежавших сюда боевиков как бы вниз, в ущелье. Майор Германов, при-

летевший с вертолетом, осматривая Мишкину ногу, сказал озабоченно:

— Хреново, сустав раздробило.

— А с Андрюхой как? — спросил Панин.

Врач чуть дернул плечами:

— Можем не довезти.

Вадим Панин сжал кулаки:

— Что? Я тебе не довезу! Я тебе сейчас не довезу!

Майор спокойно и устало ответил:

— Не забывайтесь, товарищ капитан. И не требуйте от меня невозможного. Я лгать отучен.

На площадке вертолет встречали медики и подполковник Буров. Когда носилки с ранеными унесли, комбат легонько ткнул Панина кулаком в грудь:

— Вы молодцы, капитан! Такую операцию провернуть! Так что сверли дырку для ордена.

— Мне бы сейчас компоту холодного.

— Будет компот! Я в столовую сей миг заскочу, а ты — к генералу на доклад, он тебя ждет. Оттуда — сразу за стол.

Они идут гравийной дорожкой. Солнце уже потухло, встречные люди угадываются лишь по голосам:

— Панин, привет!.. С возвращением!.. Как вы там?.. Вад, опять живой?

— Да куда ж я на хрен денусь!

Сбоку аллейки стоят двое. При приближении Панина и Булова один спешно уходит, а второго капитан узнает и говорит Булову:

— В общем, я все понял, товарищ подполковник. К генералу, потом компот. А сейчас — разрешите, я буквально на полминуты, со старым знакомым словом перекинусь.

Булов кивает, спешит к столовой, а Вадим останавливается возле того, кого он узнал в этом полумраке:

— Абрамов?

Офицер службы тыла подполковник Абрамов поворачивается к нему:

— А по уставу обращаться у вас не принято, товарищ капитан?

Панин пропускает замечание мимо ушей:

— Не довез я по твою душу Ису, Абрамов.

Тот ухмыльнулся:

— С чем и поздравляю.

Вадим с трудом, но сдержал себя:

— Ошибка твоя. Надо было сейчас удивиться и сказать, что ты не знаешь никакого Исы.

— А что, верно. Не знаю я никакого Исы, и топайте своим маршрутом, товарищ капитан, не лезьте куда не надо.

Напряжение последних дней сказалось на Панине, выдержка изменила ему.

— Ну ты и гад!

Ударил он подполковника коротко, без замаха, тот, падая, по-бабьи заверещал и был услышан. Люди потянулись на звуки, как мотыльки на свет. Буров тоже рванул к дерущимся уже с крыльца столовой, но остановился, увидев, что туда спешит и генерал.

— Не замять, — простонал Буров.

А еще через несколько дней комбат стоял с Вадимом на железнодорожном перроне, смолил сигарету за сигаретой и говорил сокрушенно:

— Уволят, уволят, конечно, но поверь, Вадим, все, что от меня зависит... Я еще раз по начальству пойду...

— Да ладно, — отмахивался Панин. — Не под трибунал же.

— Слабое утешение. Тебе, может, сейчас даже легче, а мне таких офицеров терять... С кем останусь, а?

— Егор Федорович, мы в батальон тоже зелеными дураками пришли, однако ж научились чему-то.

— Тоже правильно, но жизнь изменилась, Вадик, сейчас учить молодежь некогда, разве что сразу под огнем крестить.

Проводница пригласила на посадку, потянулся и звякнул железными суставами состав.

— Вадим, но хоть сейчас мне скажи, за что Абрамову морду набил, а?

Панин лишь рукой махнул:

ОСКОЛОК ОРДЕНА

— Раз доказать ничего не могу, то что мои слова?

— Правильно, конечно. Но Волин, крысеныш, взял и обгадил тебя. С ним-то вы что не поделили?

— А это и для меня загадка, Егор Федорович. Хороший снайпер, в бою надежен... Не понял я его. Ну да Бог Волину судья.

— На Бога все перекладывать не надо. Чует сердце, парни из отряда с ним поговорят.

Тронулся поезд. Буров с Вадимом пошли за поплывшим вагоном.

— Вадик, ты не падай духом. Если совсем плохо станет — дай знать, у меня же в Москве есть хорошие друзья, хоть и не высокого полета, но наши. Я к тому, что если с работой трудно будет...

— Да не пропаду я!

И Панин с шиком запрыгнул на ступеньку набирающего ход поезда.

ГЛАВА 1

1

Ровно год прошел, от лета до лета.

С главными героями нашей повести мы, конечно же, увидимся, а сейчас посетим небольшой ресторан «Альтаир», затерянный на одной из старых улочек Москвы, куда не заглядывают зеваки и туристы и не забегают перекусить киоскеры и курьеры. Ресторан этот дорогой, у него есть свои клиенты, и даже в будничные вечера найти тут свободное место — проблема.

Но сейчас день. В зале на небольшой сцене возятся с аппаратурой музыканты, в углу у двери сидят несколько крепких парней с напряженными лицами — ясное дело, охрана. По другую сторону от них, через проход, пьет минералку такой же крепкий и высокий молодой человек, но раскованный и погруженный в себя. В ухе у него «таблетка», наверное, от магнитофона, покоящегося в кармане пиджака, он, скорее всего, слушает музыку и легкомысленно помахивает пальцем, словно дирижируя невидимым оркестром.

А за единственно сервированным столиком расположились трое и ведут вполне светскую беседу.

Они знакомы друг с другом. Правда, давно не виделись. Хозяин «Альтаира» Алан, тридцать с копейками, сухой, подтянутый, спортивный, все время проводит в хлопотах о своем заведении, сам ищет поваров, официантов, артистов, заказывает мебель и думает над интерьером зала. Он многого добился: сюда приходят известные актеры, футболисты, политики, здесь в кабинетах, скрытых от посторонних глаз, ведут переговоры коммерсанты, а седые благообразные литераторы гладят колени начинающим поэтессам... Но никакого разврата, никаких рулеток, карт, наркотиков...

С другом своим, Стасом, сидящим по левую руку, Алан занимал когда-то нехилые комсомольские должности в райкомах столицы. Сейчас Стас один из тех, кто отвечает за продовольственное обеспечение Москвы. Он вечно в разъездах, на совещаниях, планерках, сегодня лишь чудом выкроил пару часов, чтоб приехать сюда. Чуть поплыл в талии, стал обзаводиться лысиной, но женщины бы однозначно сказали, что он еще очень даже ничего.

Третий человек за столом — их давний партийный босс Константин Евгеньевич Рассадин. Ему около пятидесяти, но одет броско, по-моло-

дежному. И лицо такое, будто он вчера сделал подтяжку.

Рассадин крутит головой, рассматривает зал ресторана, выворачивает нижнюю губу:

— Нехило, честное комсомольское, нехило! И говоришь, не пустует заведение-то?

— Некоторые столики на месяц вперед расписаны.

— Ну да, ну да, — понимающе кивает Рассадин. — Что дела идут успешно, можно по охране твоей судить. Ребятки вышколенные, спинки прямые, лица суровые — хоть к Мавзолею ставь. Ты их не в Голливуде нанял, а?

— У всех черные пояса, — сказал Алан.

Рассадин тихо засмеялся:

— Купили небось. А вообще, не можешь ты без понтов, друг мой ситцевый. Это у вас на Кавказе отличительный признак.

— Я родился и вырос в Москве, — сухо ответил Алан. — Кавказ тут ни при чем.

— При чем, дружок. Суть ведь не в прописке, а в крови. Вот посмотри на Стаса. Он деньжищами ворочает — не в пример тебе, к министрам двери ногай открывает, а держит сидящего против твоих тихого скромного человечка, который небось или в ФСБ служил, или в десантуре. Так, Стас?

Стас этой встрече не очень рад, не скрывает это и смотрит на часы:

— Константин Евгеньевич, вы хотели с нами поговорить по делу... Я через полчаса ухожу.

Рассадин кусает губу, с иронической улыбкой смотрит на Стаса:

— И в этом полет виден. Хорошо себя держишь. Скажи спасибо старой школе воспитания.

Алан тоже замялся на стуле:

— Евгенич, мне тоже надо... Деловая встреча...

Рассадин покачал головой:

— Вот чем Россия от Испании отличается, где я прекрасно пожил почти пять лет: здесь все деловые, все суетятся. Никто не живет в свое удовольствие.

— Зачем же вы вернулись? — спросил Стас.

— Да, три дня назад вернулся. Зачем — чуть позже скажу, а сейчас загадку вам загадаю. Знаете, кого в тот час, когда я прилетел, в аэропорту встречали? Телевидение, газеты? Ого-го, какого человека! Которого вы в свое время обули, ребятки, и он никак не забудет это и не простит. Просто ваше счастье, он еще не знает, кто так классно это проделал. Разве может он подумать на вас?!

— И на вас, — сказал Стас. — Идея, кстати, была ваша.

Рассадин отпил маленькими глотками вино из бокала, блаженно прикрыл глаза:

— Спасибо, Аланчик, сие есть не бормотуха, не паленка — истинно напиток богов. Что же касается вас-нас, то истина, Стас, знаешь в чем?

В бумагах, которые хранятся у меня. А там черным по белому расписано, кто кинул на миллионы нынешнего члена правительства, и моей фамилии, поверьте, нигде нет. А ваши — есть.

— И дальше что? — спросил Стас.

— Неужто тебе, умному человеку, непонятно? Вот теперь я скажу, зачем вернулся туда, где по-прежнему бедлам и никакого порядка. Из рая — в ад. Вы сами не догадываетесь?

— Ностальгия по родине, — буркнул Стас.

— Очень остроумно. Но все проще. Там, где рай, деньги хорошо тратить, а не зарабатывать. Вот я их и потратил, быстрее, чем думалось. А у нас у каждого их тогда немало было, так же? И добыты они были... Вот сейчас государственные мужи ищут кандидатур на роль участников экономических преступлений, чтоб их на съедение толпе бросить. Время от времени, знаете ли, такие жертвоприношения надо делать. Лучше всего в этот список включить тех, имена которых и не совсем вроде первые, но и не последние. Ты, Стас, в эту категорию попадаешь. Ты в Европе и Азии договора заключаешь, о тебе газеты пишут. Алан пойдет к тебе довеском.

На некоторое время за столиком воцарилась тишина. Алан во все глаза смотрел на товарища, ждал, что тот ответит бывшему боссу.

— Сколько ты хочешь? — спросил наконец Стас.

— Наличкой? Нет. Долю в твоём бизнесе хочу. Допустим, пятьдесят на пятьдесят. Бумаги, которые я сохранил, стоят того, честное комсомольское.

Стас хмыкнул, встал со стула:

— До свиданья.

Рассадин, не меняя ироничного тона, попробовал его удержать:

— Я прошу всего половину. Но будешь ерепениться — можешь потерять больше. Подумай. Ровно месяц тебе на это даю.

— Можешь считать, что месяц прошёл, — сухо сказал Стас, вытащил из кошелька купюру, положил её возле своей тарелки и направился к выходу.

Алан как-то нервно посмотрел вслед ему, тоже достал кошелек, но смутился под потяжелевшим взглядом Рассадина:

— И этот туда же... Алан, ты помнишь, какие у меня тут связи были? Так вот, они остались. Поэтому ты, наверное, поверишь, что через пару дней в газетах появится информашка о том, что некий московский ресторатор, лицо кавказской национальности, связан с боевиками, оказывает им материальную поддержку и есть свидетельства того, что им и его заведением заинтересовались соответствующие органы. Хочешь такой публикации?

— Я чист перед законом, — неуверенно ответил Алан. — Меня сто раз уже проверяли, и именно потому, что я лицо кав...

— Еще сто раз проверят! Да так проверять будут, что без штанов в свои горы побежишь!

— И чего вы от меня хотите?

Рассадин вновь, теперь уже демонстративно, оглядывает зал ресторана, сцену, охранников...

Тот, который с наушником, допил воду, закончил дирижировать, но слушать не перестал. Правда, не музыку.

Панин, а это был он, слушал переговоры за столом.

— Чего хочу? — спросил Рассадин. — Хорошее у тебя гнездышко. Я давно мечтал приобрести что-то в этом роде.

Вадиму здесь делать было больше нечего, он вышел из ресторана и оглядел автостоянку. Собственно, и оглядывать-то нечего: поскольку заведение еще закрыто, кроме машины Стаса, здесь стоял ярко-синий «Форд». Стало быть, Рассадин приехал на нем.

2

Книжные развалы начинаются от входа в метро, оккупируют маленькую площадь и переходят даже на тротуар. Столики создают помеху прохожим, но никто не ропщет. Самый читающий на планете народ объелся классики, истосковался по иной литературе, точнее, хочет увидеть ее, хочет узнать, кто еще писал в этом мире книги, кроме Пушкина, Белинского, Драйзера и Бальзака. По-

купателей, особенно у метро и вокзалов, много, офени ими не дорожат, ведут себя, как считают нужным. Наглеют, но не совсем, конечно. Водку держат в бутылке из-под «Ессентуков», пить стараются не морщась и не вздрагивая, закусывая маринованными огурцами с бутербродами. А что, обед без отрыва от производства.

Мишка Гречихин держит в одной руке уже пустой пластиковый стакан, в другой огрызок огурца, передает это хозяйство соседу справа, а человек, стоящий слева, смотрит на просвет «Ессентуки» — там осталось граммов сто.

Возле него уже минут десять стоит женщина, перебирает книги, читает навскидку, открывая их на произвольной странице, изучает аннотации.

— Мадам ищет что-то конкретно? — спрашивает офеня с бутылкой.

— Да. Что-нибудь подешевле, в дорогу.

— Так это вот там, — показывает он на киоск, стоящий метрах в пятидесяти.

— Да? Большое спасибо, зайду туда. А что вы мне посоветуете взять?

— Туалетную бумагу.

Потенциальная покупательница скукоживается, шарахается от лотка, а продавец кричит ей вслед:

— Книги вам не что-нибудь, они кладезь мудрости, мадам! — И теперь уже поворачивается к Гречихину. — Ну что, допьем?

Спросил он это без особого энтузиазма и обрадовался, когда Мишка ответил:

— Нет, я пас. У меня сегодня еще встреча. Дай лаврушку зажевать.

— Держи.

Гречихин договорился о встрече с бывшим своим командиром Вадимом Паниным. Есть повод. У Андрюхи скоро день рождения, после ряда сложных операций он уехал на лесную базу, не хочет никого видеть, даже друзей. Но Вадик придумал один ход, и если он сработает...

Мишка идет по переходу почти не хромя. Вот удивительная вещь, размышляет он, когда немного выпьешь, не чувствуешь боли, даже протез не ощущаешь. Или это только кажется с нетрезвой головы? Плоховато одно: если Вадим унюхает водку — выскажет. Вроде и не командир он уже давно, но выскажет так, что пару дней потом и пиво в горло не полезет. Хорошо, лавровый лист терпкий попался, должен отбить запах.

У эскалатора Мишка замедлил шаг, потом и вовсе остановился. Там стоят два парня — в камуфляже, с гитарами. Прямо на полу, у их ног, лежит краповый берет с горкой купюр, к нему булавкой прикреплена картонка, на которой фломастером выведено:

«Сборы для лечения сослуживцев».

Парни поют — как плачут: «Так прощай же, мамочка родная, я за вас сегодня умираю»... Гали-

матья эта Мишке не нравится, но он все-таки дожидается, когда певцы перестают зазывать, берет-ся рукой за гриф одной из гитар и спрашивает их вполне миролюбиво:

— Где воевали, хлопчики?

Один из них наклонился, собирая купюры, второй, чью гитару как раз прихватил Гречихин, шипит, пытаясь вырвать ее:

— Выпил — катись, понял?

— Нигде не воевали, — заключает черт-те из чего Мишка, но остается по-прежнему еще добрым и мягким. — И ладно. Деньгу сшибать разрешаю, но крап, хлопчики, не позорьте. Краповые береты, знаете, как даются? Тяжело даются. Ни на пол их бросать, ни носить для понта никак нельзя.

Тот, который собирал деньги, разогнулся, бугай бугаем, на голову выше Гречихина, и процедил сквозь зубы:

— Катись отсюда, разрешитель хренов, пока вторую ногу тебе не оторвали, понял?

Не надо было ему так говорить. Только одно бугая прощало — он не знал Мишку.

Мишка аж повеселел, услышав такое. Гитара целиком оказалась в его руках.

— Понял, гетерасты долбаные, все я прекрасно понял! Сейчас вы у меня запоете как надо!

Широкий замах — и голова одного из этих самых гетерастов пробивает корпус гитары...

Еще минут через пять Мишка уже сидит в комнате милиции и ведет беседу с сержантом, заполняющим бланк. Тут же находится и капитан милиции Куропаткин, но он в эту беседу почти не вмешивается, листает газету.

— Где работаем, господин Гречихин? — спрашивает сержант, рассматривая его паспорт.

— Да тут, на развале, книги продаю.

— По какому случаю выпили?

— Мы втроем работаем, у одного день рождения, ну и...

— Ясненько. С ногой что?

— Чечня, спецназ. Ранение, — коротко отвечает Гречихин.

— Вот как? И по пьянке своих же братьев по оружию отметелил?

— Да какие это братья? Вы напрасно их, между прочим, отпустили! Сволочи это. И кто им разрешил только... — При этих словах капитан напрягся, даже газета дрогнула в руке, но Мишка сменил тему: — Я считаю, святое дело сделал.

Сержант хихикнул:

— За святое дело и пойдешь по хулиганству.

— Что, прямо сегодня?

— Нет, на Канарах дадим перед этим отдохнуть.

Мишка тяжело вздыхает и качает головой:

— Вообще-то я понимаю, раз заработал... Но только не во мне одном дело. Человек пострадает... Товарищи, разрешите звонок сделать, а?

— Министру или депутату? Нас тут этим часто пугают, только учти, мы не из пугливых.

— Нет, мне другу звякнуть.

Сержант совсем развеселился:

— Звонок другу в викторине «Кто хочет дать милиционеру»...

Капитану не нравится такая шутка, он закрывает газету, сухо говорит:

— Звони.

Мишка вытаскивает сотовый:

— Вадик, привет. Слушай, срывается сегодня встреча... Потому что я тебе из милиции звоню...

3

Вдали от московского шума и гама на берегу водохранилища стоит тихий и чистый городок ученых. На плотине можно взять моторку, полчаса плыть вдоль лесного берега, островов, заросших высокими соснами, мимо тихих заливов с кувшинками и ондатрами, которых называют «гастрономами», и причалить у черной полуразрушенной пристани. Тут расположена рыболовная база, одна из многих в этих краях, но лишь ее признает Андрей. Сюда он мальчишкой еще ездил с отцом, рыбалил и собирал ягоду. Знает тропы, клевые места, завсегдатаев уютных домиков. Отец Андрея — человек компанейский, то на уху всех пригласит, то к костру вытащит, и потому Андрюха таким же рос...

Но сейчас он никого не хочет видеть. С утра уплыл к ближним островам, в камыши, немного порыбачил, а потом лег на дно лодки, расстегнул до пупа рубаху — и смотрит в небо. Там нет ничего интересного, кроме чаек, но и их Андрей, похоже, не замечает. У него неживой взгляд. Так и лежит он весь день, даже вода и бутерброды остаются нетронутыми.

Чуть качнулась лодка на тихой волне. Это значит, кто-то подплывает, уже почти рядом. Андрей первым делом застегивает рубаху, чтоб скрыть от чужого глаза красный еще шрам — от ребер и почти до горла. Только потом поднимает голову и садится. Покой его, оказывается, потревожил Сергей Иванович, бывший сослуживец отца. Он давно в отставке и, почитай, все лето живет здесь. В Афгане горел в танке, с тех пор проблема с легкими, вот врачи и прописали быть больше на свежем воздухе. Заядлым рыбаком Сергей Иванович не стал, до сих пор удочки в камышах путает, но сам процесс ловли ему нравится.

— Андрюша, с тобой все нормально? А то смотрю, лежишь и лежишь, думаю, может, плохо стало.

— Все нормально. Просто вечерний клев жду.

— А утренний как прошел?

Андрей достал из воды садок, в нем плескались язи и подлещики.

— Забирай, Сергей Иванович, я все равно с рыбой возиться не буду.

— Ну так а чего ж! — Старик пересыпал себе улов, Андрею протянул ведерко, накрытое мокрой тряпкой. — Червей возьми, у меня остались. Я бы тоже, конечно, на вечерней зорьке посидел, да жена ждет, заругает. Тебе хорошо, ты не женат... — Увидев, как помрачнело лицо парня, он попробовал сменить тему. — Ты, если ерш попадаться будет, не выбрасывай, Анна Федотовна уху нам сварганит. У меня под уху водка хорошая...

Андрей лишь кивнул в ответ. И старик погреб к берегу, бормоча под нос:

— Вот хрен старый, дернуло про женитьбу сказать! Знал же все...

Еще с курсантских годов у Андрея была невеста, Татьяна. Он сюда, на базу, как-то с ней приезжал, уже лейтенантом. Видная такая, прямо хоть на обложки журналов помещай. Свадьбу хотели сыграть еще прошлой осенью, ждали, что вернется Андрей с Чечни, возьмет отпуск...

А оно вон как получилось. Татьяна всего раз в госпитале его навестила. Как увидела послеоперационного, с этой раной — и все, и забыла, что платье подвенечное уже выбирала.

Осуждать девку, конечно, легче всего, а понять можно — испугалась. Ну как всю жизнь сиделкой при инвалиде провести придется?

Весло неудачно вошло в воду, подняло брызги, а ветер кинул их в лицо Сергея Ивановича. Он вытерся рукавом и уверенно сказал:

— Ничего, поправится парень, обязательно. Худшее-то позади. Теперь бы растормошить его как-то...

4

Руководителем службы охраны у Стаса был Васильев, спокойный мужичок лет за сорок, бывший майор милиции, которому надоело пахать за копейки. На службе он звезд с неба не хватал, хоть был исполнительным, порядочным, но всегда действовал без всяких авантур и риска, а с такими качествами карьеру не сделаешь. В общем, ушел из органов Васильев.

Сейчас он сидит в своем небольшом кабинете, любит недавно сделанной фотографией. На ней — шестилетняя доченька, Варенька, среди луговых цветов, и на головке веночек из желтых одуванчиков. Замечательная фотография! Ее даже на стенде в детском саду вывесили, куда доченька ходит.

Варенька — долгожданный ребенок. Женился Васильев еще в двадцать лет на первой своей любви, однокласснице, и по сей день уверен, что нет краше и лучше этой женщины, а вот с детьми как-то долго не получалось. Подумывали уже из детдома на воспитание взять, и тут счастье выпало —

Варенька родилась. На имени сам настоял, назвал так же, как и жену зовут...

Панин заканчивает разговор по телефону, и Васильев, убирая фотографию, спрашивает с улыбкой:

— Я так понял, опять дружок твой влип, Мишка?

— Правильно поняли, — со вздохом отвечает Вадим. — Выручать надо.

— Выручай. Сегодня ты свободен, машину шефа только на сервис покажи.

Машина у Стаса — что надо машина, серебристый «мерс». На нем и подъезжает Панин к нужной станции метро, вылезать не спешит, через стекло обозревает ситуацию, прикидывая, как поступить дальше. Так, есть маленькая зацепка: на ступеньках, у колонн, стоит девочка-курсантка из школы милиции, ответственность на ее лице написана, значит, не случайно здесь оказалась, а долг исполняет. К примеру, на стажировке. Девочка полненькая, ноги коротковаты для модели, а вот глаза очень доверчивые, добрые такие глаза.

Сам Панин — франт да и только! Дорогой костюм, модный галстук, очки шеф из Франции привез, в руках солидный кейс... Сначала он идет к цветочному киоску, покупает там пурпурную розу на длинной ножке, а потом уже подруливает к курсантке:

— Боюсь показаться банальным, но эта роза вряд ли достойна вашей красоты!

Эту фразу могут до конца понять и оценить только девушки, которым еще не говорили таких комплиментов! Вот и эта — поплыла, заулыбалась, и ямочки на щечках сразу украсили ее.

— Вы на стажировке здесь?

Этот видный красавец не просто так, наверное, спрашивает, имеет, наверное, право спрашивать.

— Да, — тихо блеет она.

— Хорошо, очень хорошо, что наши ряды пополняются такими красавицами. Вашему командиру повезло, так и скажите ему. Впрочем, я сам скажу. У вас ведь тут этот... как его... Господи, забыл...

Курсантка тотчас приходит на помощь:

— Старший лей... Ой, капитан Куропаткин, позавчера только капитана получил.

— Да это я знаю. Как зовут — забыл. Старость не радость.

— Ну какой же вы старый, это бывает даже со мной. А зовут его Анатолий Анатольевич.

— Уже Анатольевич! Как же года летят! Но в сонме их, клянусь, не видел девушек прекрасней! Вы дадите мне надежду на новую встречу?

Курсантка прижимает к груди розу:

— Я и сегодня, после девятнадцати...

— Сегодня исключено, но мы еще увидимся, даю слово!

Вадим галантно кланяется ей, забегает в метро, а девушка зачарованно смотрит ему вслед...

Дверь в комнату милиции расположена правее от касс, Панин уверенно открывает ее и попадает в весьма просторный кабинет. За столом сидит сержант, напротив него Гречихин, а у дальней стены, на стуле, капитан рассматривает глянцевый журнал. К нему в первую очередь и обращается, протягивая руку, Панин:

— Толя, привет!

Капитан, обалдев, все-таки отвечает на рукопожатие. Вадим здоровается теперь и с сержантом, но продолжает говорить с офицером:

— С капитаном тебя! — Ставит на стол кейс, открывает, вытаскивает оттуда бутылку «Хеннеси». — Но выпьем не сейчас, тороплюсь, как... Но ты молодец, молодец, честное слово, так скоро и меня переплюнешь. — Только теперь он, кажется, замечает Мишку. — А этот раздолбай что опять натворил? Мишель, ты чего хороших людей грузишь?

Сержант смотрит на бутылку, тут же комкает заполненные уже листы, бросает их в корзину для мусора:

— Да нет, все нормально, он тут морды начистил некоторым, ну, тем, кому и надо чистить.

Панин весело и шумно вздыхает:

— Ой, ну нельзя тебе пить, никак нельзя! Не умеешь ты пить! Ладно, братишки, инцидент исчерпан? Я его забираю, отвожу домой, а сам — к замминистра. Вы же знаете, к нему если опоздаешь, — и он сокрушенно щелкает пальцами по циферблату.

Сержант убирает бутылку в нижний ящик стола:

— Да какой вопрос!

Панин опять трясет руки капитану и сержанту:

— Все, бывайте! На днях заскочу, но сегодня, Толик, — извини!

И выходит в дверь, подталкивая в спину Мишку.

А Куропаткин продолжает разглядывать свою ладонь, сосредоточенно вспоминая, кто же это одарил их такой дорогой выпивкой. Об этом спрашивает и сержант:

— А кто этот ваш дружок крутой, товарищ капитан?

Ничего не может вспомнить Куропаткин. Подозрения роятся в его голове:

— Убей, не знаю! Ну фраер... А ну-ка пойдём...

Они выскакивают из метро как раз в тот миг, когда Вадим и Миша усаживаются в представительный серебристый «мерс». Вадим взмахнул им на прощание рукой, сержант в ответ кинул руку к козырьку, а Куропаткин поднял ладонь и при этом пожал плечами.

Квартира Рассадина расположена не то чтоб в самом центре столицы, но в прекрасном месте. Окна зала выходят на тихий зеленый дворик. Лет десять назад тут были разбиты клумбы, даже бил маленький фонтан, стояли скамьи, но теперь клумбы поросли травой, фонтан иссяк, от скамеек остались металлические скелеты...

Рассадин стоит у окна, пьет кофе и дает наставления трем своим людям, сидящим на диване за журнальным столиком. На столике — водка, селедка, зеленый лук.

— Попугать надо как следует, но без крайних мер, — говорит Рассадин. — Мне они нужны живые и поумневшие. Особенно Стас. Чтоб золотые яйца нес, а клевал пшено с моей ладони. Поняли задачу, да?

Один из трех, внемлющих сейчас боссу, — его водитель. Лицо грубовато высечено из серого булыжника, особенно ошибся скульптор с носом, тот получился бесформенным и кривым. Водитель — ровесник Рассадина, они знакомы еще с райкомовских времен.

— Чего ж не понять, — отвечает водитель. — Яйца целыми оставим, вот только про пшено уточните.

Рассадин чуть не плеснул на себя кофе. Отсмеявшись, вздохнул:

— Ничего за мой отъезд не изменилось, не помнел народ. Хряк, тебе тоже про просо уточнять надо?

Этому кличка дана в самую точку. Лицо круглое, нос пятаком, глаза маленькие, свирепые. Но соображалка работает исправно.

— У Стаса дача за городом, я бы там пошухарил.

Рассадин думает несколько секунд и соглашается:

— Пошухарите. Только без грабежа. Пусть знает, что не воры к нему залезли, а люди с иными помыслами. С чистыми. Заодно и новичка в деле проверите.

Новичок моложе всех, кто собрался в этой квартире с высокими сталинскими потолками, со старой, не прессованной, а истинно деревянной мебелью, с хрустальными подвесками на люстре. Но он уже кое-что повидал в жизни. Служил по контракту в спецназе, имеет боевую медаль за Чечню, мастер по рукопашному бою, снайпер.

Фамилия его Волин.

6

Она спокойным шагом вышла из офиса, увидела нужную машину, направилась к ней, демонстративно поглядывая на часы:

— У меня ровно десять минут. Что вам надо?

— А здрастье где наше? — спросил Мишка.

Татьяна даже не улыбнулась:

— Ну здравствуйте.

Словно бы включаясь в игру, посмотрел на часы и Панин. Потом сказал:

— Татьяна, мы на день рождения к Андрюхе на базу едем.

— Можете передать ему привет.

— Само собой. Но вообще-то хотелось бы большего: привезти туда тебя. Утром приедем, а вечером того же дня, если не захочешь остаться...

— Вадим, я не буду ждать десяти минут. На эту тему я разговаривать не хочу. И не поеду туда ни на день, ни на час.

Гречихин стал заводиться:

— Я так и знал. А чего же ты, когда на выпуск в училище к нам приезжала, говорила, что готова за ним хоть на край... Нет, Вадик, тебя с нами не было, но она же говорила...

Татьяна как не слышала Мишку, стояла и курила, глядя вверх их голов.

— Я понимаю, — сказал Вадим. — Ну кончилась любовь и кончилась. Бывает такое. Только расставаться надо светло, Таня. Человеку плохо, а у него день рождения, понимаешь? А мы приедем, посидим, поговорим — это никого ни к чему не обязывает. И он все поймет, и мы понимаем...

— Вы бант купили?

— Какой бант? — не понял Мишка.

— Цвет в нашем возрасте не имеет значения. Упаковать меня, обвязать, вручить, как куклу, в подарок. Только я не кукла. И не сестра-сиделка.

— Да кукла ты, кукла без мозгов! — зачастил Гречихин. — Когда с ним все нормально было, ты какие песни пела? Или забыла?

Она бросила окурок в урну, опять проигнорировав Мишкины крики, обратилась к Панину:

— Ну не героиня я, не героиня! Судите, ваше право, с грязью мешайте. Только, Вадим, мне это не высказывайте, пожалуйста. И не приезжайте больше.

Она резко развернулась и ушла. Вадим подождал, пока дверь офиса за ней закрылась, и лишь потом сказал:

— Отрицательный результат — тоже результат. Точки над «i» поставлены.

— Какие точки? — спросил Мишка.

— Сейчас объясню. Подожди-ка меня минуту в машине и постарайся за это время в милицию не попасть.

Панин прошел к киоску, стоящему возле автобусной остановки, купил там мешок с кукурузными палочками, воду, конфеты, банку кофе, все положил на заднее сиденье, лихо рванул машину с места:

— Знаешь, что мне Акимов сказал? Врач, который Андрюху оперировал?

— Лекарства какие нужны?

— Нет. Баба ему нужна, Андрюхе нашему. Чего ты лыбишься? Я точно говорю. Нормальная горячая женщина. После таких ранений очень важно, чтоб человек в себя поверил, ни руки не опускал, ни... Да брось ты ржать! Это Акимов так говорит! Ты Акимову веришь?

— Чего ж не верить, Акимов — это... это Акимов!

— То-то и оно. Так что Татьяна на эту роль не подошла бы все равно. Тут профессионалка нужна. И это я, пожалуй, возьму на себя, поскольку Ольга тебя попросту убьет, если возьмешься за такое деликатное поручение. Вот, кстати, и она.

Панин остановил машину у общежития, где жил Мишка. Его жена Ольга вместе с сыном, пятилетним Олегом, как раз подходила к подъезду. Мишка выскочил, взял у жены из рук пакет. Пакет был прозрачным, и Панин увидел его содержимое: батон хлеба и пакет молока. Семью друга Вадим, как всегда, приветствует поднятой рукой и кричит мальчику:

— Олежка, папа здесь еще покупки забыл, возьми на заднем сиденье.

Малыш стремглав мчится к «мерсу», берет палочки, кофе, воду, конфеты...

— Мама, помоги, у меня в руках все не помещается!

Ольга лишь качает головой:

— Вадим, что ты делаешь! Ну зачем? У нас завтра зарплата...

— Молчи, женщина! — И поворачивается к Олежке: — Чтоб маме меньше таскать, я тебя к самому подъезду довезу, не против?

Ольга, принимая покупки, предлагает:

— Пойдем к нам, кофе попьем?

— Оль, ты знаешь, почему меня держат на работе? Я пунктуален. Никогда никуда не опаздываю. И сейчас спешу.

7

Хряк вылил на ковер последнюю бутылку керосина и уже пустую швырнул ее в стеклянную дверцу посудного буфета. Стекло рассыпалось на куски вместе со столовым сервизом. Удовлетворенный, он еще раз окинул эту самую большую и до недавнего времени со вкусом обставленную комнату подмосковной дачи. Картины порезаны, мебель разломана, обои залиты краской, и вот теперь — все в керосине. Как Рассадин просил, так и сделано.

Водитель с ломиком в руке вышел из ванной:

— Марафет там навел, сантехнику надо теперь всю новую покупать. А вообще, Хряк, я удивляюсь: Стас — человек такого полета, а домик обычный, никаких наворотов. Ну так что, будем хозяев ждать или?.. — Он вытащил из кармана зажигалку.

— Убери, псих! — прикрикнул Хряк. — Сказано же было — без крайних мер!

— А пожар разве крайняя мера?

— Мы зачем крушили тут все? Попугать человека. Если он на пепелище придет — это не страшно, понимаешь? Это несчастный случай, короткое замыкание или бомжи подожгли.

Водитель нехотя убрал зажигалку в карман:

— А ждать их зачем? Может, они и не придут сегодня?

— Может, — ответил Хряк. — Обычно Стас приезжает к девятнадцати, сейчас восемнадцать пятьдесят, подождем с запасом, позвоним Рассадину, послушаем, что он посоветует.

— Ты умный, — почесал затылок водитель. — Как у тебя все складно получается. Далеко пойдешь.

— Ну, по сравнению с некоторыми, чтоб выглядеть умным, не много и надо.

— Да, — не поняв издевки, закивал собеседник, и тут ожил сотовый Хряка.

— Едут, — доложил Волин, поджидавший их в машине на соседней улице.

Хряк подошел к окну: вдоль липовой рощи в сторону дачного поселка двигались две иномарки: серебряный «мерс» и японский внедорожник. Водитель уже ломанулся к винтовой лестнице, но Хряк попридержал его:

— Не торопись. Уходим так, чтоб нас увидели и сели на хвост. И не забудь, по какой дороге ехать к карьерам, а то сами же и вляпаемся в свою ловушку...

На «мерсе» ехал Стас с шофером Коленькой, метрах в пяти от них вел «японца» Панин, а Васильев ему говорил:

— Эту дачу еще родители его построили, когда живы были. А тогда — сам знаешь: нельзя выше, нельзя больше, нельзя красивее... Шеф в память о них все здесь и оставил, как было. А что, главное — уютно, родовым гнездом пахнет.

Вообще-то они должны были ехать впереди шефа, по трассе так и было, но тут дорога, считай, проселочная, тихая, на такой ничего не может случиться, вот Стас и решил пыль не глотать. Потому первым стал подруливать к своему дому, а бегущих из этого дома через участок на противоположную сторону двух мужчин заметил Вадим.

Васильев сориентировался быстро:

— Вправо бери, тут переулок. И дальше участков нет, так что никуда они не денутся! — И крикнул Коленьке: — На дачу не входить, от шефа ни на шаг!

Когда внедорожник выскочил на параллельную улицу, тянущуюся между поселком и редколесьем, стало ясно, что из дома Стаса бежали не бродяги или мелкие воришки. Их тут ждала машина, джип камуфляжной расцветки, по заду и пыльной завесе трудно было точно определить марку, но с места джип рванул очень резво. Как ни жал на газ Вадим, дистанция — метров сорок — так и не сокращалась.

Поселок закончился, дальше дорога пошла вдоль поля. Впереди виднелся лес, справа — водоем. Возле него дорога вдруг разделилась. Параллельно этой, чуть выше, прямо по плотине огромного пруда, потянулась другая, плохая — разбитая тракторными траками и напоминающая стиральную доску. Но убежавшие почему-то предпочли именно ее.

Панин не поменял маршрута, начал догонять беглецов, и Васильев заводил его криками:

— Вот так, вот так! Давай! Жми!

Но Вадим зачем-то поступил наоборот: сбросил газ, резко ударил по тормозам, проорал напарнику:

— Из машины!

И сам выпрыгнул, когда внедорожник еще не успокоился от погони. То же сделал Васильев, и в миг, когда он упал на землю, метрах в трех впереди них взметнулся взрыв. Не затормози они, взрыв раздался бы как раз под днищем.

Убежавшие тоже остановились, правда, всего на какие-то секунды. Никто из салона не вышел, но оттуда раздался глуховатый хлопок, и неизвестная машина поехала дальше. Совсем скоро она исчезла за деревьями. Оттуда около километра до трассы, так что возобновлять погоню было бессмысленно.

Панин и Васильев продолжали сидеть на обочине.

— Вадим, а как ты узнал?..

— Подумал, какого черта они выбрали стиральную доску. А когда увидел по курсу охапку соломы, которой неоткуда тут взяться...

— Какой соломы?

— Со своей головы можете пару соломин снять. Они лежали как раз там, где сейчас воронка.

— В Чечне с таким сталкивался? — спросил Васильев.

— Само собой.

Васильев поднялся, стал осматривать внедорожник:

— Повезло еще, осколки мимо прошли. Или мина такая.

— Мина такая, — сказал Вадим, продолжая сидеть.

— Блин! Вадик, а дырочка все же есть!

В лобовом стекле, точнехонько посередине, виднелось круглое отверстие, оставленное пулей.

Панин, разглядывая его, присвистнул, а Васильев заключил:

— Останься мы в салоне, кто-то бы из нас ее схлопотал. Если бы, конечно, чуть правее или чуть левее... Хорошо, смазал стрелок.

— Или очень точно стрелял, — в раздумье сказал Панин.

— То есть?

— То есть никого убивать и не хотел. Понимаете, и мину можно было помощней найти, и нас выцелить, а не в стекло бить. Хотя черт его знает...

Выслушав просьбу Панина отлучиться на пару дней, Стас ответил:

— Мне главное, чтоб когда нужно, вы были рядом. Хоть в воскресенье, хоть в полночь, хоть в великие праздники. А сейчас что ж, два-три дня — ваши. Я улетаю с Васильевым на Украину, буду в пятницу, какой рейс встречать — сообщу.

— Я провожу вас в аэропорт.

— Зачем? Я же сказал, улетаю с Васильевым...

— Если можно, я все же провожу вас.

— Как знаешь.

— И пожалуйста, больше не выезжайте вперед машины охраны.

Стас с веселым прищуром посмотрел на Панина, но ничего не ответил. Хотя на языке у него висел вопрос: «В войнуху играем или выслуживаемся?» В другое время он бы, наверное, и задал его, да строители все еще никак не навели порядок на даче. Война, значит, и вправду имеет место быть.

Поездка в аэропорт обошлась без происшествий. Вадим припарковал машину не рядом с «мерсом» шефа, но в зоне видимости. При этом проехал так, чтоб оглядеть по возможности всю стоянку. Надежда увидеть что-нибудь знакомое и интересное была минимальной, но она все же осуществилась. Ярко-синий «Форд» выделялся на фоне унылых темных цветов. Конечно, могло

быть просто совпадением, что Рассадин именно в этот день и в это время тоже здесь по своим делам, но лучше не упускать его из виду...

И Рассадин был начеку, не дремал, сидя на заднем сиденье. Панина он, конечно, не видел, потому что сосредоточил все внимание на машине Стаса. Вот вышел Васильев с чемоданом, вот и сам Стас показался. Достал сотовый, с кем-то ведет разговор. Охранник стоит метрах в восьми. И пусть стоит.

— Хряк, поди-ка пригласи моего друга на разговор. Пусть сюда подойдет.

— Стас? А если не захочет?

— А ты порешительней будь. Только без рук, конечно. На этом этапе, думается мне, многое можно решить еще любовно. По его реакции мы сейчас поймем, какие выводы он сделал из происшествия на даче.

Рассадину через стекло хорошо видно, как идет Хряк. Уверенно, вразвалочку, как и надо. Вот столкнулся лоб в лоб с каким-то недотепой. Никак не разойдутся на ровном месте. Так, пинать уже друг друга начали...

Стоп! У недотепы морда знакомая. Ну да, точно! Рассадин вспомнил: этот парень сидел в ресторане Алана, у выхода. На Стаса работает и сейчас на пути Хряка оказался, конечно же, не случайно.

Вот они наконец-то разошлись, но Стаса и Васильева уже нет. Хряк задергался, закрутил головой, Рассадину даже кажется, что он заскулил, как ищейка, потерявшая след.

— Кинули нашего Хряка, — улыбнулся совсем не расстроенный Рассадин. — Грамотно кинули. Ты знаешь его? — обратился он к водителю.

— Да. Новый охранник Стаса.

— Хороший.

— Убрать его надо?

— Может быть, но это вопрос не сегодняшнего дня. А сегодня слушай, что я говорю. Я хорошо помню юного Стаса и всех его комсомолочек. Девочки у него были как близнята: черненькие, плотненькие, фигуристые. Хохлушечки, наевшие круглые попы. Не думаю, что этим идеалам он изменил. Соображаешь, к чему я это говорю?

Водитель по-лошадиному тряхнул головой, но по этому жесту трудно было понять, дошел ли до него смысл слов босса. Потому Рассадин решил совсем уж раскрыть карты:

— Женщин у Стаса сейчас нет, он с головой в работе, и было бы хорошо найти ему такую. — Рассадин моментально перевел взгляд на Волина, сидевшего рядом с ним на заднем сиденье. — Это я тебе говорю, юноша. Водитель у нас только подковы разгибать спец, а ты на евнуха не похож. Правда, в Москве не так давно, но вдруг на родине, на батьковщине твоей, гарна дивчина есть, а?

— Подумаю, — скупое сказал Волин.

Вернулся Хряк, виновато пробасил:

— Потерял я его. Может, он регистрацию проходит? Я могу к стойкам сбегать...

— Сбегать, конечно, можешь, но лучше скажи, как же ты с парнем сейчас не справился, а? Он худее тебя в два раза!

— Вы же сказали силу не применять.

— Боюсь, если б я этого и не говорил, ты бы битым вернулся. Крепкий парень.

— Скажите — завалим, — пожал плечами водитель.

— Против лома нет приема?

— Можно и ломом. Но лучше, конечно, ствол иметь.

Рассадин хмыкнул:

— Ствол при дурной голове... Кстати, Волин, ты ведь служивый человек, говорят, с Чечни чуть ли не все возвращаются с оружием. Я бы пару пистолетов приобрел. Так, на всякий случай. Для самообороны. Есть такая возможность?

— Подумать надо.

Водитель потер руки:

— Вот тогда мы этого...

Рассадин его резко оборвал:

— Заткнись, маньяк! Может быть, конечно, ты такое задание когда-нибудь и получишь, но знай, что я принципиально против мокрых дел. Куда красивее человека не убить, а купить. Купим это-

го красавчика и, значит, нанесем еще один удар Стасу.

— Панина не купить, — сказал Волин.

Рассадин с интересом посмотрел на него:

— Так вы знакомы?

— Да. После Чечни я его сейчас впервые увидел. Мой бывший командир. Его не купить.

— Что, на земле есть такие? Мой юный друг, учи Маркса. Купить можно все, правда, за разную цену.

9

Нельзя сказать, что Вадим был завсегдатаем этого ночного клуба, но иногда — захаживал. Во всяком случае, официантка его сегодня узнала:

— Как всегда — испанское домашнее?

— Как всегда.

Свет в зале был приглушенный, и Панин даже пожалел, что так ярко залита софитами сцена: на ней у шеста выступали девочки-стриптизерши. Они смотрелись бы привлекательнее при более интимном освещении. Прекрасные их тела должны все же окутывать полумрак...

С одной из стриптизерш, Наташей, он был немного знаком. Она как раз завершает свой номер, и Вадим показывает ей на пустующее рядом место. Наташа чуть заметно кивает и минут через двадцать, уже одетая, составляет ему компанию.

Она тоже пьет вино.

— Вадик, я так ничего толком и не поняла, что ты наговорил по телефону. Куда-то ехать надо, какое-то приключение обещал...

— И продолжаю обещать. Я бы на твоём месте согласился вслепую!

— Вадик, вслепую не пойдёт. Говори толком, куда надо ехать и кто он, этот твой дружок?

— Отвечаю на первый вопрос. Там ягода-малина, парное молоко, а вместо этих дрянных шестов, что на сцене, — белые березки, так что навыки свои не утратишь.

— Второй вопрос?

— Чудный человек. Сейчас говорю без юмора, Наташа. Офицер до мозга костей, у него дед в войну полком командовал, отец с горячих точек не вылезает и сейчас там воюет, полковник... Настоящий полковник. А Андрюха еле живой после ранения остался. Инвалидность получил, невеста его бросила, и он сбежал из города в глушь, чтоб никого не слышать и не видеть. Он вообще сломаться может, понимаешь? Если в себя не поверит. Вот и прошу выручить человека. Соединишь приятное с полезным. Свежий воздух, грибы-ягоды, песчаный пляж, жареный судак... На твоём месте я бы за такое даже денег не брал.

Наташа сделала еще пару глотков, раздумывая над заманчивым предложением, но потом решительно возразила:

ОСКОЛОК ОРДЕНА

— Сессия на носу, я ее без денег не вытащу, так что прости, Вадик.

Он кладет перед ней кошелек.

— Я еще не сказала «да».

— Будем считать, что сказала. Значит, так. Утренней электричкой едешь до Дубны, я там тебя встречаю и показываю нужную тропу, на этой тропе тебя будет ждать Миша...

— Миша? Кто такой?

— Такой же раздолбай, как и я. Он покажет, куда топтать дальше. Запомни главное: с Андреем надо тебе встретиться вроде как случайно, понимаешь?

Наташа взяла кошелек.

ГЛАВА 2

1

Найти катер на дамбе оказалось делом минутным. Первому же лодочнику пообещали дорогую бутылку водки, а тут и дешевую в магазинах не найдешь, в очередях стоять надо, так что посуху даже не перекурили. Да, собственно, и времени-то на перекур не было. Выехали они сюда дневной электричкой, так что солнце уже на закат идет...

Моторка летит красиво, чуть задрав нос. Мишка опускает ладонь в воду и мелкие брызги сеют ему на лицо. Тельняшка на груди сразу становится мокрой. Он даже немного жалеет, что показывается нужная пристань и пора причаливать.

Лодочник помогает им выносить на берег вещи, осторожно берется за рюкзак: в нем звякает стеклотара.

— Моя здесь? — спрашивает он у Панина так, будто говорит о любимой женщине.

— Само собой! — Вадим развязывает рюкзак, достает литровую бутылку, протягивает мужику. —

Так мы договорились? Завтра подплываешь сюда в шесть ноль-ноль?

Лодочник щелкает каблуками сапог:

— Так точно! Как штык! Похмелье-то будет хотеться, и ежели наутро еще и пивка холоденького... Но у таких гвардейцев вряд ли что останется, да?

— Так и быть, одну гарантирую!

Выходит из лесу и подходит к приехавшим жена Сергея Ивановича — Анна Федотовна. В руках у нее лукошко с земляникой. Щурится, улыбаясь:

— Узнаю гостей. Вы уже приезжали по весне. К Андрюше, да?

Панин тоже узнает ее:

— Анна Федотовна, правильно? У меня, между прочим, потрясающая память на прекрасных женщин! Ух ты, земляничка! А пахнет как!

— Угощайтесь. Тут ее полно.

Панин не отказывается:

— С удовольствием! Да из хороших рук!

Он берет несколько ягод, бросает в рот, жмурится от удовольствия.

— А где наш именинник, дрыхнет?

Женщина переходит на шепот:

— Ой, ребятки, с ним беда. С утра уплывает, и на воде, на воде... Просто лежит в лодке и в небо смотрит. Мама хотела приехать, так он ей категорически запретил.

— Мы и от мамы ему подарок привезли. — Вадим резко, подражая индейцам, кричит, хлопая ладонью по губам: — И-и-и-и...

Боевой клич команчей разносится над водой.

— Вы надолго? — спрашивает Анна Федотовна.

— Как только все выпьем... — отвечает Мишка, показывая на горлышки бутылок, торчащих из рюкзака, и на ящик с пивом.

Анна Федотовна улыбается:

— На день, значит...

Из камышей, что растут у островка чуть левее базы, раздается ответный крик:

— И-и-и-и...

Его слышат и студенты-биологи, работающие этим летом под Дубной. Их семеро, и плюс преподаватель, Софья Матвеевна. Она качает головой:

— И тут покоя от пьяниц нет! Хотя бы зверя не пугали, ладно уж людей.

Она наклоняется, срывает какое-то чахлое растение, спрашивает стоящего рядом парня:

— Борис, вот кислица обыкновенная. Будь добр, скажи, чем она для нас интересна?

Борис берет из рук Софьи Матвеевны травинку, глубокомысленно смотрит на нее и тут замечает однокурсницу Настю, крепко сбитую девушку в вязаной красной шапочке.

— Настя! — кричит он. — У нас тут вопрос к тебе. Что сие есть?

Преподаватель ничего не успевает сказать, а Настя уже отвечает:

— Оксалис Ацетоселла. Клейстогамные цветки. Лепестки редуцированы, пыльники не вскрываются. Самоопыление идет внутри бутона.

— Правильно! — восклицает Борис. — Я, Софья Матвеевна, это же самое и хотел сказать.

Преподаватель замахивается на него хворостинкой, он, смеясь, убегает, а она кричит вслед:

— К ужину не опаздывать!

— Не опоздаю. Только посмотрю, по какому поводу на охотбазе с ума сходят.

А на базе никто с ума и не сходил. Трое друзей праздновали встречу вполне пристойно и культурно. Догорал костер, дозревали на мангале шашлыки, Мишка выстроил в ряд пустые уже бутылки, на горлышко каждой поставил по еловой шишке, стал на колени, отбросив в сторону свой ортопедический ботинок, и нунчаком ловко начал сбивать эти шишки. Андрей кинокамерой — сегодняшней подарок! — снимает Мишкино искусство. Панин перебирает струны гитары:

*Ликуй, пока над головой светило катится
И рядом дачница живет в цветастом платьице.
У вас уже душа горит, и запах меда на губах,
И взгляд туманится,
Ну а она все ох да ах, я буду вашей, говорит,
Не раньше пятницы...*

Все шишки сбиты. Мишка поднимает палец и торжественно говорит:

— А теперь — по заявкам родных и близких мне людей показываю трюк, который не имеет себе равных! Андрюха, оттащи бутылку подальше, метров за десять от меня, вон к тем кустам... правильно. Теперь ставь на горлышко шишку... Нет, что-нибудь поменьше... Спичечный коробок. Вот так. Отходи в сторону. Внимание... Вадик, играть туш — и смолкнуть... Отлично!

Гречихин обувается, поднимает нунчак над головой, как бы демонстрируя его почтенной публике, потом роняет, подфутболивает снаряд ногой, и тот летит в цель, не задев бутылку, сбивает коробок и зависает на кустах, в полуметре от притаившегося там Бориса. Студент ломанулся оттуда, как лось.

Хорошо, что троица не заметила этого, поскольку в ту самую секунду закричала «Ура!!!» и сразу перешла на припев любимой их песни про дачницу:

*Ох да ах, ох да ах, ну какая разница,
Ох да ах, в четверг или пятницу,
Будет ваше платье
Ох да ах, все в цветах!*

А дальше все было по науке: залили костер водой, убрали за собой весь мусор и потопали к домику, где их ждал ночлег. По Панину и Андрею

вообще не скажешь, что они выпили. Идут, ведут серьезный разговор.

— Серегу в штаб перевели, Денис капитана получил, наш Буров еще один орден заработал.

— И по делу, — кивает Андрей. — Хороший мужик. А где Волин?

— Я им как-то не интересовался. Но ребята рассказывали, что с их стороны ему были обещаны неприятности, потому он не стал продлевать контракт, быстренько снял погоны и слинял. Может, на свою Украину подался...

А Мишку немного развезло. Заметно прихрамывая, он идет сзади, поет дурным голосом и старается пританцовывать:

*Ну какая разница, четверг или пятница,
Ну какая разница... Хоп, хоп, хоп...*

Ночь наступает тихая, звездная, они не торопятся в дом, садятся на крыльце. Панин говорит Андрею:

— Я, братишка, с утра на катере уплываю, а Мишка позже — пусть выспится и пешком через лес потопает. Там недалеко. Ты только, если можно, проводи его немного, нужную тропу укажи.

— Обязательно. Да и самому пройтись надо, говорят, колосовики уже появились.

Мишка продолжает петь — как на луну воет:

— Ну какая разница!..

В этот самый вечер Волин, как и обещал, свел Рассадина с человеком, который мог бы продать ему пару пистолетов. Человек этот был заслуженный, солидный, в звании полковник, по состоянию здоровья пару месяцев назад ушел в запас, разъезжает по Москве в прекрасной иномарке, не сегодня-завтра займет высокую должность... С таким стоит иметь дело.

Фамилия продавца оружия — Абрамов.

Он ведет машину по лесной, еле просматривающейся дороге, затем съезжает между чахлой осиновой порослью и останавливается прямо на краю оврага. Отсюда вниз идет тропа. По тому, как уверенно идет по ней Абрамов, Рассадин понимает, что места эти его новый знакомый знает хорошо. Спуск обещает быть нескорым, и Рассадин продолжает разговор, начатый в машине:

— Вообще-то дороговато вы берете.

— Товар того стоит. Во-первых, «чистый», во-вторых, предназначен для спецподразделений, а это значит, марка и качество на высоте. И потом, Константин Евгеньевич, хозяин — барин. Я ведь не торгуюсь: не подходит цена — раскланялись и разошлись.

— Другими словами, покупатель всегда находится?

Абрамов не хочет затрагивать щекотливую тему и прямо говорит об этом собеседнику:

— Сменим пластинку. А то я начну спрашивать, на какую такую охоту вы с нашими стволами ехать собираетесь?

Спустились на дно оврага, прошли метров сто, и оказалось, что они уже у места назначения. У крутой обрывистой стены Волин прикреплял мишени-силуэты, у ног его стоял чемоданчик. Увидел прибывших, скорым шагом направился к ним.

— Показывай, что там у нас, — говорит Абрамов.

Волин открывает чемоданчик. В нем лежат четыре пистолета.

— Вы два хотели брать, Константин Евгеньевич? За вами право выбора.

— А как мы проверим?

Абрамов перебивает его:

— Для начала показывайте, какие на вас смотрят, а потом и о пристрелке потолкуем.

Рассадин не привык к такому тону. Ему бы словами поиграть, поерничать, пошутить, анекдот какой к месту вставить — так легче понять человека, с которым затеваешь какое-то дело. А Абрамов был и остался служакой: в жизни, наверное, только устав и читал.

Константин Евгеньевич долго выбирать не стал, показал на два крайних справа пистолета.

— Сколько до мишеней? — спросил Абрамов Волина.

— Тридцать пять метров, Анатолий Сергеевич.

— Вас, господин Рассадин, такая дистанция устраивает?

— Вполне.

Абрамов кивнул. Волин взял два ствола, на которые указал покупатель, и, кажется, не целясь, с двух рук стреляет по мишеням.

— Десять выстрелов, — сказал Абрамов. — Я гарантирую, что в мишенях мы насчитаем десять пробоин. Идем проверять.

— Это лишнее, — покачал головой Рассадин. — И отсюда видно, что пули в цель летели.

— Нет, все надо делать по правилам. Вы платите деньги и должны убедиться, что никакого обмана нет. Да ведь и просто же интересно посмотреть на работу снайпера. Если не ошибаюсь, он у вас начал служить, не так ли?

— Так, — кивнул Константин Евгеньевич. — И я уже вижу, что не зря его пригласил.

Волин как и не слышал этих слов.

Подошли к мишеням, насчитали десять дыр, расположившихся кучно в центре силуэта.

— Предлагаю и два других ствола проверить, — Абрамов взял пистолеты, протянул оба Рассадину: мол, за тобой право выбора.

— Я только в тире, с воздушки, — хихикнул Константин Евгеньевич. — Но учиться, думаю, надо. В России без этого не прожить.

Отошли на те же тридцать пять метров, стали стрелять. К удивлению самого Рассадина, две его пули попали в цель. Абрамов не промахивался, хотя разброс пробоин был великоват. Он и сам это отметил:

— Без тренировок нельзя.

Теперь уже втроем стали подниматься к машине.

— А если бы я захотел еще что-нибудь приобрести, а, Анатолий Сергеевич?

Тот в своей манере, не тратя попусту слов, ответил:

— Называйте марку, калибр — потом уже и разговор будет.

3

Андрей вышел на крыльцо. Утренний туман еще парит над водой. Туманы — это к грибам. Час назад на моторке уехал Вадик, тогда туман был вообще плотный. Пятьдесят метров отплыли — и все, и нет их. Андрей еще вернулся, чтобы часик поваляться в кровати, Мишка тоже вроде бы поспать собирался, но нет — сидит за столом, сколоченным у летней кухни. Перед ним початая бутылка, вяленая плотва и открытая банка тушенки.

— Андрюха, иди поправимся, а то после вечера голова бо-бо.

— Не хочу. Да и нельзя мне.

— А кому можно? Мне можно? Да если Ольга унюхает... — Он выпивает, начинает чистить рыбу, рвет ее зубами. — Хотя, пока домой доберусь, все выветрится, травку пожую, лаврушку у тебя возьму... А ты — правильно, ты не пей. Нельзя тебе. Первое знакомство, то да се... И не прося, не налью.

Андрей нарочито тяжело вздыхает:

— Так, белая горячка начинается. Ты сколько уже выпил?

Мишка приценивается к содержимому бутылки:

— Сто семьдесят восемь граммов, можешь проверять. Так что даже не думай, будто я пьян.

— О каком же ты знакомстве толкуешь?

Мишка прикладывает палец к губам:

— Тсс! Иди сюда, садись. Только подальше от водки. — Ставит бутылку ближе к себе. — Андрюха, скажу только тебе, по большому секрету, как другу. Но никому ни-ни, понял?

— Да тут мне и говорить некому. Спасибо, вы приехали.

— Приехали. Пожалуйста. Но суть в чем, брат? В сыроежках!

— М-да, — покачал головой Андрей. — Правильно Вадик говорит: нельзя тебе пить. Несешь какую-то ахинею.

— Андрюха, это же я образно... Сыроежка, да? Шапочка красная. Вот и ты такую встретишь. Сту-

дентка, комсомолка, красавица. Вадик сам выбирал лучшую из лучших, заплатил ей. Эта стриптизершей подрабатывает, а там ведь плохих не держат, Андрюха, так?

Андрей жалостливо посмотрел на друга:

— Может, никуда ты не поедешь, а? Сейчас выпишься, придешь в себя, а потом я тебя провожу на вечернюю электричку. Или попросим, чтоб на катере... Не надо о девках болтать.

Гречихин вроде как обиделся:

— А чего мне в себя приходиться? Я что, алкаш, что ли? Ну да, чуть-чуть усугубил вчерашнее, но насчет девок — это же не я, это Акимов так сказал, который тебя оперировал. Он так и сказал: все болезни от баб. Нет, чего я несу. Он сказал: хорошая девка любого мужика на ноги поставит, понял? Это сам Акимов так сказал! Вот Вадим и нашел кого надо. А ты — спать, электричка... — Тут Мишку что-то осенило, он взглянул на часы, схватил бутылку, завинтил ее, стал совать в рюкзак. — Елки зеленые, электричка же скоро придет! Спешить надо! Ты идешь за грибами?

Андрей быстро собрался, взял корзину, вышел из дома. Гречихин стоял уже у тропки, ведущей от базы в лес.

— Андрюха, ты сейчас идешь к болотцу, где мы в прошлый раз подберезовики резали, помнишь?

— Есть и другие грибные места...

— Нет, ты туда идешь!

Считая, что с Мишкой сейчас лучше не спорить, Андрей согласился, провел его немного до того места, где тропы разбегались, показал нужную, а сам решил действительно побродить среди деревьев. Не все ж в лодке качаться. Да и ногам надо давать нагрузку.

Хотя для чего?

Нет смысла, утрачен смысл, если уже никогда не наденет погоны, не станет в строй, не вылетит в горячую командировку. В госпитале сказали — раны ладно, затянутся, зарубцуются, но ПВС еще даст о себе знать. Поствоенный синдром. «Вам надо его преодолеть».

Надо.

Но не хочется...

А жизнерадостный Мишка, дойдя до березового молодняка, решил, что бутылку, конечно же, следует допить сейчас: чтоб все в организме выдохлось и выветрилось, пока он доедет домой. Только вытащил ее, родимую, из рюкзака, как увидел ту, ради которой он и пошел лесом, а не уплыл на катере вместе с Паниным. Красная шапочка в спортивном костюме.

— Привет, я Миша, — сказал он ей. — Комментарии требуются?

Настя, а это была она, недоуменно посмотрела на Гречихина:

— Требуются.

— Значит, так. Видишь ту сосну? — Он показал на огромное дерево, за которым начиналось болото. — Бери чуть правее и найдешь... Не скажу кого. Все и так понятно, да?

— Понятно, — сказала Настя со вздохом.

Хотела еще кое-что добавить, но пересилила себя. Не потому, что испугалась. Просто какой толк вести дискуссии с пьяными.

— Я могу считать свою миссию выполненной, мадам?

— Вполне.

Мишка дождался, пока девушка скрылась за деревьями, приложился к горлышку, сделал пару глотков, оторвался от любимого занятия, чтоб погрызть вяленого окунька, и... очумел! По тропинке со стороны Дубны, опять навстречу ему, шла та же красная шапочка! Только теперь в мини и в кофточке, почти не скрывающей груди.

— Ни фига! — Гречихин чуть бутылку не уронил. — Ты когда переодеться успела?

Наташа оробела, повернулась чуть боком, готовая бежать от странного типа, но все же спросила:

— Вы Миша?

— А кто ж тут еще может быть! Правильно, между прочим, что переделась! Андрюху голыми руками не возьмешь, потому бери его голыми ногами! Ну, раз, говоришь, знаешь, куда идти, то и иди!

Он махнул рукой, определяя ей путь, и Наташа пошла в ту сторону.

Мишка, наморщив лоб, стал размышлять, что это у него так беспокойно стало на душе. Красивая... В шапочке... Переделась... Стоп! И перекрасилась, что ли? Поначалу-то она темная была, а теперь — блондинка. Господи, надо правда меньше пить! Это же были две разные девушки! Выходит, Панин двух к Андрею послал? Не может быть такого, Андрей после ранения еще слаб, к чему ему две? Тогда что?

Размышляя на эту сложную тему, он хотел было допить бутылку, но тут увидел, что под елочкой срезает гриб еще одна красная шапочка. Косичка русых волос, схваченная резинкой, выбивается на затылке.

Он подошел к ней:

— Мне почему-то кажется, что именно вам я должен указать истинный путь.

Красная шапочка подняла голову, удивленно взглянула на него. Это был седой старик с длинными волосами.

— Грешно смеяться над старыми людьми, молодой человек, — с укоризной сказал он.

А Наташа тем временем, ругая себя за то, что надела высокие шпильки, подошла к краю болота. Осмотрелась, не видя, куда идти дальше, вытащила сигареты и не нашла ничего лучшего, как усесться на муравейник. Ящерица пробежала по траве.

Наташа поджала ноги, и тут муравьи добрались до ее тела, заорал над головой ворон, а на ближнюю корягу стал выползать уж.

— Мамочка, — тихо сказала девушка. Потом уже заорала нечто непотребное и помчалась в сторону города, на бегу сбивая с попы насекомых.

4

В данный момент Алана можно было называть бомжом — человеком без определенного места жительства. Свою двухкомнатную квартиру в Зябликово он продал, вложил деньги в строительство коттеджа в прекрасном месте — недалеко от столицы, озеро, лес, солидные соседи... К ноябрьским туда уже можно будет переселяться, а пока Алан снимал номер «люкс» в гостинице. Дела его шли до последнего времени неплохо, он уже конкретно прорабатывал возможность приобретения второго ресторана, морально готовил себя к тому, чтобы открыть сеть маленьких кафешек...

Но вот появилась проблема — Рассадин.

После встречи с ним Алан попробовал было поговорить со Стасом, может, вдвоем легче было бы торговаться с Константином Евгеньевичем, но Стас занял жесткую позицию: ты как хочешь, а от меня он ничего не получит.

Алану быть жестким нельзя. Алан лицо кавказской национальности, к тому же не нашедший общего языка со своей диаспорой. Нет у Алана

поддержки. Он ни на йоту не нарушает сейчас законов, но когда-то — грех был.

Узнать бы, какие бумаги сохранились у Рассадина. Но как? И пока это неизвестно, приходится отстегивать бывшему идеологу райкома партии, держать за дверью своей комнатки крепких ребят и ежемесячно повышать зарплату Бислану, старшему из охранников.

Вот как раз Бислан стучится в дверь, говорит с порога:

— Я в магазин сгоняю, племяннику надо подарок выбрать.

Бислан выходит из гостиницы, и водитель Рассадина показывает на него Волину:

— Он собой хоть что-то еще представляет, а остальные — фуфло. Ничего, кроме понтов.

Они уже долго сидят в машине, выбрав для этого место, не просматривающееся из окна номера, который занимает Алан.

— Тяжело с ним будет? — спросил Волин.

— Не будет. Думаю, Константин Евгеньевич его купит с потрохами. Это он сейчас Бислана на разговор вызвал.

— Тогда чего мы сидим?

— Пойдем.

Они поднялись на нужный им пятый этаж. Водитель только сейчас вспомнил о главном:

— Мы тут в прошлый раз с Хряком повеселились... Они наверняка теперь двери на замке дер-

жат. Выламывать будем? Рассадин, кстати, просил действовать эффектно.

— Эффектно, но не глупо. Оно нам нужно — перед ментами светиться? А они на шум прибегут.

— Тогда что ты предлагаешь?

Волин увидел женщину, идущую по коридору. Подошел к ней, пошущукался, и водитель увидел, как напарник протянул ей две «пятисотки».

— Друзей разыграть? — сказала та. — Чего ж не помочь, да если еще платите. Пожалуйста. Какая дверь?

Водитель показал на нужную, и женщина вместе с ними подошла и постучала:

— Мальчики, открывайте, белье меняем!

За дверью послышались шаги, заворочался ключ...

Охранники действительно были дилетантами, не могли даже удары держать. Расправились с ними за пару минут, загнав под стол. Водитель ногой стукнул по двери, ведущей в комнату Алана, чуть с петель не сорвал. Алан, бледный, стоял у стола, держась за спинку кресла. Водитель по-свойски прошел к нему, уселся рядом:

— Ты из какого детсада этих пацанов набрал?

Ресторатор вытер пот со лба:

— Зачем спектакль устроили? Мы же с Константином Евгеньевичем договорились, я приготовил ему кейс. Мой телефон у вас есть, позвонили бы снизу, деньги тут же вынесли бы...

Бесхитростный водитель сказал что знал:

— Прости, Алан, но босс распорядился действовать эффективно, так уроки, учит он, лучше запоминаются. Мы и далее будем что-нибудь придумывать. Волин на это горазд. Ты, кстати, лично нам должен две пятисотки, на спектакль потратилась.

5

Настя сидит на корточках у какого-то невзрачного растения, делает запись в тетради. И даже вздрагивает, услышав за спиной голос:

— Устала от ожидания, да? Ну вот он я. И что дальше? Как будем деньги отрабатывать?

Она посмотрела на бледного худого парня, опершегося на ствол старой березы. Господи, подумала, что же сегодня за день такой: то пьяница, то сумасшедший. У этого совершенно нездоровые глаза, можно всего ожидать...

— Ладно — ты, посторонний человек, но Вадим, Вадим! За кого же он меня считает, а? Долго он тебя уговаривал?

— Меня не надо уговаривать, — ответила Настя.

— Вот как, даже уговаривать не надо было? Увидела деньги и согласилась? И сколь же он тебе... Сколько же он...

Висок занял так, что Андрей стал массировать его двумя руками. Но боль не утихала, стала,

как током, пронизывать ноги, руки, в глазах потемнело, и Андрей потерял сознание.

...Очнулся он на своей кровати. Вокруг суетились Анна Федотовна, Сергей Иванович и некто в вязаной красной шапочке. Уши Андрея были словно забиты ватой, и голос Анны Федотовны звучал как бы издалека-издалека:

— Как же ты его дотащила, девонька?!

— Он легкий. И потом, немного сам шел, я только плечо подставляла.

— Ишь, как его в пот бросило. Надо хоть у горла рубаху расстегнуть...

Эта фраза привела Андрея в чувство. Не хватало еще, чтоб они шрамом любоваться начали.

— Все, — сказал Андрей. — Все, спасибо! Я сам теперь... Сергей Иванович, пусть все выйдут.

— Мы уходим, уходим, — закивала Анна Федотовна, а сама показала на ватман, лежащий на столике у изголовья. На нем был выполненный карандашом портрет женщины. Настя без труда поняла, что это был портрет Анны Федотовны.

Вышли в коридор. Женщина сказала:

— Меня рисует. Говорит, еще не закончил, а мне так очень нравится.

— Он художник?

Женщина не успела ответить, зазвонил телефон, и она поднесла трубку к уху:

— Появилась гостья, ага. Помогу, конечно... — И уже пояснила Насте. — Вадик звонил, спраши-

вал, встретил тебя Андрюша или нет. Не стала ему подробности сообщать, сама потом расскажешь.

— Вадик? Я не знаю никакого Вадика!

Анна Федотовна с улыбкой, по-заговорщически подмигнула девушке:

— Ну да, ну да, это ваши дела. Я в них вмешиваться не буду.

— Нет, — ответила Настя. — Это как раз я не хочу ни во что вмешиваться. Где моя тетрадка? А, я ее в комнате оставила, придется зайти на пару секунд. — И прежде чем это сделать, спросила: — У этого парня что, с головой проблемы?

— Не надо так, — подал голос Сергей Иванович. — Парень еле выжил, ему пули там, — показал себе на грудь, — все изрезали! Чечня — это тебе, девочка, не лесная прогулка. К тому же погоны снял, инвалидность... Понимать надо.

— Извините, — только и сказала Настя.

Зашла в комнату, взяла с тумбочки свою тетрадь.

Андрей лежал с закрытыми глазами, растирая ногу. По скрюченным пальцам Настя поняла, что стянуло судорогой мышцы.

— Снимай брюки, — сказала она.

Андрей открыл глаза, изумленно посмотрел на девушку:

— Нравы у вас, однако!

— Снимай, переворачивайся на живот и не скули. Массаж делать будем. Это я умею.

С того места, где стояли Рассадин с водителем, хорошо было видно, как по летному полю шли к зданию аэропорта пассажиры, прилетевшие утренним рейсом из Киева. Рядом со Стасом топала полненькая темная девушка, что-то говорила ему, и оба они улыбались. Улыбнулся и Рассадин.

— Что, — спросил водитель, — похожа на его давних подружек?

— Один к одному. Где такую выкопали?

— Знакомая нашего Волина. Антонина Ярема. Он ей позвонил, объяснил ситуацию — и вот, пожалуйста, она села на один борт с нашим Стасом, успела познакомиться с ним еще в «Борисполе»... Вообще, Волин башковитый парень.

— Глупых держу только в порядке исключения, — сказал Константин Евгеньевич, даже не думая, что собеседник может обидеться. — Хотя преданность иногда стоит выше ума. Ну что ж, первый акт мы посмотрели, будем переходить ко второму.

И Рассадин поднял палец, услышав, как захрипел динамик громкой связи. По нему дикторша объявила:

— Гражданин Васильев, прибывший рейсом двести два из Киева, просим подойти к окошку объявлений.

Пассажиры уже входят в аэровокзал, образуется толпа, но Рассадин цепко держит в поле зре-

ния нужные ему объекты. Затерялась в людской массе Антонина, Васильев, державшийся чуть позади своего шефа, сейчас подошел, говорит ему что-то. Дикторша повторяет информацию, и Васильев, пожав плечами, идет к окошку объявлений. Там ему вручают конверт, он тут же раскрывает его... Отсюда, конечно, не видно его содержимое, но Рассадин знает о нем и так. Васильев сейчас достает из конверта фотографию. На ней — его дочь, Варенька, в венке из желтых одуванчиков, среди луговых цветов. А рядом с ней — ковбой из американского боевика, с пистолетом, и ствол направлен прямо в ребенка. Внизу приклеены вырезанные буквы: «Папа, думай обо мне!!!»

И все.

Но этого хватит с лихвой, поскольку надо знать, как Васильев любит своего единственного ребенка.

Рассадин видит, как руководитель службы охраны Стаса прислоняется плечом к колонне. Ему явно зашло. Стас подходит... Вот теперь надо сразу наносить еще один удар.

И Константин Евгеньевич говорит водителю:

— Иди к Стасу и скажи, что я его здесь жду. По очень важному делу.

— А если не пойдет? — спрашивает водитель и сжимает кулак. — Можно чуть-чуть в ребро заехать?

— Это пока слишком... Стоп! Отбой нашим планам. — Рассадин увидел, что к Стасу подошел Панин. — Опять он невовремя объявляется. Пора, значит, и им заняться.

А Панин вместе со Стасом и Васильевым едут сразу же в офис. Ведут разговор в машине, продолжают его в кабинете шефа. Это тяжелый разговор.

— Я и раньше думал об уходе, а сейчас просто еще один и самый главный повод, Станислав Викторович. Семейно рисковать ради работы не могу и не буду. Дочь у меня как Снегурочка, поздняя и единственная, с таким трудом слепленная... В общем, не надо меня уговаривать!

— У кого еще могла быть такая фотография? — спросил Вадим.

— Снимок удачный получился, я его наштамповал с полсотни, наверное. А может, и больше, у нас же родственников сорок сороков, всем давали. Еще в детсады на стенде эта фотка висела. Да мало ли... У меня просьба, Станислав Викторович. Можно без всяких отработок? Я завтра же хочу уехать в деревню к теще, там жена и дочь сейчас отдыхают. Вадим меня заменит на все сто, впрочем, вы в этом уже и сами убедились.

Стас кивнул:

— Захотите вернуться — только скажите.

Позвонила из приемной секретарша:

— Станислав Викторович, Алан пришел.

— Пусть заходит. Да, Юля, приготовь нам два кофе. — И как бы извиняясь, повернулся к Панину. — Простите, у нас конфиденциальный разговор со старым товарищем и партнером. Так что идите в свой кабинет, сдавайте-принимайте дела, обсуждайте детали...

Вошел Алан, поздоровался со всеми, и тут зазвонил сотовый. Стас посмотрел высветившийся номер, хмыкнул, наверное, не признав его, но все же решил послушать:

— Да... Тоня? Сегодня вечером? Вообще-то приемлемо. Записываю адрес. Одну минутку. — И обратился к товарищу, прикрыв ладонью трубку: — Алан, разрядиться не хочешь? Прекрасная девушка, в самолете сегодня познакомился, есть подруга, приглашает на дачу, в баню.

— Сегодня не могу, у меня вечером переговоры.

Панин с Васильевым уже выходили из кабинета, но Вадим вдруг быстрым шагом вернулся к столу.

— Станислав Викторович, перенесите встречу на другой день. Там надо все проверить.

Стас ответил сухо:

— Панин, не путайте личную шерсть с государственной. Мои частные дела касаются только меня.

— Вы ей давали номер своего сотового? Визитку?

Стас нахмурился, задумался, потом сказал в трубку:

— Тоня, давайте перенесем встречу. Я вам перезвоню через час.

Отключил телефон и уже скорее сам себе произнес:

— Хоть убей, не помню, давал или нет.

Еще минут через сорок, уходя с Аланом из офиса, Стас заглянул в кабинет начальника охраны, где по-прежнему сидели за бумагами Васильев и Панин, и сказал:

— Вадим, не давал я никому своего сотового. Вот честное комсомольское, не давал.

7

В квартире Рассадина в это же время говорили на схожую тему. Тоня, расстроенная, стояла у окна, все еще сжимая в руке телефон, Волин сидел на диване, тоже хмурый и недовольный, и только сам хозяин, казалось, был доволен всем происшедшим. В роскошном синем халате он ходил по просторной комнате, дымил сигарой и попивал на ходу кофе.

— Ну, сорвалось с первого раза — и что? Если бы все сразу получалось, жизнь, мои юные друзья, была бы скучной и неинтересной. А теперь будем придумывать новые ходы.

— Я ведь говорил, что со звонком надо было подождать, — сказал Волин. — Если этот тип не давал ей визитку...

Рассадин мягко его перебил:

— Мы были комсомольскими активистами, дружок, мы заводили по сто знакомств в день и не заморачивались тем, кому давали адрес, кому нет... Стас был из этой же категории. Если б со стороны не последовала подсказка... Ну-ка, девочка, повтори еще раз, что удалось расслышать?

— Он трубку прикрыл, Константин Евгеньевич, и слышно было плохо. Но кто-то спросил, давал ли он мне телефон. И еще — по адресу надо, мол, проверить, кто там и что там.

Константин Евгеньевич поселил Тоню на даче своего давнего знакомого по партийной работе — Александра Александровича Гордеева. Дача была заброшенной два года, то есть с тех пор, когда у того умерла жена, тут никто не появлялся. Сразу после испанского вояжа Рассадин навестил старика, завели они разговор о даче и приехали сюда. Константин Евгеньевич и подал мысль навести тут порядок, сделать хотя бы косметический ремонт, чтоб повыгоднее продать. Гордеев не то чтоб нищенствовал, но жил чересчур честно, а значит, небогато, и деньги бы ему не помешали. «Возьмись за это, Костя, помоги мне и себе на этом, может быть, что-то выручишь». Рассадин прикинул — можно хорошо выручить, и нашел за копей-

ки семейную пару — то ли из Молдавии, то ли из Западной Украины. Тут они жили, тут выпивали, но вроде что-то и делали...

Здесь и хотел Рассадин сегодня побеседовать со Стасом, даже кое-какие бумаги показать, чтоб тот стоворчивее оказался. Промашка вышла.

Рассадин обращается к Волину:

— Ты вояка, а не аналитик. Ты считаешь победы по количеству трупов. А мне трупы не нужны, во всяком случае, на этом этапе. Мы сделали главное — мы растревожили противника. Он уже психует, а значит, скоро начнет ошибаться, подозревать всех и в конце концов поймет, что со мной лучше дружить, а не воевать.

— Это в идеале, Константин Евгеньевич. А что касается конкретики, то завтра-послезавтра Панин поедет по адресу, где остановилась Тоня, и начнет копать... Он умеет копать, поверьте.

— Значит, Тоня должна исчезнуть. Может, улететь домой, может, переехать в другой район, но так, чтобы на глаза Стасу больше не попадаться. Ты можешь этот вопрос решить?

Кофе и сигара закончились одновременно, он поставил опустевшую чашку на журнальный столик, то, что осталось от сигары, положил в хрустальную пепельницу и присел на диван рядом с Волиным.

— Попробую, — сказал тот.

— Попробуй. И надо незамедлительно решать вопрос с твоим однополчанином. Повстречай его как бы случайно, пригласи в ресторан...

— У нас не те отношения, Константин Евгеньевич. Рассиживаться со мной он не будет.

— И не надо. Предложи сразу хорошую работу. Сколько б ни платил ему Стас, я готов дать больше. От выпивки твой Панин может, конечно, отказаться, но от денег — вряд ли. — Он перевел взгляд на Тоню. — Находи подружке жильё и подумай, как сделать так, чтобы вообще никаких следов ее пребывания на даче ни Панин, ни кто другой обнаружить не смогли.

— Но ее там уже видели строители...

— Я же и говорю: думай. Ты ведь умный человек!

Через час с небольшим подержанный «жигуленок» Волина въезжал уже во двор другого дачного участка. Здесь стоял дом, похожий на замок, — высокий, добротный, прикрытый с улицы высоким металлическим забором и пышными голубыми елями. Кроме него, в глубине двора стоял щитовой летний домик. Возле него и остановил машину Волин. Открыл дверцу, помог выйти из салона Тоне. У той и так короткая юбка задралась почти до пояса.

Абрамов, стоявший у окна на втором этаже своего замка, хмыкнул при этом, перестал смотреть в щель плотных штор и по винтовой лестни-

це степенно спустился вниз, вышел на крыльцо. Волин, увидев его, тут же подошел, сказал тихо, чтоб не слышала спутница:

— Вы ведь разрешили мне иногда приводить знакомых.

— Разрешил, — кивнул Абрамов. — Но знакомых, а не барышень с улицы. Показывать сюда дорогу шлюшкам — это опасно.

— Ее зовут Тоней. Я знаю ее давно. Она приехала сюда по просьбе Рассадина. С завтрашнего дня я буду искать ей квартиру, но пока так получилось...

— Вот теперь все вопросы сняты. — Абрамов широко улыбнулся и подошел к девушке. — Тоня, значит. Рассадин, надеюсь, устроил вам торжественный обед?

Тоня ответила легкой усмешкой тигрицы на приценивающийся взгляд Анатолия Сергеевича, а Волин сказал:

— Нет, конечно, но мы купили тушенку, помидоры, макароны, так что...

— Отставить, — весело скомандовал Абрамов. — Поднимаемся в зал, садимся за стол, и пока выпьем под бутерброды с икрой, разогреются котлеты. Вперед!

Право первым идти по винтовой лестнице он предоставил Волину, сам же замкнул эту процессию. Округлая красивая задница Тони была как раз на уровне его глаз, полноватые, но стройные

ноги так завели полковника, что он едва сдержался, чтоб не прикоснуться к ним ладонью.

— Что гостье угодно — вино, коньяк, виски?

Они уже вошли в зал с дорогой белой мебелью.

— Мне было бы угодно принять душ, — ответила та. — Я ведь с дороги.

— Нет проблем. Волин, покажи, где у нас что, а я пока займусь столом.

Волин провел девушку в ванную, там зашумела вода, и он тут же вернулся. Абрамов уже выложил на блюдо бутерброды, зелень и озабоченно спросил Волина:

— Вы хлеб купили?

— Нет, но у меня вроде там было полбуханки.

— Так не годится. Быстро в машину, смотайся к платформе, возьми черного и белый батон.

В окно он понаблюдал, как Волин выехал из ворот, и тут же направился в ванную, открыл дверь.

Тоня продолжала спокойно стоять под струями воды, глядя на Абрамова, подняла руки, то ли ловя капли, то ли демонстрируя свое, без изъянов, тело...

Когда Волин вбежал наверх с пакетом, Тоня сидела за столом, а Абрамов стоял у плиты, переворачивал котлеты. Он же на правах хозяина начал было наполнять рюмки, однако Волин свою накрыл ладонью:

— Нет, у нас сегодня еще много работы.

— У нас — это у кого? — поинтересовался Анатолий Сергеевич.

— У меня и Тони. Обедаем и уезжаем.

— Ты деловой стал, я на тебя смотрю.

— Я думаю, что как раз это мое качество вас должно устраивать, Анатолий Сергеевич.

— Правильно. И я даже больше скажу. Ты меня так устраиваешь, Волин, что я разрешаю Антонине пожить на моей городской квартире столько, сколько нужно будет для дела. Где, кстати, ваши вещи, девушка?

Ответил Волин:

— Я из аэропорта отвез ее сразу на дачу, где она и должна была остановиться. Но не срослось. Потому сегодня мы что-то оттуда заберем — сейчас туда как раз и поедем.

— Только что-то? — удивилась Тоня.

— Да.

И уже когда сели в машину и помчались в сторону Москвы, Волин пояснил:

— Я, кажется, придумал, что надо сделать, чтоб тебя никто не искал. Вот для этого мы сейчас рулим к Киевскому вокзалу, находим какую-нибудь, похожую на тебя. Думаю, это будет несложно, бичей там много ошивается.

— А ты не усложняешь ситуацию? Я с дачи съеду, Стас знает только мое имя, и вообще, с какой стати меня будут разыскивать? Я ничего такого не совершила.

— Я не о Стасе. Я о Панине. Он знает номер рейса, знает имя, а значит, по запросу узнает и фамилию. И очень захочет тебя найти, чтоб спросить, кто дал тебе номер телефона его шефа. А искать тебя он будет простым способом. Встретится с хозяином дачи, поговорит с ним, спросит, кто ныне там проживает. Тот, конечно же, сразу назовет фамилию Рассадина.

— Так, это я поняла. А зачем нам нужна похожая на меня женщина?

ГЛАВА 3

1

Стас позвонил Панину рано утром, ничего толком не объяснил, продиктовал лишь номер телефона:

— Его зовут Валерий Иванович Щербина, подполковник милиции, хочет тебя видеть. Свяжись с ним и держи меня в курсе дела. Ничего не скрывай.

Вадим связался, сел в машину и тут же выехал в подмосковный дачный кооператив.

Подполковник Щербина оказался высоким, плотным, но с нежными белыми руками, потому рост и ширина плеч никак не ассоциировались с физической силой милиционера. Он встретил Вадима у ворот дачи, сразу перешел на «ты» и первым делом спросил:

— В баньку пройти не желаешь?

— Раз спрашиваете, значит, есть необходимость.

— Есть. Для начала два слова скажу о том, кто хозяин этого участка. Гордеев, бывший партиец, в горкоме партии на больших должностях сидел.

Очень порядочный и скромный человек по отзывам всех, кто его знает. Восемьдесят восемь лет, это я к тому говорю, чтоб отпал вопрос, не путается ли он с бабами.

Ясно, подумал Панин, значит, в деле женщина замешана. Какое только отношение имеет дача Гордеева к Стасу Викторовичу?

Баня стояла на другом краю участка, от дома к ней вела красная песчаная дорожка. Такой же песок был и вокруг самой бани. Его изучал человек в гражданской одежде, но, безусловно, при погонах, а второй, старший лейтенант, сидел в «уазике» с открытой дверцей и что-то записывал в блокнот.

Зашли в баню. Внутри все было обожжено и разрушено взрывом. Единственное узкое оконце взрывной волной было вынесено наружу.

— Час назад отсюда увезли три трупа, двух женщин и мужчину. Осколочные ранения и ожоги. Гастарбайтеры, занимались тут ремонтом.

— Молодые, старые?

— Мужчине лет сорок пять, коротышка, лысый совсем, одной женщине примерно столько же, а вторая — молодая, темненькая, фигурка такая... Нормальная, в общем, фигурка.

— Вещи, документы?

— Сидели лишь в простынях, видно, из парной вышли. На всех остался один уцелевший, но сильно обгоревший паспорт и сотовый телефон.

— Телефон может многое дать...

— Хрен там! Новенькая «симка». Только один звонок из него и сделали — твоему шефу. Пальчиков никаких — лежал в луже воды. Взрывом пробило трубу, вода тут хлестала, потому дача и не сгорела. А ошметок паспорта был на имя Антонины Яремы. Так получилось, что она как раз Станиславу Викторовичу и звонила. Мы, конечно, и с ним беседовать будем, но пока, с его подачи, тебя сюда пригласили.

Вадим рассказал все, что знал. И спросил, в свою очередь:

— Есть версия, что тут случилось?

— Есть, и удивительная! Понимаешь, такое предположение, что они втроем сидели голыми за столом и ковырялись в гранате. Она, естественно, рванула. Что голые — ладно, баня, как-никак. Но вот с гранатой... Были бы все мужики — еще можно понять, тяга к оружию. Но две девки...

Вадим посмотрел на дверь, оконный проем, и Щербина понял его:

— Дверь была закрыта изнутри на крючок. Окно... Даже если предположить, что его не взрывом вышибло, все равно снаружи гранату так не кинуть, чтоб она на стол попала.

Они вышли из бани, и подполковник продолжил:

— Песок девственен, никаких следов со стороны окна. — Он увлек Вадима подальше от милиционеров, к яблоням, на которых висели созревающие плоды. — Панин, честно скажу: я не Шерлок Холмс, я вневедомственной охраной до недавнего времени занимался, но от нас бегут сейчас все, вот и дали звезду, дали должность, плюс связи неплохие... Но что тут произошло, даже не фантазируется.

Яблоки уже наливались красным цветом. Панин потянулся, сорвал самое спелое. Под одним из деревьев лежала стремянка. Панин посмотрел на яблоню, на окно и неожиданно быстро пошел опять в баню. Щербина поспешил за ним.

— Ты чего?

— Фокус хочу вам показать, Валерий Иванович. — Осматривает битую посуду, находит почти целую керамическую кружку. — Здесь, видно, был набор их, и одна чудом уцелела, — ставит ее посреди стола и кладет в нее яблоко. — Представьте, что это граната, «эфка». У нее рычажок такой, отжимной, и если аккуратно поставить в кружку, стенки будут его фиксировать. Вот так. Теперь закроем наше яблоко зеленью или цветами... Готово. У вас как с учетом патронов, товарищ подполковник, — очень строго?

— Лично у меня — нет.

— Не дадите разок пальнуть?

Щербина ничего не понимает, потирает в растерянности белые пальчики:

— То есть как это?

— Выходим из бани, вы остаетесь у открытой двери, а я...

Панин опять вернулся к дереву, под которым лежала лестница, приставил ее к стволу, залез, уже оттуда спросил:

— Взрыв произошел поздним вечером, так? В помещении горел свет?

— Я думаю...

— А я уверен в этом. При свете кружка была бы отсюда прекрасно видна, а сейчас придется глаза напрягать.

Он выстрелил. Кружка разлетелась, яблоко покатилося по столу и упало на пол.

— Баллистикам скажете, что след вашей пули не в счет, ладно? Пусть ищут другую. Вы теперь все поняли? Троица сидела за столом и мирно выпивала. В центре стола стояла кружка с гранатой. Кто-то выстрелил в нее, отбросил лестницу и спокойно ушел.

— Но зачем? Кому нужны бедные молдаване и Антонина Ярема?

— А вот эту задачу уж вам решать, Валерий Иванович.

— Послушай, она же хотела пригласить вчера сюда твоего шефа... Может, кто-то подумал, что как раз он с женщинами и сидел?

— Это вряд ли. Так все организовать и спутать лысого коротышку со Станиславом Викторовичем?

Панин сорвал еще одно яблоко и надкусил его. Оно оказалось еще незрелым, но кушать можно было.

2

Утро выдалось серое, ветреное. Андрей уложил снасти в лодку, с вечера вытащенную на песок, сел сам в нее: сталкивать в воду и плыть не спешил.

Он думал о той, которая притащила его из лесу в дом. Надо было хотя бы спасибо ей сказать. И за массаж. Знает толк в этом. Пальцы сильные. Откуда ее Вадик выкопал? Сейчас уже, наверное, ему доложила, что замысел не удался. Ну Панин, ну стервец...

— Что, клева сегодня не будет?

Андрей не поворачивается, лишь хмурится. Легка на помине. Значит, еще не уехала, решила деньги честным трудом отработать. Надо было у Мишки спросить, сколько ей Вадим отслуживил.

— У вас, мадам, разносторонние интересы: от стриптиза до медицины и рыбалки.

Настя подходит к воде, в спортивном костюме, с маленьким рюкзачком за плечами, подбирает в лужице выброшенного волной малька, бросает

его на глубину и спокойно реагирует на колкость больного человека:

— Рыбалкой не увлекаюсь.

— А вопрос о клеве — повод завязать разговор?

— Я договорилась с Сергеем Ивановичем, что он меня сегодня утром на остров отвезет, да, наверное, рано пришла. Вот и подумала: если поплывешь... Вы же все равно там обычно рыбачите?

Остров метрах в двухстах от берега. Он довольно большой: одна его половина заросла лесом, другая — открытая. Биологам там раздолье.

Андрей продолжает гнуть свое:

— Ты, выходит, экстремалка? Мне казалось, людям твоей профессии будуары нужны.

Он встает, подталкивает лодку к воде, затаскивает на борт якорь, жестом приглашает Настю сесть на корму и начинает грести к острову. Настя снимает рюкзак, ставит его к ногам:

— Ты так хорошо знаешь мою профессию?

— Сейчас о ней в любой газете пишут больше, чем о космонавтах и шахтерах. Не пыльно и дешево.

— Ну, я бы так не сказала.

— Что, Вадим мало заплатил? Доплатить надо?

— За что? — Она опять совсем перестала понимать этого с виду нормального парня.

— За профессию твою. Может, прямо в лодке и начнем, а? Или на травке покувыркаться хочется?

Андрей говорил зло, он даже грести бросил, и лодка, не дойдя до острова метров тридцать, стала разворачиваться по волне.

Вот что война с людьми делает, подумала Настя. Человеку и впрямь лучше сейчас побыть одному, он о чем-то своем думает, плохом и тревожном...

— Волны к берегу. Тебе домой легче грести будет.

— В каком смысле? — спросил он обескураженно.

— В прямом. Передай Сергею Ивановичу, чтоб забрал в два часа.

Она резко встала и прыгнула с кормы в воду, поплыла легко, по-мужски. Андрей схватился было за весла, чтоб догнать ее, но увидел, что девушка уже достала ногами до дна, идет к берегу, хотя воды еще по грудь.

— Ну и пошла ты... — сказал он себе.

Лодку понесло к базе, оставалось лишь чуть шевелить веслами. На глаза попался Настин рюкзак. Он развязался, и была видна пластиковая бутылка с водой и бутерброды с сыром.

Рыбачить не хотелось. Андрей решил пойти в дом и поваляться на кровати — что еще в такую погоду делать?!

У лодочной станции сидел Сергей Иванович.

— Настю жду. Любит, видно, девка поспать, ну и ладно, клева по такой погоде все равно не будет.

— Я ее на остров отвез, — сказал Андрей и почувствовал, что краснеет.

— Тогда хорошо. А забирать мне? И когда?

— Я же и заберу.

Двух часов он дожидаться не стал. К двенадцати ветер прогнал тучи, всюю засияло солнце, но волны пошли большие, с белыми барашками.

На острове над высокой травой поднимался дым костра. Андрей причалил поближе к нему.

Настя в купальнике сидела у огня. Рядом с ней растянута на кустах сушилась куртка.

— У тебя нет воды? — только и спросила она.

Он протянул ей рюкзак, в котором теперь лежали колбаса, котлеты, пепси, апельсин. Но Настя взяла лишь свою бутылку.

— Прости, я свинтус, конечно, — начал Андрей. — Но и вы с Вадимом... Я вам что, подопытный кролик?

— Если и вправду попросил прощения, то на этом и остановись, а то торг выходит. Я вас простил, теперь вы меня... Не надо.

Она попила воды, стала одеваться, и Андрей не нашелся, что ей ответить. Права ведь.

— Идем к лодке? — Она подобрала охапку сорванной и уже успевшей подвянуть на солнце травы, длинной, с зонтиками.

— Борщ варить собираешься или огурцы солить? — спросил Андрей. — Зачем тебе столько укропа?

— Это, скорее, сельдерей, семейство зонтичных. Очень похож на сильфий, но...

— Не слышал о таком.

— Это понятно. Он рос во времена Македонского в окрестностях Кирены, из его корней лечебную смолу добывали. Ценился выше серебра, потому и быстро исчез.

— Так ты его что, найти хочешь?

— Почему бы и нет? Ученые из свиты Македонского пробовали рассаживать его на завоеванных землях, а завоевывал он много...

3

Мишка с сыном лежат на полу комнаты, отжимаются на кулаках по счету. Считает Олежка:

— Восемь, девять, десять! — И распластался на полу, но, отдохнув полминуты, говорит: — Папа, я еще один раз смогу.

— Верю. Но не надо. Тебе мышцы перегружать рано.

В комнату зашла Оля с чашкой чая, пьет его на ходу:

— Мужчины, я сегодня возвращусь поздно, вы на хозяйстве.

— У тебя же сегодня должен быть выходной? — спрашивает сын.

— Должен. Но еду клиентку обшивать, машина от нее уже пришла.

Мишка встает, смотрит в окно. Там стоит ино-марка, а возле нее водитель лет сорока.

— Олежка, два-три часа один побудешь.

— Мне, папа, не привыкать. Только пюре сварил.

— Картошка есть, масло есть... Вот молока у нас нет, — озабоченно говорит жена.

— На воде вкусней и полезней, так же, па?

— А ты куда — на два-три часа? — спрашивает жена.

— На собеседование приглашают.

— Серьезное предложение?

Мишка пожимает плечами:

— Как и сто предыдущих. Я вправду посчитал: сегодня иду сто первый раз пытаться судьбу.

— Ничего! Не в сто первый, так в двухсотый, но найдем и прорвемся! Только никаких историй, ладно? И ни грамма!

Жена убегает, а Олежка говорит:

— Па, если что, я тебе жвачку дам, мне дядя Вадим много подарил...

В двенадцать Гречихин идет тропой через лесную поляну. За его спиной из-за дерева выскакивает человек с ножом, замахивается, но Мишка

перехватывает его руку, бросает нападающего через плечо. Тут же подбегает еще один верзила, тоже с ножом, Мишка отклоняется от выпада лезвия и берет противника на болевой прием. Тот стонет, как борцов...

— Брейк! — кричит стоявший чуть в стороне сам глава фирмы Виталий Эмильевич Ронкин. — Полегче, Гречихин, ты же ему руку сломаешь!

Мишка отпускает соперника, а сам остается сидеть на траве.

— Как стреляем? — спрашивает его Ронкин.

— Кандидат в мастера. Стрелял из «Скорпио», «Узи», «М-16». Могу из пращи.

— Это как?

Мишка достает из кармана пращу, закладывает в нее камень, делает несколько размахов — и камень летит точно в кепку одного из «противников», висевшую на кусте.

— Экзотика, — не слишком уверенно говорит Ронкин, но Гречихин не согласен:

— Не скажите. Находит практическое применение. — Ну, если ты еще и машины водишь...

— «Оку», «Мерседес», БТР... Но это уже никакого значения не имеет.

А сказал это Мишка так, потому что увидел идущего к Ронкину руководителя его охраны Писарева. Тот слышит последние вопросы и ответы и говорит:

— Вы, Виталий Эмильевич, спросите, за сколько секунд он стометровку бегают.

И шепчет что-то Ронкину на ухо. Понятно что. Ронкин закусывает губу, некоторое время молчит. Потом говорит:

— Пока свободны, о результатах сообщим.

Мишка поворачивается, уходит, сказав при этом:

— Понятно. Это мы уже ровно сто раз слышали.

Писарев кричит ему вслед:

— Что понятно? А если из-за твоей ноги шефа пришьют, тогда тоже все понятно будет?

На пути Гречихина стоит тот, у которого он первым выбил нож. Ухмыляется, подбрасывая нож на ладони. Мишка неуловимым движением ловит его в воздухе, делает при этом сальто и в прыжке швыряет нож в дерево, у которого стоит Писарев. Тот шарахается в сторону, чуть не сбивая при этом Ронкина. Ронкин попытался вытащить нож, но у него это не получилось.

— Хороший бросок. У нас его координаты есть?.

Панин и Щербина вошли в приемную вместе, сразу же удалились в кабинет Вадима. Юля по просьбе милиционера поставила заваривать кофе, и тут у нее зазвонил телефон. Мужской незнако-

мый голос спросил, нет ли в сегодняшней почте для Станислава Викторовича конверта от Иванова.

— Сейчас посмотрю... Да, есть. Что сказать? Однокурсник? Так и передам.

И положила толстый белый конверт наверх.

А Щербина, едва переступив порог кабинета Панина, поделился новостью:

— Знакомая шефа твоего, ну, которая погибла, скорее всего не Антонина и не Ярема. Паспорт на это имя пропал два года назад в поезде у одной пассажирки. Так что никаких зацепок пока не находим, чтоб установить личность.

— По ворованному паспорту покупать авиабилет, — вздохнул Вадим. — Ни страха, ни контроля. Бардак!

— Еще какой! У нас и не то происходит...

Дверь открыл Станислав Викторович, поздоровался с Паниным, Щербиной, спросил у того:

— Так понимаю, вы ко мне? По поводу этой погибшей?

— Так точно.

— Но я же ничего почти... Ладно, минут за десять я посмотрю почту, а вы пейте кофе и заходите.

Десяти минут ждать не пришлось. И даже кофе они допить не успели. Вбежала Юля:

— Шеф приглашает срочно. Обоих.

На столе Стаса лежал распечатанный белый конверт, оттуда выглядывали фотографии. Стас стоял у окна, скрестив руки на груди, и кивком головы показал на них:

— Вот, полюбуйте.

Панин поднял за угол конверт, и четыре фотографии выпали из него. Вадим не спешил взять их в руки, и Валерий Иванович заметил это:

— Если думаешь про отпечатки пальцев, то напрасно. Эту азбуку уже дети знают, а тут — игра по-крупному.

На трех снимках была запечатлена симпатичная девица — везде полуобнаженная, соблазнительная. На четвертом — она же, уже голая, лежащая на полу, в луже крови, с обезображенным лицом.

— Кто же ее мог сфотографировать? — спросил Панин.

— Так понятно ж, — ответил Валерий Иванович. — Ты ведь доказал, что там был снайпер. Кто убил, тот и сфотографировал. Только зачем?

— Это как раз не вопрос. Берут на испуг. Мы этот прием совсем недавно уже видели. Я сейчас другое имею в виду, Валерий Иванович. Зачем ее, мертвую, куда-то тащили, фотографировали, а потом возвращали труп назад?

Щербина уставился на снимок, ничего не понимая.

— С чего ты это взял?

Даже Станислав Викторович подошел к столу, вопросительно глядя то на фото, то на Вадима. Теперь он опустил руки, и Панин заметил, как мелко дрожат его пальцы.

— В бане половые доски — на сто двадцать, а эти, на которых труп лежит, по меньшей мере в два раза шире.

Щербина выругался:

— Да когда ж я все это замечать научусь?!

...С работы в этот день Панин возвращался затемно. К метро, как всегда, решил доехать на троллейбусе. Людей на остановке было немного, но водитель Рассадина, чья зеленая «Шкода» стояла метрах в сорока, у обочины, сказал озабоченно:

— Не потерять бы.

Волин, сидевший рядом с ним, кивнул:

— Постараюсь. Но ему вроде сейчас прятаться не от кого.

Они видят, как к остановке подходит троллейбус. Многие здесь выходят, все те, кто ждал его, заходят — тут работает лишь один маршрут. Троллейбус трогается, и Волин говорит:

— Гони на следующую остановку, я там подсяду.

Троллейбус они обогнали, ни на секунду не теряя его из виду. На следующей остановке транспорт ждала одна пожилая женщина. Волин вошел вслед за ней, убедившись, что из салона выпрыг-

нули лишь двое мальчишек. Двери закрываются, Волин осматривает салон и прислоняется лбом к холодному стеклу.

Панина в троллейбусе нет.

5

Рассадин остался себе верен, даже когда услышал подробности о том, как не состоялась встреча Волина и Панина. Докладывал ему о ней водитель, и Константин Евгеньевич только мудро улыбался и попыхивал сигарой:

— Это все о чем говорит? О том, какой у нас умный противник. Значит, надо как можно быстрее с ним встречаться и обещать те блага, которых он не имеет. А блага — это что?

Водитель поднял глаза к потолку:

— Ну, выпить хорошо, и чтоб машина была, за границу съездить, их жизнь посмотреть...

— Это все и у тебя будет. — И уже жестче не говорит, а диктует: — Завтра, не откладывая на вечер, найдите возможность встретиться с Паниным. Очень надеюсь, что ты и Волин принесете мне более радостные вести. Иначе я задумаюсь, не напрасно ли плачу вам деньги.

Вот поэтому на следующий день, едва Панин отъехал от офиса Станислава Викторовича на его серебристом «мерсе», в хвост ему пристроилась зеленая «Шкода».

— Знаешь, куда бывший твой командир путь держит? — спросил Волина водитель.

— Этого пока никто не знает.

— А хочешь на спор? К Алану он едет, к дружку своего шефа.

— Откуда тебе это известно?

— Бислан, охранник его, уже потихоньку сдавать начал своего хозяина. Еще хорохорится, но скоро совсем на нас работать станет. Сука. Хотя это жизнь. Девка у него завелась — на деньги дюже жадная. А у кавказца жесты широкие, да кошелек тощий.

Панин действительно подъехал к ресторану Алана. Припарковываясь, отметил, что сзади остановилась «Шкода», которая некоторое время исправно на одной дистанции следовала за ним.

Алан ждал его у входа, повел за сервированный уже столик:

— Легкий завтрак не повредит? Вино не предлагаю, знаю, что ты за рулем, но «Боржоми» выпьем, так? Есть омлет с ветчиной, хороший мясной салат, шашлыки...

— Алан, давай без восточных тонкостей. За завтрак спасибо, что подашь, то и съем, но говорить будем конкретно. Зачем звал?

Появилась официантка, подала им еще дымящиеся шашлыки, потную бутылку воды и бутылку коньяка.

— Тебе презент, — сказал ресторатор. — Не польская подделка.

— Я взятки не беру, Алан, на всякий случай запомни это на будущее.

— Это просто подарок...

— Нет.

Алан вроде никакого знака не подавал, но тотчас появился парень, унес бутылку со стола.

Панин показал на часы:

— На беседу — от силы десять минут.

— Уложись, — кивнул ресторатор. — Если не секрет, сколько ты получаешь у Стаса?

— Хочешь перекупить? — усмехнулся Вадим.

— Нет. Знаю, что это бесполезно. Но я хочу, чтоб у меня тыл был прикрыт так же, как у него. Я надеюсь, ты подскажешь, кого мне взять для этого и сколько ему платить. Конечно, лучший вариант — чтобы ты сам ко мне пришел, я знаю твой послужной список. Это не будет предательством по отношению к Стасу, я с ним на эту щекотливую тему сам переговорю и тебе сейчас обещаю, что о переходе не пожалеешь...

— Исключено. Если у тебя все...

— Найди мне людей, пожалуйста, Панин! Бислан будет прислушиваться к их советам, он будет лишь номинально руководителем...

— Так не годится, — сказал Вадим. — В любой силовой структуре командир должен быть один и не номинальный.

— Ладно, и на это согласен. Но ты такого командира мне можешь найти?

— Если найду, дам знать...

Садясь в машину, Вадим отметил, что зеленая «Шкода» опять тронулась вслед за его «мерсом». Он тут же достал сотовый:

— Коленька, меня, кажется, ведут. Ты где? Там универмаг «Весна» недалеко? Вот и отлично, встретимся на втором этаже. Помнишь, я тебе о шутке с кошельком рассказывал? Воплотим в жизнь.

Возле «Весны» Панин припарковался и вошел в магазин. Заехала на автостоянку и «Шкода».

— Будем ждать? — спросил водитель.

— Конечно. Он ведь никуда не денется, машина-то здесь. Как только выйдет из магазина, я к нему и подойду.

— Нет, лучше в магазине. В толпе: мол, встретились случайно, привет, как жизнь...

— Панин в случайные встречи не верит. Я даже не исключаю, что он нас уже вычислил: мы же ехали за ним как привязанные.

— Нет, я за другие машины прятался... Знаешь, я все же пойду, присмотрю за ним. Что-то на сердце неспокойно.

Панин был уже у двери магазина, водитель вцепился взглядом в его темную ветровку и помчался следом. В людской толчее потерять нужного тебе человека можно запросто, потому води-

тель исхитрился сократить дистанцию между ними. Панин направился на второй этаж. Это к лучшему, там вроде покупателей меньше...

Кто-то попридержал водителя за рукав:

— Простите, вы кошелек уронили.

И юноша всовывает в его руку потрепанный толстый бумажник. Ни фига себе! Если б вытащили, то можно понять, но вручать, да чужой, да толстый — это что ж творится?!

Водитель машинально раскрыл его. Пачка каких-то бумажек, денег нет. Вместо них — фотография Альберта Эйнштейна, на которой он смеется, высунув язык.

Водитель потерянно вертит головой: темной ветровки нигде нет. Стоп, мелькнула у выхода...

Он мчится туда, но в похожей ветровке совсем другой мужик.

А Волин сидит в «Шкоде» и с горькой усмешкой видит, как к серебристому «мерсу», на котором приехал Панин, подходит молодой парень, спокойно садится за руль и отъезжает. Волин со зла бьет кулаком по коленке, потом поднимает большой палец: хорошо сработал, Панин!

Мишкина жена Ольга не просто шьет, а любит шить. Работает она обходчицей в Мосгазе, неинтересная и неденежная эта работа, а все свободное время — за машинкой. С деньгами тоже получает-

ся неважно, не умеет Ольга торговаться и рвать с клиентов, но хорошо хоть то, что эти клиенты есть, передают ее из рук в руки.

Сейчас Ольга выходит из подъезда дома с огромным и тяжелым баулом, чуть ли не волоком тащит его к машине, у которой стоит Валерий, водитель. Он спокойно курит и помочь женщине не пытается, даже тогда, когда та старается впихнуть этот баул на заднее сиденье. Впихнула, потирает уставшие руки, и лишь после этого Валерий бросает курить, выплевывает окурок и занимает место за баранкой. Ольга сама открывает дверцу, садится рядом.

— Ну и как? — спрашивает Валерий.

— Все подошло, тютелька в тютельку. Вот шубу еще дала укоротить и два плащика переделать.

Шофер криво усмехается:

— Да мне до фени, довольна она или нет. Мне надо, чтобы мы с тобой довольны были. Как, говорю, насчет моего предложения? Посидеть, то да се? За мой счет, естественно. И плюс сверху.

Он вытаскивает стодолларовую бумажку, небрежно бросает ее на колени Ольги и трогает машину с места.

— Кстати, девочка, я научу тебя, как с моей хозяйкой надо строить отношения, — вот тогда будешь получать! Договорились? А ресторанчик хороший, уютный, с номерами...

— Мне в ресторан не в чем идти.

Он хохочет и одной рукой пробует обнять Ольгу, но та отстраняется.

— Совсем не в чем? Ну и хрен с ним, с рестораном! У меня хата есть, там нам будет не хуже. А раз не в чем, то еще лучше, раздевать не надо...

Его рука теперь лезет к Ольгиной коленке, но она решительно отбивает ее.

— Направо сейчас.

— А то ж я не знаю!

Ехать к общежитию, где живет Ольга, недалеко, минут пятнадцать, и все это время Валера ведет разговор на одну и ту же тему:

— Ты пойми, милая, шефиня будет тебе платить, я платить буду — настанет малина, а не жизнь! И твой хромоножка ничего не узнает! Ну?

Вот и общага.

Ольга выходит из машины, открывает заднюю дверцу, пробует вытащить баул. Валера с переднего сиденья тянется к ней, хватая за запястье руки, пробует притянуть к себе:

— Завтра, договорились? Ой, красавица, ну дай я тебя чмокну...

Дверца с его стороны распаивается, Мишка одной рукой, как редиску из земли, выдергивает Валеру из салона, а другой тут же бьет в лоб так, что тот плашмя падает на капот. Говорит при этом жене:

— Оленька, сумка тяжелая, не возись, я вытащу. — И уже Валере: — Ты полежи малость, я сейчас вернусь и договорим. Насчет чмокнуть.

Мишка обегает машину сзади, забирает у жены баул, ставит его на тротуар, хочет вернуться к Валере, но тот уже за рулем и рвет с места.

— Ну вот, и не поговорили, — расстроено сказал Гречихин.

7

Стас зашел в кабинет к Панину, когда тот укреплял на стене фотографию в тонкой металлической рамке. На переднем плане — бравый, с двумя орденами, капитан, рядом с ним девушка, а чуть позади группа офицеров, среди которых Стас узнал и Вадима.

— Почти семейное фото, — улыбнулся шеф. — Командир с женой и его верные бойцы. Так?

— Так, Станислав Викторович.

— Ты здесь еще старший лейтенант, значит, снимок сделан года три назад?

— И это верно.

— Как видишь, я тоже не лишен наблюдательности. Ныне ваш капитан как минимум в майорах...

— В капитанах Серега, Станислав Викторович.

— Что так? У тех, кто воюет, я слышал, карьерный рост идет быстро.

— По идее, да. У тех, кто остается в живых.

Шеф сразу стушевался, какое-то время молча рассматривал фотографию, потом спросил:

— А эти, которые рядом с тобой?

— Живы. Но в боевом порядке остался один. Вот он — майор.

— Так живем, — глухо сказал Станислав Викторович. И протянул Вадиму руку. — Я в Белый дом, сегодня здесь уже не появлюсь.

— У вас не найдется минут десять для разговора?

— Не больше десяти.

— Хорошо. За вами и Аланом действительно водились большие грехи?

— Тогда первоначальный капитал ни к кому не приходил честно. Ни к кому! — повторил Стас. — Потому давай обойдемся без подробностей. И вообще, будем считать тему прошлого закрытой.

— Не получится, Станислав Викторович. Я должен хотя бы представлять, насколько серьезны для вас бумаги, которые хранит Рассадин.

— Знать бы, что именно он имеет. Но я так понимаю, что у него есть документы, которые могут «выстрелить». И еще я вот что скажу, Вадим. Рассадин — дерьмо порядочное, к цели всегда шел напролом, не считался ни с чем. Захочет — подставит под удар любого, а сам выкрутится. Потому набирай команду, приглашай людей, сколько нужно и каких нужно.

— Каких — это от вас зависит, Станислав Викторович. От задачи, которая будет поставлена. Можно работать над тем, чтобы найти бумаги Рассадина и изъять их. Можно дать понять, что его шантаж вас несколько не волнует, лично вы защищены прекрасно, и пусть он поступает как хочет. Можно тихо сидеть и ждать от него ошибки, чтоб потом перехватить инициативу. Можно заняться поиском компромата на вашего бывшего босса и потом устроить торг...

Станислав Викторович, стоявший до этого у двери и готовый выйти из кабинета, прошел к столу, сел на стул, ссутулился и вроде как постарел.

— Панин, — сказал он. — Я знаю одно. Я много лет тружусь честно, может быть, чересчур тесно, и законов даже на йоту нарушать своей команде не позволяю. Найти и, как ты говоришь, изъять документы у Рассадина без этого невозможно. Сегодняшняя ситуация меня устраивает. У нас с ним оборваны все контакты, надеюсь, он переберется и успокоится.

— Думаете, ему хватит того, что он выжмет из Алана?

Станислав Викторович выдержал очень большую паузу. Он, наверное, еще сидел бы молча, но вошла Юля, сказала, что Коленька с машиной уже у подъезда. Это она так тактично напомнила шефу, что в Белый дом опаздывать не надо.

Он встал. Красноречиво посмотрел на секретаршу, и та выпорхнула.

— На Алане Рассадин не остановится, — наконец сказал шеф. — Но мы военных действий против него открывать не будем. Может быть, торг... Как говорят, торг уместен...

Сам же Константин Евгеньевич в это время входил вместе с Абрамовым в ресторан. Уселись за столик в отдельном кабинете, Абрамов поправил ширму так, чтоб был виден вход. Улыбчивая официантка спросила:

— Вам, Анатолий Сергеевич, как всегда — рыбу?

— Рекомендую, — поднял палец Абрамов, обращаясь к собеседнику.

— Я всегда прислушиваюсь к советам умных людей.

— Значит, тогда две рыбы и белый соус.

Официантка ушла, и только после этого Рассадин взглянул в меню, увидел цены на заказанное блюдо и поднял брови:

— Однако неплохо живут военные пенсионеры! А везде пишут...

— Бывшие партийные и комсомольские работники тоже не прозябают, Константин Евгеньевич, иначе бы вы не обращались ко мне за очередным заказом. Я правильно понял, вы попросили встречи именно для этого?

Абрамов никак не давал ему взять инициативу разговора в свои руки. Рассадину приходилось постоянно отвечать на прямо поставленные вопросы.

— Да. Решил коллекционером стать. Огнестрельное оружие. Некоторые говорят, что это уже не модно, но у меня на этот счет свое мнение...

— Предлагаю мушкет времен Наполеона. Есть отечественная пицаль середины семнадцатого века.

Рассадин рассмеялся:

— Я пока не профессионал, я дилетант. Потому на первых порах меня устроила бы хорошая снайперская винтовка.

Абрамов воспринял эту фразу как ожидаемую.

— Качество ствола определяет качество цены.

— Для меня это не вопрос.

— Тогда договорились. Только очень серьезная просьба: не засветите ствол.

— Я дорогими вещами не разбрасываюсь, Анатолий Сергеевич. И пока не начали трапезу: скажите, что представляет собой ваш бывший сослуживец Панин?

Как ни умел держать себя Абрамов, но тут рука его, лежащая на скатерти, дрогнула. Он вперил тяжелый и одновременно пронзительный взгляд на собеседника и медленно выговорил:

— Вправду говоря, я уже жалею, что мы дого-

ворились насчет снайперской. В Панина трудно будет попасть.

— Клянусь, у винтовки будет другая задача. Что же касается Панина — мне приятно, что у нас с вами общий враг, Анатолий Сергеевич.

8

В этот день Вадим ушел с работы лишь после того, как получил сообщение от Коленьки, что шеф отзаседал свое в правительстве и доставлен домой. Юля уже ушла, в офисе никого не осталось. Панин вынул из шкафа огромную коробку с электронным танком и, выходя из кабинета, сказал, глядя на фотографию:

— Такая вот жизнь, Серега.

Примерно через час он остановился у дома, возле которого только укоренялись молодые деревца. Два года назад тут праздновали новоселье командира. Через неделю Серега уехал в очередную командировку и уже не вернулся оттуда.

Панин достает сотовый, набирает нужный номер, смотрит на окна третьего этажа.

— Лариса, привет!

— Привет, — слышит в ответ. — Ты где?

— Угадай с одного раза.

На знакомый балкон тотчас выходит женщина с телефонной трубкой в руке.

— Игорек не спит? — спрашивает Панин.

Женщина поворачивается, видно, зовет кого-то. К ней выскакивает мальчишка лет шести.

— Тебе только его хотелось видеть?

— Если честно, мне хочется глоток хорошего чая.

— Уже закипает, — говорит Лариса и добавляет: — Слушай, он трубку вырывает.

— Дядя Вадим, а в коробке что? — слышится звонкий взволнованный голосок. — Танк?

— Само собой. Что и было мной обещано.

— А ты еще обещал в музей.

— Идем завтра прямо с утра...

И они вправду пошли в Дарвиновский. Игорь носился по этажам и залам, ему было вообще не до взрослых — тут для него все было интересным.

Вадим и Лариса сели на скамью, стоявшую у стены, и Лариса совершенно неожиданно спросила:

— Панин, скажи честно, а почему ты меня тогда Сереже уступил? Ну когда я с вами только познакомилась?

— Честно? — переспросил Панин. — Так если честно, то я тебя не уступил, а проиграл.

Лариса даже отстранилась от него:

— Проиграл? В карты?

— Я в карты вообще не играю. Сережа сказал, хватит, мол, ходить втроем, пойдем в тир — и уложил все пули в десяточку.

ОСКОЛОК ОРДЕНА

— А у тебя рука дрогнула? Или решил уго-
дить командиру?

— Ни то и ни другое. Он всегда лучше стрелял.

Игорь помчался к витрине с неандертальцами,
начал строить им рожицы.

— Панин! — Она чаще всего звала его по фами-
лии. — А почему ты не женишься, Панин? У тебя
ж выбор!.. Молодой, красивый, с квартирой.

— Ты какой ответ от меня ждешь?

Она чуть пожала плечами, потом тихо засмея-
лась:

— Наверное, такой, как в женских романах пи-
шут. Что лучше меня не нашел или что-то в этом
роде. Соври, скажи, что это так.

— Не хочу врать. Понимаешь, Лара, есть такая
сказка про Снегурочку, за которую очень страш-
но. Она может пострадать именно из-за того, что
кто-то ее любит. Мне ее недавно мой знакомый
рассказал.

Игорек повернулся к ним:

— Ма, дядя Вадим, идите сюда! Во! — показал
на древнюю грудастую женщину, сидящую у ко-
стра. — Наша нянечка из группы.

ГЛАВА 4

1

— Софья Матвеевна, улыбнитесь!

Преподаватель машет рукой и отворачивается:

— Боря, ты мне уже надоел!

— Но пять кадров осталось, Софья Матвеевна! Я бы пленку сегодня в печать сдал, когда за хлебом поеду.

Кто-то из палатки советует ему:

— А ты пойди девчонок сфоткай. Они купаются.

Женщина делано пугается:

— Не вздумай! Они там в костюмах Евы.

— Так это же то, что надо, Софья Матвеевна!

Три студенточки действительно плещутся на диком пляже. Когда проходит катер, приседают по горло в воду, чтоб не демонстрировать чужому глазу обнаженные груди. Они грызут дикие кисловатые яблоки.

— Господи, как домой возвращаться не хочется! — говорит одна.

— А я хочу, — говорит другая. — В ванную, на дискотеку, потом с Лешкой к нему на дачу!

— У вас дело к свадьбе?

— К матери-одиночке. Ему нужна... Ну такая, как наша Настя: чтоб одновременно умная и красивая.

И обе одновременно, в один голос, кричат:

— Настя!

Та заплыла на глубину, ближе к руслу, и теперь возвращается.

— Чего?

— Настя, а почему у тебя парня до сих пор нет, а?

— Так все ищут умных и красивых.

Девчонки хохочут, направляются к берегу, и только выйдя из воды, замечают Бориса, засевшего в кустах с фотоаппаратом. Визжат, швыряют в него огрызками яблок. Один попадает точно в глаз.

— За что, дуры? — кричит Борис, убегая. — Я для истории вашу красоту сохранил! Спасибо же потом скажете!

Солнце только наполняется жаром, на небе ни облачка, и ветра нет — полнейший штиль. Для купания такая погода в самый раз, но рыбакам по солнцепеку делать нечего, и Андрей, отведав душу за утренним клевом, возвращается на базу.

Впервые за долгое время он действительно занимался рыбалкой. Хорошо, был подсак, не то бы не перетащил за борт лодки двухкилограммового язя, да и окунь клевал крупный, и ерши шли королевские. А хоть бы и не королевские — в ухе каждый ерш стодится!

Андрей, еще не причалив, крикнул из лодки прогуливающейся по берегу Анне Федотовне:

— Как насчет ухи?

— Appetit появился? — обрадовалась женщина. — Давай я прямо сейчас сварю.

— Нет, варить ныне есть кому. Эта обещала, которая лягушек резать умеет.

— Настя?

— Она в котором домике остановилась?

— Настя не на базе живет, она с биологами, в палатках.

— Ах да! — Андрей чуть поскуchnел. — Как же я мог забыть, Мишка же говорил. Студентка. А в свободное от учебы время... Ну и шут с ним! В общем, Анна Федотовна, вечером приглашаю вас на уху, передайте Сергею Ивановичу, что водка у меня еще от гостей осталась.

...Уха была как уха, не испортила ее Настя. До первых звезд просидели они за столом, все больше слушали гостью.

— В Кирене траву сильфий даже на монетах изображали, как царей и героев. — Тут она взглянула на часы. — Ой, уболтала я вас своими сказками, надо бежать, а то Софья в розыск объявит.

— Я б до утра слушала, — призналась Анна Федотовна. — Надо же, сколько живем, траву эту самую топчем, а ничего о ней не знаем.

— Не эту самую, — возразил Сергей Иванович. — Тебе же сказали: сильфия уже нет. Хотя

поискать, конечно, можно. Надо не окуней таскать, а науке помочь, да и себе. Если найду, тыщу долларов за корешок заплатят?

Посмеялись и стали расходиться.

— Я провожу, — сказал Насте Андрей.

— Зачем? Мы же тут рядом.

— Тем более. Далеко бы и не пошел — страшно. Давай пакет понесу. Тяжелый ведь небось?

— Нет. Пара книг. Наш однокурсник в Дубну сегодня за продуктами ездил, я его попросила в книжный заскочить и еще кое-что по мелочи прикупить...

— Давай, давай.

Так и дошли до поляны, где горел костер и сидели студенты с гитарой. Осталось только обогнуть куст дикого шиповника, но как раз его цепкие колючки и прихватили пакет. Андрей вроде не сильно дернул — просто целлофан оказался слабым. Пакет порвался, содержимое его оказалось на земле. Увидев, как Андрей расстроился, Настя рассмеялась:

— Ничего страшного, я до палатки и в руках все донесу.

Андрей наклонился, чтоб подобрать книги. Из одной из них выпала фотография, та, которую сделал сегодня Борис. Обнаженная Настя выходила из воды. В ту секунду Бориса с «мыльницей» она еще не видела, потому чувствовала себя уверенно, смело.

Прекрасный получился снимок.

— Боттичелли, «Рождение Венеры», — сказал Андрей. — У тебя здесь такой спокойный взгляд... Привыкла к фотосессиям?

— Или дай ее сюда, или забирай, — сухо ответила Настя. — Не надо фотку вот так разглядывать, это не совсем этично.

— А позировать в таком виде, значит, этично?

— Мне надо оправдываться и что-то объяснять? — Она дернула плечиками и быстро удалилась в сторону палаток.

2

В этом массажном кабинете работали настоящие тайки. Сеансы здесь стоили дорого, но проблем с посетителями не было: очередь составлялась за неделю. Обслуживали клиентов девочки молоденькие, фигуристые, почти не одетые, но никаких вольностей себе не позволяли. По-русски они говорили с акцентом, но это только приветствовалось.

Самую классную массажистку звали Кисикис, или что-то в этом роде. Она заканчивает работать с поясницей Рассадина и говорит ему:

— Господин знает, что у него сегодня последний сеанс? А жаль, тут еще есть с чем работать.

— Ну почему же последний, — довольно отвечает Константин Евгеньевич. — К тому же, если надо, приду хоть завтра.

— У вас закончилась проплата. Мы в долг просто не имеет права работать.

— Деньги не проблема, — сразу поскучнел Рассадин.

— Буду рада, если так. Вы хороший клиент.

Едва выйдя из салона, он вынул сотовый, стал названивать в приемную Стаса. Юля долго не брала трубу, но наконец не выдержала.

— Девушка, как бы мне связаться с вашим шефом? Ах, в местной командировке... В сортир пошел, что ли? — Он отключился и зло, что с ним редко бывало, закончил: — Не хочет меня слышать. Ничего, услышит!

Тут же сделал второй звонок:

— Бислан? Исчезни на час. Мои ребята с Аланом говорить будут. Я тебе уже достаточно заплатил и еще дам, не волнуйся! Разве хоть раз обманул?

Уже закончив говорить с охранником Алана, Рассадин буркнул удовлетворенно:

— Это кто ж сказал, что гордый народ не продается? — И дал команду своим нукерам ехать к Алану. — Я там появлюсь через сорок минут, чтоб все было уже тихо и мирно.

И ровно через сорок минут Константин Евгеньевич входил в номер ресторатора. Увиденным он был удовлетворен: три охранника робко шевелились среди валявшихся стульев, вытирая с лица кровь и сопли, Хряк и водитель со скрещенными

на груди руками стояли возле стола Алана. Сам он сидел, сжав ладонями виски.

— Ты, Алан, друзей встречаешь как-то не по-кавказски. Где твое гостеприимство? Где радость на лице, кофе на столе, а?

Алан даже не поднял на него глаз:

— Что вам нужно? Я же плачу, я регулярно плачу...

— Да брось ты об этих копейках! Я вообще их могу не брать! Не буду брать! Слово! Мы же в юности вместе — какие пиры закатывали, а?! Девчонки, ночевки, вино... Комсомольская юность — это ведь нельзя предать...

— Можно, оказывается. — Алан так и не убрал ладони с висков. — Чего вы в конце концов хотите? Ну есть же у вас разумное требование...

— Есть. — Теперь голос Константина Евгеньевича стал жестким, холодным. — Ни твоих людей, ни тебя с этой минуты не обижу. Но ресторан — мой. Неделю даю, чтоб все документы на этот счет оформил. Обещаю год кормить бесплатно. Столик свой иметь будешь.

— Не смешно, — сказал ресторатор.

— Не смешно будет, если через неделю «да» не скажешь. Тебя ведь пока не били, Алан. — Водитель, как бы демонстрируя, что имеет в виду Рассадин, бьет кулаком в лицо одного из притихших охранников, бедолага при этом еще ударяется затылком о стену. Кровь начинает литься из

носа и губ. — Придет в себя, спросишь его об ощущениях. И потом, я ведь у тебя не жизнь отнимаю, дружок. Хватка у тебя есть, деньги есть или добудешь, откроешь новое дело, это у тебя получится, будут трудности — обращайся, помогу. Неделю даю, ровно неделю.

Рассадин со своими людьми убрался, а Алан все еще продолжал недвижимо сидеть. Зашевелились было охранники, стали оправдываться, расставлять мебель, но Алан приказал им убраться.

— Свободны. Совсем.

Те ушли.

Бислан появился минут через пятнадцать.

— Молокососы, — кричал он, имея в виду своих охранников. — Без меня ничего не могут! Не надо платить им ни копейки!

— Ты же, когда их представлял, говорил, что они лучшие из лучших.

— Э, все братья-племянники, как было отказать? Но теперь я возьму... У меня вправду на примете такие ребята...

— Нет, Бислан. — Только теперь ресторатор решительно встал со стула, подошел к шкафу, взял оттуда дорожный чемодан. — Рисковать я больше не могу. Собираю бумаги и сегодня же вечером вылетаю в Вену. Там отсижусь. Номер проплачен до конца года, так что живи здесь спокойно. Тебя трогать не будут, понимают, что эти про-

блемы ты не решаешь. Я буду время от времени тебе звонить и говорить, что надо делать.

Бислан озадаченно погладил чуб:

— Получается... Это получается... Это что получается?

— Если Рассадина не устраивают те суммы, которые я ему выплачиваю, то он и их потеряет. Ресторан ему я не отдам. Он уже на мели, он долго не продержится.

— А мне, значит...

— Ждать. Потом уже буду думать, что делать со службой охраны. В двадцать тридцать выезжаем, сопроводишь меня до аэропорта. А сейчас гуляй, мне надо переодеться и перебрать бумаги.

— Я поеду на второй машине, буду прикрывать сзади.

Времени Алану хватило лишь на то, чтоб уложить вещи и документы, принять душ. Он хотел немного поспать, но разве уснешь после всего, что произошло и что предстоит?

В двадцать тридцать его машина тронулась от ресторана. Бислан не пристроился сразу за ней, а пропустил пару машин. Так и ехали минут десять, пока не забеспокоился Алан:

— Почему отстаешь? Что за тактику ты выбрал?

Бислан посмотрел на часы:

— Сейчас, сейчас... — Отключил связь и еще сбавил скорость.

Алан, видно, что-то заподозрил, стал перестраиваться в правый ряд, но было уже поздно. Раздался сильнейший взрыв, и его машина превратилась в огненный шар.

...Минут десять спустя пробку, образованную развороченной иномаркой, милицейскими машинами, «Скорой», тихо объезжал водитель Рассадина вместе с хозяином.

— Что, Константин Евгеньевич, Бислан теперь ваш?

Тот покачал головой:

— Скорее, ваш. Единожды предавший...

— Он говорил, что деньги ему нужны, чтоб навсегда улететь в Турцию вместе со своей кралей.

— Я в Испанию тоже вроде как навсегда собирался. — И повторил: — Единожды предавший...

— Наш так наш, — легко согласился водитель. — Может, заодно и Стаса, а?

— Тяжело мы умнеем, дружок. Этот фейерверк — он для Стаса как раз и устроен. Авось теперь поймет, чем непослушание его закончиться может. Кстати, что с начальником его охраны?

— С Паниным? Ищем подходы. Никак не найдем!

3

Панин вместе с шефом и подполковником Щербиной, ставшим почти своим в их офисе, решил провести время на стрелковом стенде. За их

спинами стояла беседка с уже накрытым столом: вино, салаты, фрукты. Туда троица и отправилась, сдав ружья сотруднику стрельбища.

— Вадим, — спросил Щербина, — у тебя выходов на фээсбэшников никаких нет?

— Подумать надо, — неопределенно ответил Панин.

Валерий Иванович теперь уже повернулся к Стасу:

— По Алану эта контора все дела у нас забрала, сама копает. Я так кумекаю, кавказский след ищут. Бислан, оказывается, взорвал своего покровителя, почистил его сейф и куда-то исчез.

— С трудом в эту версию верится, — тихо сказал Станислав Викторович.

— Почему? Кому еще нужен бизнесмен средней руки? Хотя узнать бы что-нибудь не мешало, но — нет выходов.

На их огневой рубеж вышли другие стрелки. Узнали Стаса, вскинули в приветствии руки. Стас им ответил тем же, а Панину пояснил:

— Знаешь, кто это, в синей кепке? Заместитель ресторатора, где собираются столичные сливки общества. Актеры, певцы, депутаты... Если появится желание...

— Им в службу охраны человек не нужен?

У Стаса вытянулось лицо:

— Не понял. Ты что, торгуешься со мной таким образом? Место поденежней ищешь, а? Так и я же вроде не скупой...

— Тут другая проблема, Станислав Викторович. Друга надо пристроить. Чтоб подальше от мордобоев. Расчудесный парень, но все воюет и воюет...

Панин как в воду смотрел! Именно в это время Мишка просил своих соседей по книжным развалам:

— Посмотрите за моим столиком пять-десять минут, сбегая пивка холодного хлебну.

— Так у нас же водочка есть...

— Нет, все, с ней буду завязывать...

Как раз подошла электричка, хлынул народ, и Мишке пришлось в толпе плыть к намеченной цели. Впереди него шла женщина лет пятидесяти, крестьянского вида, в вязаной кофте, из кармана которой торчал край кошелька. Руки женщины были заняты сумками, и если кто вздумал бы выхватить этот кошелек... Только Мишка об этом подумал, как его обогнал хлипкий мужичок, выхватил этот самый кошелек, сделал шаг в сторону... Мишка одной рукой схватил его за плечо, повернул как надо, а второй врезал от души по морде. Женщина обернулась, выронила сумки, закричала...

И вот все трое участников происшествия сидят в комнате милиции, знакомой Гречихину. Хлипкий мужичок держит у носа красный от кро-

ви платок, женщина поглаживает его по плечу, но смотрит на Мишку:

— Отпустите его, товарищ милиционер, парень же не знал, что это мой мужик, вот и дал в торец. Я ж так понимаю, добра хотел.

Сержант что-то пишет, а капитан Куропаткин поворачивается к пострадавшему:

— Вы что скажете? Претензии имеете?

— Имею, — просипел мужик. — Кто это придумал, что туалеты платные? Вот мне и пришлось за десяткой лезть...

— К нападавшей на вас стороне претензии есть? — уточнил сержант.

— А чего, бьет как бьет.

4

Комната Андрея на базе выглядит как фотогалерея. На стенах ее висят распечатки кадров, которые он снимал на кинокамеру. Сергей Иванович с женой, Мишка, Вадим, Настя...

Снимков Насти много. Но только ими дело не ограничивается. Картонные листы с нарисованной студенткой лежат на тумбочке, кровати, подоконнике. Они выполнены с юмором — Настя почти везде в роли стриптизерши. Вот у шеста на сцене, вот держит кончиками пальцев бюстгальтер — и зрители тянут к ней руки, вот с охапкой травы, скрывающей самое-самое. А вот — в роли Венеры, выходящей из морской пены. Именно

этот рисунок, эту обнаженную Настю Андрей сейчас одевает: рисует на ней блузку, сапоги, макси-юбку...

— Вот так-то лучше, — говорит, отбрасывая карандаш. — Это мы сейчас ей и преподнесем!

Он сворачивает тонкий картон в трубку и выходит из дома. На соседней веранде сидит Сергей Иванович, перебирает блесны.

— Андрюха, представляешь, на любимой «вертушке» тройник сломан.

— На желтой?

— На ней.

— У меня есть такие же. Вам сейчас принести?

— Зачем? Мы же после обеда вместе за окупнем поплывем, не передумал?

— Поплывем.

— Я легкий спиннинг для Насти оборудую. Ты ее возьмешь?

— Предложу. А там уже ее дело.

Андрей идет по знакомой тропе, минует куст, возле которого он порвал Настин пакет, и останавливается. Там, где стояли палатки студентов, теперь ничего нет, и между кустов бродит лишь лодочник, который привозил в гости Вадима и Мишку. Моторка его причалена у поваленного на берегу дерева.

— А где биологи? — спросил Андрей.

— Отработали. Я их сегодня за два приема к электричке отвез. Вернулся сюда, да, видать, на-

прасно. Чудные они какие-то. Все облазил, а пустых бутылок после них нету. Может, прикопали где? Посмотри свежим глазом.

— Вы когда домой возвращаетесь?

— Часок тут еще поброжу. Грибов на супчик наберу.

— Меня захватите?

5

Водитель и Волин нашли хорошее место для парковки. Отсюда хорошо видна Москва-река и ее другой берег. Плюс к этому у них еще есть мощный бинокль. Им вооружился сейчас Волин, держит в окулярах Бислана. Тот бродит по дикому, заросшему бурьяном участку. Вот обходит ржавую, давно брошенную бортовую машину с порванным тентом. Кабина ее раскурочена, дверца держится на честном слове. Бислан с силой дергает ее, обрывает, и теперь кабина просматривается насквозь.

После этого бывший охранник Алана идет к реке. Здесь берег укреплен бетонным бруствером.

— Нас бы это место устроило, — говорит Волин. — В воде камни, арматура, на земле битое стекло, так что рыбаков, собачников и отдыхающих не будет, никто не помешает.

— Бислану бы твою логику. — Водитель набирает номер по сотовому. — Здравствуй, дорогой. Звоню тебе в восемнадцать ноль-ноль, как и договаривались. Товар у нас, готовы передать.

Водитель держит трубку так, чтоб и Волин слышал ответ кавказца:

— Я завтра утром скажу, куда подъехать.

— Утро — понятие растяжимое, могут быть пробки... Или в метро?

— Нет, не хочу, чтоб рядом кто-то был. Найдем тихое место, я один, ваш человек один — никого больше. Пусть привезет кейс на катере. И пробок еще не будет. В четыре утра позвоню.

— Твоя воля. Билеты на Турцию взял?

— Взял. Но если вы хотите номер рейса узнать...

— Что ты, Бислан! Просто хочу тебе счастья пожелать.

Бислан позвонил ровно в четыре. В это раннее время Волин и водитель устроились уже под порванным тентом ржавой машины. Звонка этого они ждали с опаской: вдруг у кавказца есть совсем иной вариант места встречи? Но нет, он озвучил то, о чем люди Рассадина и мечтали. Будет ждать катер на берегу Москвы-реки в районе Марьино в пять утра, то есть через час, ориентир — брошенный грузовик.

Ближайшая дорога проходила метрах в двухстах параллельно реке, именно с этого направления и стоило ждать Бислана.

Через пять минут после звонка, в еще сером предрассветном воздухе, они увидели, как замедлили ход, а потом застыли фары легковушки.

— Неужели он не один? — встревоженно спросил Волин.

Легковушка высадила пассажира и тут же уехала.

— Один, — сказал водитель. — И что, если подойдет сюда, сразу стреляешь?

Волин похлопал ладонью ствол снайперской винтовки с глушителем:

— Мы с ней это сами решим. Пока очень плохая видимость, оптика не поможет.

Бислан, как поначалу показалось, шел напрямую к ним, но замедлил шаг, остановился и поменял маршрут. Спустился вниз, к воде, но шел не берегом, а посреди уклона, то и дело на секунду-две появляясь вверху, чтоб оглядеть местность. Уклон переходил в бетонный, хорошо просматриваемый берег метрах в ста от места засады. Волин без всякого риска мог бы с этой дистанции послать пулю туда, куда надо, но Бислан на чистое место не вышел. Катер он стал ждать, оставаясь невидимым для снайпера.

Шепотом выругался водитель, на что Волин сказал тихо:

— А ты бы поступил иначе?

С реки послышался шум катера.

Волин поймал в оптику лодочника: ничем не примечательное лицо, чуть одутловатое, мешки под глазами.

— Кто он?

— Старый знакомый Рассадина. Был торгошом, отсидел, шеф дал ему шанс немного подзара-

ботать... А вообще, это не наше дело. Наше дело — Бислана не упустить. Стреляй до того, как он возьмет кейс. Чтоб не вырывать его потом из рук.

— Денег жалко?

— Не думаю, что там все настоящие, но все же... Так, хорошо лодочник остановился, да?

Катер причалил к бетонному берегу, ибо в другом месте, там, где ждал его кавказец, была отмель. Лодочник, не выходя из катера и не глуша мотор, поднял кейс на уровень лица и, заметив, что Бислан держит одну руку в кармане, спросил:

— Ты, вижу, с оружием?

— Береженого Бог бережет.

— Ну зачем же нам идти на подлянку? Рассадин сказал, что мы вроде как все свои.

— Я своих как раз и боюсь.

— Это тоже понять можно. Деньги смотреть будешь? А то, может, тебе туфту подсунуть хотят?

Бислан наконец выходит из-за укрытия и идет к катеру. Уже протягивает руку к кейсу, и Волин готов спустить курок...

Но тут случилось неожиданное.

Непонятно откуда на воде появился летящий к этим двоим мощный армейский катер. Из бурьянов выскочили трое человек и тоже побежали туда же. Лодочник выругался, швырнул кейс под ноги Бислану, дал мотору полные обороты и на встречном курсе к появившемуся катеру помчался к другому берегу реки.

— Бей, — просипел водитель, — обоих бей!

Бислан успел схватить кейс, но так с ним и свалился на бетонную плиту. Лодочника выцелить оказалось немного сложнее: военный катер развернулся и полетел за ним, перекрывая обзор. И все же Волин изловчился выстрелить.

— Попал? — спросил водитель.

— Не знаю, — честно признался снайпер. — Но надо срочно линять, пока им не до нас. Что с винтовкой делать?

— Ты дурак, что ли? Без нее бы хоть уйти. Бежим!

А катер лодочника благополучно добирается до берега реки и выскакивает на песок. Только здесь мотор глохнет. Тут же рядом с ним оказываются и преследователи. Молодой рослый мужчина, видно, старший из них, первым подбегает к лодочнику и видит, что тот мертв, затылок его залит кровью.

— Ну как же мы... — обреченно говорит он, а кто-то тут же дает ему пояснение:

— Это не наша пуля, Павел Романович. Никто из наших стрелять не мог.

ГЛАВА 5

1

Мишка занес в подсобку мешок с луком, поставил его в ряд с другими и сказал завмагу:

— Все, Клара Павловна?

— Нет, Мишенька. Еще шесть мешков картошки. И — расчет!

— Так насчет картошки вроде уговора не было.

— За отдельную плату. Спасай, выручалочка ты наш! А то мои оглоеды глаза уже позаливали... Картошку отсюда пересыпать в контейнеры.

Мишка берет мешок с картошкой и под конвоем заведующей идет в торговый зал. Магазин уже закрыт для посетителей, и продавщицы возятся у стола: тут бутылка, закуска, рюмки.

— Без нас не начинать, — бросает им Клара Павловна и предлагает Гречихину: — Иди ко мне на оклад, а? Будут и деньги, и продукты, и... Посмотри, какие у меня красавицы работают! Да все разведенные.

— Я однолюб, Клара Павловна.

— Тем более иди! Знаешь, как наш женский коллектив тебя за это ценить будет?!

Ссыпав последний мешок в контейнер, Мишка моет в подсобке руки, направляется к столу, возле которого уже крутится заведующая.

— Я пойду, пожалуй. Пить чего-то не хочу.

— У нас так не принято. Как же ты свой конверт возьмешь?

Конверт с деньгами стоит под наполненной уже рюмкой. Гречихин вздыхает:

— Ну, разве что одну...

Где одна, там и три.

Домой он идет при ранних звездах, когда над аллею с разбитым асфальтом загорелись уцелевшие фонари. Впрочем, их, уцелевших, здесь мало, колдобин много, да еще разросшийся по краям неухоженный кустарник цепляет за одежду и пугает своей чернотой.

Не Мишку, конечно.

Когда в этой черноте запищала девчонка и слышались короткие мужские междометия, он тут же шагнул туда:

— Здесь проблемы?

Четверо парней напали на девчонку, зажали ей рот и рвали платье. Ответа на свой вопрос Гречихин ждать не стал. Первым делом он ударил того, кто держал девчонку. Одного хорошего удара оказалось достаточно. Девчонка, плача, побежала в сторону домов.

Парни в рукопашной ничего не понимали, зелеными дураками были они. Если б не металличе-

ский прут у одного и не финка у другого, Мишка завалил бы их в пять минут без проблем. Но с ножом и прутом пришлось считаться. Гречихин вырубил хуком безоружного, потом, перенеся тяжесть своего тела на одну ногу, другой переломил пополам идиота с железякой. Хороший был удар, самому понравился. Плохо оказалось другое: основная нагрузка выпала на протез, боль резанула тело так, что на какие-то секунды сковала все мышцы. И четвертый, с ножом, успел ударить его в предплечье.

— Да пошел ты!..

Может, Мишка бы придумал что похитрее, чтоб надольше запомнилось этим идиотам, но по руке побежала кровь, глубоко резануло лезвие, и он по-простецки приложился кулаком в круглую морду, даже услышал, как хрустнуло там что-то, в этой морде. И поспешил домой, зажав рану. Господи, подумал он, только бы Ольга дверь открыла, а не Олежка, перепугается крови пацан...

Дверь открыла Ольга, глаза ее расширились, увидев, что в светлой рубахе стал красным рукав. Мишка влетел в ванную, уже оттуда попросил:

— Бинт тащи, и что там еще.

Олежка стал царапаться в закрытую дверь:

— Папа, тебе плохо?

— Все нормально, сынуля, все нормально!

— Па, у меня жвачка есть, тебе дать?

Ольга отгоняет сына от двери:

— Пойди картошку выключи, сгорит. И чай поставь. Мы с папой сейчас придем.

Ольга умница. Бинтует руку и даже не спрашивает, что и как случилось. В глазах только слезы. Он целует ее в макушку:

— Я заработал сегодня немножко и завтра еще принесу.

У нее вздрагивают плечики. Она устала с ним, как же она с ним устала, думает Мишка и гладит здоровой рукой ее волосы.

— Оля, наклевывается работа, честное слово, наклевывается...

И тут раздается звонок в дверь, тотчас второй, третий.

Оля поднимает глаза:

— Не по твою душу? Ничего не натворил?

— А черт его знает...

Жена идет открывать дверь, Мишка следует за ней, и Олежка тоже в коридор выбегает.

В проеме двери — милиционер.

— Этот? — спрашивает кого-то, кто за его спиной.

В комнату заходят юная девчушка, поцарапанная, в синяках, и женщина лет сорока пяти.

— Он, — говорит девчушка, а женщина, нечаянно толкнув Ольгу, бросается к Мишке. Ольга повисает сзади на ней:

— Да вы что! Что случилось! Миша не мог это сделать!

Женщина дородна, крепка, Ольгу вроде бы и не заметила. Обняла Мишку:

— Господи, ты ж нам дочку спас, да спасибо ж тебе!

— А вы говорите, не мог, — улыбается милиционер растерявшейся Ольге. — Еще как смог. Нам этих скотов только подобрать осталось, даже разбежаться не смогли. Мама девочки настояла, чтоб мы сразу спасителя навестили.

— Все, что вам нужно, все, что нужно... Она ведь одна у нас... Вы не стесняйтесь, я сумею отблагодарить, — плакала женщина.

— Ничего нам не надо, пойдете чай пить, — сказала Ольга.

А Олежка, подбежав, обнял Мишку за ногу:

— Это мой папа.

— Так я это сразу и понял, — серьезно ответил ему милиционер.

2

Электричка рабочего дня была полупустой. В вагоне, где ехал Андрей, сидело всего человек десять. Можно было усесться удобней в угол и вздремнуть, но каждые пять минут заходили с объемными сумками торгаши и предлагали товары. Поспи тут попробуй.

Вот из тамбура появляется тетка. Видит же, что одни мужики сидят, а все равно: «Колготки французские, любых размеров, с орнаментом»...

Идет по проходу, даже не глядя на пассажиров, выкрикивает, словно у нее на диктофоне речь записана...

Ее сменяет продавец газет:

— Программа на неделю, юмор, кроссворды, громкое убийство, крокодил в Неве... Покупаем, коротаем время с хорошей газетой!

Это уже веселее. Время действительно нужно скоротать.

— Мне про крокодила, пожалуйста...

Андрей мельком пролистывает «толстушку» в поисках материала об африканском чудище на северной реке, и вдруг взгляд его цепляется за что-то знакомое. Крохотный снимок, не больше паспортного, в разделе «Услуги, знакомства». Девочка с обнаженными грудями манит читателя пальчиком. Она похожа на Настю. Та же прическа, тот же цвет волос. Под снимком текст:

«Для состоявшихся джентльменов. Скучно? Звоните. Не пожалеете ни о чем!!! Настя».

3

Валерий Иванович Щербина, наверное, в любой компании и сразу оказывался в доску своим. Вот и сейчас, едва переступив порог кабинета Панина, он уже давал распоряжения секретарше:

— Юлечка, нам два кофе! И галеты. В этой конторе есть галеты?

Потом, переставив стул так, чтоб сидеть с Вадимом плечом к плечу, подполковник чуть ли не на ухо стал ему рассказывать:

— Мы интересные факты накопили. Тот, которого фээсбэшники в лодке пристрелили, на заре туманной юности имел дела и с твоим шефом, и с Аланом.

— На заре комсомольской юности? — спросил Вадим.

— Позже. Когда комсомол приказал долго жить, они что-то там покупали, продавали, на барахолке в Лужниках палатки рядом держали.

— Это почти ни о чем не говорит, Валерий Иванович. В Лужниках тогда чуть ли не вся нынешняя элита карьеру начинала.

— Это в целом, да. Но я же о частностях говорю...
Заглянула Юля:

— Вадим, Павел Романович приехали.

— Это кто такие? — спросил Щербина.

Панин ответить не успел.

В кабинет не вошел, а ворвался, как врывается сквозняк в распахнувшиеся двери при открытой форточке, Паша Бычков, гренадер по сложению, двадцати пяти лет, старлей, тот самый, который на моторке преследовал лодочника по Москве-реке.

— Вадик, наше вам! — за руку поздоровался с Паниным. — От отца низкий поклон, ждет на чай, обижается, что не заглядываешь. — Смотрит на

Щербину, протягивает руку и ему. — Свои, надеюсь?

— Подполковник Щербина Валерий Иванович.

— Старлей Бычков Павел Романович.

Милицонер вскинул брови:

— Вы не сын генерала Бычкова? Который в академии?..

Павел тут же огорчился:

— Вот так всегда! Сразу — сын. А я сам по себе, Валерий Иванович! Те, которые сыны, — они на дипломатов учатся и банками руководят. Хотя я мог бы тоже куда угодно поступить — школу почти с золотой медалью окончил, между прочим.

— Физкультура небось подвела? — улыбнулся Панин.

— Шуточки у вас. А я, между прочим... Никто не войдет? — Посмотрел на дверь, потом махнул рукой. — Да ладно, пусть страна знает своих героев. Я вот что освоил, Вадим!

Бычков вытащил из кармана коробок спичек, поставил его на край стола, разулся, зажал одну спичку пальцами ноги, повернулся спиной к столу, потом с разворота взмах ногой — спичка чиркает по коробку, загорается, а коробок летит со стола.

— Круто, — сказал Щербина. — Такого я еще не видел.

Паша оказался падох на похвалу, ему тут же захотелось еще что-то продемонстрировать.

— А хотите, в металлический пятак с пяти метров всажу? — Он вытащил нож, показывает его Вадиму и Щербине. — Дамасская сталь, между прочим. Режет жезь, как масло.

— Ты пришел нож показать? — спросил Вадим.

— Нет, Вадик. Дело действительно серьезное. Охранника Алана мы вели, знали, что он встречается с человеком, чтоб деньги получить, хотели обоих повязать с поличным, но малость облажались. И лодочника, и охранника убил снайпер. Вот о его присутствии там мы и думать не могли!

— Уж это точно, — откинулся на спинку стула Щербина.

— Да и это ерунда, мы столько уже накопили, на такие факты вышли... О них пока рано говорить, но они скоро на всю страну зазвучат... А к тебе, Вадик, я вот чего забежал. Снайпер ствол оставил, любопытный такой ствол. «В-94», калибр 12,7. Мы его просчитали — он у вас был, на ваших складах. Времен Абрамова, которому ты бил морду.

Панину последняя фраза не больно понравилась:

— Это уже, вижу, стало достоянием новейшей истории.

— А то! История знает, что на скрижали заносить. Бога ради, Вадим, скажи, чего за ним водилось, за Абрамовым, а? Он тогда оружием не при торговывал? Не за это ты ему врезал?

— Без доказательств, Паша, женские сплетни получатся, а не серьезный разговор. Так что закроем эту тему.

— А сейчас где этот Абрамов? — спросил Щербина.

Панин опять с неохотой ответил:

— Меня он совершенно не интересует. А что касается оружия — тогда пожары на складах были, то молния, то замыкание, так что Абрамов мог быть и ни при чём.

— А меня интересует, — сказал Паша. — И вот тут, — постучал себя по лбу, — интересные данные по нему собраны. Пока я один их знаю, но...

Тут у него запел сотовый, и Павел Романович крикнул в трубку:

— Собирай людей, я бегу! — Уже накоротке попрощался с Вадимом и Валерием Ивановичем. — Еще увидимся и поговорим.

Щербина протянул ему свою визитку:

— Всегда к услугам коллег. — И заулыбался после того, как Бычков исчез за дверью. — Ему бы еще в Чапая играть.

— Только не заиграться, — мрачно добавил Панин. — Там река Урал была, между прочим...

Только Щербина ушел, как позвонил Станислав Викторович, попросил зайти.

На его столе стоял поднос с коньяком, шоколадом и ягодами.

— Угощайся, — сказал шеф, показывая на землянику. — Знаю, любишь.

— Люблю, особенно свежую да из хороших рук...
Проблемы есть?

Стас неопределенно пожал плечами:

— Может, будут. У меня, Панин, сам знаешь: жены нет, сексуальная ориентация правильная, да еще комсомольское воспитание... В общем, красивых куколок не чую, но есть одна женщина, мы с ней уже лет восемь знакомы, нередко в одной постели просыпаемся... И вот Женя, это имя ее, Женя вчера говорит: пошли какие-то странные звонки, поздно вечером, ночью. Я, говорит, думала, ты звонишь, Стас, Стас, — а в ответ молчание. Конечно, может, идиот какой-то, но в связи с тем, что сейчас происходит... Я не отвечаю на звонки Рассадина и Юле велел делать то же самое...

— Константин Евгеньевич знает вашу знакомую?

— Знает.

— И знает, что вы с ней сейчас встречаетесь? Она с ним какие-то контакты поддерживает?

— Никаких! Женя его и тогда не переваривала.

— По телефону она назвала ваше имя...

— Да... Вадим, я тебе уже говорил и еще раз повторю: ты лучше знаешь, кто тебе нужен, набирай в службу охраны людей, я положу им нормальные оклады. Чего тянешь?

— Ошибиться боюсь, Станислав Викторович. Тонкое это дело.

— У тебя что, друзей надежных нет?

— Есть, даже сверхнадежные. Но они свое уже под завязку получили, я их под пули больше не поведу. Где проживает ваша Женя?

Шеф протянул ему листок с написанным от руки адресом.

4

Гречихин ехал на сто второе собеседование. Ехал и смеялся над собой: в таком виде перед глазами экзаменаторов он еще не представлял. Фингал под глазом, рука на перевязи, лицо поцарапано. Он, правда, честно предупредил, что не в форме, что желательно перенести встречу на другое время, через неделю хотя бы. Однако заместитель директора ресторана — кто ему, интересно, Мишкин телефон дал? — мягко, но настойчиво попросил прибыть сейчас же. «Пока открылась хорошая вакансия».

Это был тот самый заместитель, который стрелял на стрелковом стенде вместе со Стасом и Паниным. Тогда же он и пообещал Вадиму найти что-нибудь для его друга. А ныне, перед приездом Гречихина, докладывает своему начальнику:

— Товарищ чеченскую войну прошел, награжден.

— С виду как?

— Не знаю, но в спецназе, думаю, дохляков не держат.

— Это правильно, но ты же понимаешь, нам еще типаж нужен. Чтоб глазу приятно было. У нас клиентура особая, с улицы мало кто сюда попадет. Человек будет в костюме, бабочке...

Как раз на этих словах с кабинет вошла секретарша и, испуганно оглядываясь через плечо, доложила:

— Гречихин... Некто... Ждет.

— Проси, — сказал начальник.

Мишка вошел.

Заместитель, воспитанный, культурный человек, впал в прострацию:

— Мать же твою...

Мишка его понял и весело откликнулся:

— Я же предупреждал, что не в форме.

— Но не до такой же степени! До свиданья, товарищ Гречихин, до свиданья!

Главный же начал тихо смеяться уже тогда, когда Гречихин только появился на пороге. И видя, что тот собирается уходить, выскочил из-за стола:

— Нет, погоди-погоди-погоди...

5

— Дядя Вадим, а ты можешь не уходить? Вот прийти к нам и остаться?

Вадим, Лариса и Игорек сидят за столом, пьют чай. У Ларисы чашка при этих словах дрогнула, Панин сдержался, спокойно спросил:

— А зачем лично тебе это надо?

— Лично мне надо, чтоб ты меня в садик привел и забрал. И чтоб все тебя увидели.

Голос Ларисы тоже дрожит:

— Так, сын, или о чем-то другом, или... Или... Тебе спать уже пора!

Панин кладет ему ладонь на плечо:

— Вот когда у меня будет поспокойнее работа, а она обязательно будет...

Раздается зуммер сотового телефона, пришла эсэмэска. «В двадцать два тридцать жду на улице Булатной, 3, второй подъезд. Очень нужно! Павел Романович».

— А пока такие вот дела, Игорек, — говорит Панин и смотрит на часы.

От метро к Булатной надо еще ехать автобусом. Район этот Вадиму совершенно не знаком: вокруг вырыты котлованы новостроек, а рядышком с ними стоят заколоченные, с выбитыми уже стеклами, «хрущевки». По разбитому тротуару к нужному дому надо идти то ли заброшенным крошечным парком, то ли садом, который рос тут в некогда частных застройках. Вадим пожалел, что не взял фонарика: можно и ноги переломать.

На трассе, оставшейся за спиной, остановилась машина, знакомый голос окликнул его:

— Вадим, привет! И тебя Чапай взбаламутил? — Это подъехал Щербина: ему пришлось ловить частника. — Видно, захотел на троих сообразить, но место для этого выбрал, экстремал...

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Панин поддержал шутку Валерия Ивановича:

— У них тут, видно, явочная квартира, где учатся ногами спички зажигать.

— А что, классно у него это получается. Вот из таких настоящие спецы вырастают. Я иногда жалею, что пятаки ножом протыкать не могу.

Нужный дом стоял в крошечной мгле, предназначался под снос, электричество от него уже отрубили, окна были заколочены, дверь тоже.

— По всей видимости, это первый подъезд, — сказал Щербина. — Но если и другая дверь в таком же состоянии, то наш юный друг достоин подзатыльника.

Вторая дверь была приоткрыта. Подполковник вынул фонарик, они вошли и стали подниматься по ступеням. Видно, что здесь кто-то недавно прошел: толстая строительная пыль была испещрена свежими следами. Кроме того, наверх волочили то ли ковер, то ли мешок — справа от следов тянулась сплошная чистая полоса.

— Эй! — негромко крикнул Щербина. — Есть тут кто живой?

Ответа не последовало.

Поднялись на второй этаж.

Здесь, на площадке, лежал Павел Романович, нож дамасской стали торчал в его груди.

ГЛАВА 6

1

Поминали Павла Бычкова на квартире, где он жил с родителями. За столом сидели человек десять, самые близкие люди семьи. Панин не знал лишь одного: высокого, лет сорока, мужчину со шрамом на подбородке. Роман Захарович, отец Паши, представил его коротко:

— Это командир сына, Славин Юра... Юрий Кириллович. Тоже мой ученик.

Выходили они от Бычковых вместе. Славина у подъезда ждала машина. Он предложил подвезти Вадима до метро, но тот отказался:

— Прогуляюсь. Тут же недалеко.

— Панин, — сказал Славин. — Без «дайте подумать»: к нам пойдешь?

— Нет.

— Вопрос исчерпан. Счастья тебе в общественной и личной жизни. Но прощаюсь ненадолго. Пригласим тебя на днях, разговор по существу есть.

В принципе, непыльная работа выпала Мишке: старший смены охраны.

В этом то ли ресторане, то ли ночном клубе у него есть своя комнатка — с кожаным диваном, столиком, экраном наружного видеонаблюдения. Сейчас видно, к примеру, что на стоянке припаркованы дорогие машины, а у двери, как часовые, застыли два охранника. Обязанность у них одна: пропускать своих и отсеивать чужих. Посторонние, с улицы, сюда не попадают. Завсегдатаи тут — то угадываемые лица, то дети угадываемых лиц.

С первыми — проще. Они не нажираются, ведут за столиками деловые переговоры, спокойно реагируют на появление «звезд» на сцене. Происходит это в будничные вечера.

Ближе к ночи и в выходные их сменяют отпрыски. Одним — пятнадцать, другие постарше Мишки. Все крикливые и взбалмошные, соревнуются, кто круче.

Вот сидит сопляк, глиста глистой, его с виду и от пива развезти может, а заявляет так, чтоб и за соседними столиками слышно было:

— Там пошло ни в дугу, полторы тыщи баксов отдал — пить не смог...

Девушка справа похвально подруге:

— Я ему — пошел на фиг, раз жениться не хочешь, и он мне — ключики от машины.

Этой стерве Мишка верит. Он тут уже видел ее два дня назад с мужичком, мелькающим по телевизору. На экране он его уважал: вроде умные вещи говорит, вроде порядочный. А вживую если всмотреться, за столиком с водкой — дерьмо дерьмом. Двух слов без мата связать не умеет.

Может, это ресторан на людей так влияет? И разве сам старший лейтенант, спецназовец Гречихин, мог себе представить, что наденет шутовской наряд среди нормальных людей? А здесь — на нем тельник, черные штаны-клеш, рука на черной повязке... Революционный матрос Балтфлота, блин! Стыдно в зеркало смотреть. Но платить хорошо обещают, и надо терпеть. Главное, чтоб сюда Ольга или кто из старых знакомых не заглянул, не увидел его в паскудной роли...

Официантка на ходу сообщает:

— Миша, смотри столик справа, в углу. Спорят, кто круче, как бы дело дракой не закончилось.

— А тут вообще когда-нибудь дрались?

— Да — как кошки лапками царапались. Но лучше не допускать.

Мишка идет к столику в углу.

Информация о Мишке каким-то загадочным образом уже известна постояльцам заведения. За глаза его зовут «спецназом» и вроде уважают. Вот и сейчас за шумящим столиком как только увидели его, так сразу и стихли. Но Мишка все равно в свою каморку не спешит возвращаться, задержал-

ся в этом углу да в этот самый угол еще и смотрит, чтоб никто в зале его не увидел. Дело в том, что по проходу, метрах в трех от него, проплывает знакомая морда — Абрамов. Может, и не помнит бывший тыловик офицера Гречихина, но лучше не светиться...

Абрамов идет с расфуфыренным мужичком, может, артистом, может, педиком, их провожает в отдельную кабинку распорядитель зала Нинель.

— Я сейчас пришлю официантку.

Она проходит мимо Гречихина, и тот спрашивает:

— Нинель, это кто?

— Который пониже — завсегдатай. По четвергам и воскресеньям в одно и то же время. Мульти-пульти какой-то, чаевые хорошие дает. А этого обезьяна, что с ним, не знаю.

Обезьяном она назвала Рассадина.

При Абрамове Рассадин чувствует себя вовсе не так уверенно, как с другими. Особенно сейчас. Анатолий Сергеевич изучает меню, а он заискивающе говорит:

— Если можно, ту рыбку, которую вы в прошлый раз заказывали. Я, признаться, даже в Испании...

— Про Испанию в другой раз поговорим, — не то чтоб зло, но холодно отвечает Абрамов. — Скажите лучше, как вышло, что винтовка оказалась в

руках спецслужб? Моя винтовка. Притом, если помните, я предупреждал...

— Накладки бывают в любом деле, Анатолий Сергеевич. У людей не было выхода, могли бы попасться, но все равно с винтовкой. Тогда бы было еще хуже. Один — мой дурак, другой — ваш сослуживец, между прочим...

— Я имею дело не с ними, а с вами.

— Конечно, согласен. Но что произошло, то произошло. Чем теперь можно искупить?..

Абрамов его перебивает:

— Не знаете, чем искупают? — И шевелит пальцами. — Серьезным людям надо будет серьезно заплатить, чтоб замяли это дело.

— Это не проблема, Анатолий Сергеевич. Деньги у меня будут. Скоро.

Абрамов поднимает на него тяжелый взгляд:

— Что значит — скоро? Вы мне ждать предлагаете, что ли?

Заходит официантка, ставит салаты, графинчик, воду, спрашивает:

— Как всегда — рыбу?

— Да.

— Одну?

Абрамов все это время пристально смотрит на Рассадина и как бы нехотя говорит:

— Две.

Гречихин не слышит этого разговора. Он возвращается в свою каморку с надеждой пересидеть

в ней, пока тыловик не покинет ресторан. Но одновременно с ним в комнатку заходит и хлыщ, пожалуй, повыше Мишки, да и поплотнее, в дорогом костюме, с массивным перстнем на пальце. Он тащит с собой выпившую размалеванную девчущку, еле стоящую на ногах.

— «Спецназ», сгинь, — командует он. — Мне на двадцать минут диван нужен.

Девчущка уже стоит возле дивана, расстегнула кофту и снимает с себя бюстгальтер.

— Диван тут для других целей, — говорит Мишка. — И давайте по-хорошему отсюда...

Хлыщ удивленно смотрит на Гречихина:

— Что? Клоун, ты не понял, что я тебе сказал? Или не знаешь, кто я?

— Я клоун? — стал закипать Мишка.

— А кто ж! За те деньги, которые тебе тут платят, ты не только в тельняшке должен ходить, а и задницы всем целовать. А когда говорят пшел, значит, пшел!

Девочка уже пристраивается на диване, ей это делать, видно, не впервой, и говорит:

— Да пусть смотрит, это даже заводить будет!

Хлыщ расстегивает ремень на брюках:

— Дело в принципе. Быдло надо на место ставить, иначе...

Гречихин все еще пытался сдерживать себя:

— Так, мне плевать, чьих ты кровей, но если сейчас не уберешься...

Парень не убрался, а действительно по-кошачьи, вытянув вперед руки, полез на Мишку.

Мишка ударил.

Хлыщ открыл спиной дверь и вылетел к сцене в штанах, спущенных до колен.

3

От метро Вадим возвращался домой дворами. Тут когда-то цвели клумбы, были оборудованы детские площадки, но ныне все заставлено машинами. Автовладельцев, конечно, понять можно: гаражей мало, и стоят они, как приличная легковушка, и от дома далеко расположены. Но и «безлошадных» же понимать надо: тяжело лавировать между автомобилями, да еще по дождю, когда есть шанс испачкаться о забрызганные кузова. Вот, пожалуйста, стоит «Шкода», бока в грязи...

Зеленая «Шкода». С виду такая, какая преследовала их по городу несколько дней назад. Панин наклоняется, смотрит: под другими машинами пыль, значит, они стоят здесь еще до начала дождя, то есть до девятнадцати часов, а под этой — мокрая земля.

Недавно подъехала. У своего дома Панин раньше зеленых «Шкод» не видел. Почему бы, конечно, и не купить ее кому-то из соседей, но... Но нужно и другие версии в голове держать.

У двери подъезда, где живет Вадим, крутится знакомый пес: живет этажом выше, на четвертом.

Его, видно, выпустили сделать свои дела и пока не открыли дверь. «Выручай, Жулька», — говорит себе Панин, треплет собаку за холку, та ластится, узнав его, и совсем не против, что Вадим придерживает ее за ошейник.

Так вместе и заходят в подъезд, идут не спеша по ступенькам под ворчание вмиг охрипшего Панина:

— Не нагулялся, все б тебе, кобелина, по кустам бегать...

На площадке между вторым и третьим этажами стоит водитель Рассадина — Вадим узнает его, хоть освещение тут отвратное. Водитель почесывает лоб, прикрывая лицо: не хочет, чтоб его разглядывали жильцы подъезда. Панин уже рядом с ним, пес чуть выше.

— Простите, я вас заставил ждать, — говорит Вадим очень приветливо и миролюбиво.

Водитель ошарашен. Он мычит в ответ, суетливо лезет в карман, но вытащить оттуда руку не успевает: ее перехватывает Панин, пробует заломить за спину. Прием получается, но не до конца: пистолет из руки водителя падает на бетонную ступень, а сам он все же вырывается: сильный мужик. Приходится бить. Водитель летит по лестнице вниз и все же находит силы вскочить на ноги и выскочить в дверь подъезда.

Времени на то, чтоб привести себя в порядок, у водителя мало. Рубашку, залитую кровью из

разбитого носа, передел, конечно, йодом ссадины смазал — и бегом помчался к Рассадину. Тот не любит, когда опаздывают.

Константин Евгеньевич с иронией рассмотрел помятого своего бойца, но потом насупился:

— С Паниным вопрос закрываем. Раз не удастся договориться, надо убирать человека. Или это запредельно сложно, а, Волин?

— Панина — сложно, — как всегда кратко ответил тот.

— Господи, кого ж ты дал мне в помощники! Винтовки на поле боя бросают, элементарный приказ выполнить не могут, даже не знают, с какого боку к нему подойти!

— Знаю, — сказал Волин. — Но это потребует времени.

— Времени — на что?

— У Панина женщина есть, Лариса, я узнал ее адрес. Соловьева, двенадцать. У нее он нечасто, но бывает. Надо застать, когда они выходят на прогулку, вот тогда он из-за нее сам на ствол полезет.

Константин Евгеньевич выслушал Волина, даже головой покивал, но, минуту подумав, распорядился так:

— Ты красиво и убедительно говоришь, но нет у меня времени ждать. Нет, понимаете вы все?! Два дня! Даю два дня, чтоб Панина убрать и чтоб я после этого смог общаться со Стасом! Задачу ставлю вам двоим, — показал он на водителя и

Волина, — но исполнителем назначаю тебя, — палец упирается в грудь бывшего спецназовца. — Сейчас свободен, понял? Обещаю, хороший куш за это получишь, даже на Канары с невестой съездить сможешь.

Волин молча выходит из квартиры Рассадина, а тот открывает сейф, достает из него пистолет, протягивает водителю:

— Держи на всякий случай. Не нравится, что Волин себе на уме, вдруг фортель какой выкинуть надумает. А провалите дело — будет чем застрелиться. Да, ствол из... В общем, вернуть его надо обязательно, понял? И микрофон возьми. Мало ли...

Водитель выходит вслед за Волиным, и теперь Константин Евгеньевич оборачивается к Хряку:

— А тебе задачка полегче. Женская, можно сказать, задачка...

4

Все-таки это здорово, что и в конце двадцатого века наш народ оставался самым читающим в мире! Надобность в продавцах на книжных «развалах» не уменьшилась, и Гречихин, сменив костюм революционного матроса на футболку с джинсами, опять занялся торговлей на своем же месте — у метро.

Здесь и разыскал его Андрей.

Кафе было почти рядом, распивать, правда, там не разрешалось, и потому не совсем удобно

было разливать под столом из бутылки, спрятанной в пакет. Но Мишка мог это делать с закрытыми глазами!

Пол-литра «уговорили» за полчаса, и далее потекла беседа по душам.

— ...Меня ведь не выгнали, брат, я сам ушел! — рассказывал Гречихин. — Ресторатор неплохой мужик, но жизни не знает. Вызвал, говорит, прощаем, оставляем, но на будущее запомни: ты погоны снял, а значит, с войны вернулся, и надо все, что было там, забыть... А мы разве вернулись? Скажи, Андрюха, мы вернулись? Вот ты можешь все забыть, если у тебя кишки там...

Гречихин начал говорить так громко, что Андрей толкнул его ногой под столом:

— Тише, на нас оглядываются...

— Хрен с ними! — ответил Мишка, но голос понизил. — Пусть слышат, что мы кишки тебе обратно в живот заталкивали. И у меня вот... — Он покачал ногой. — Инвалид. Никуда не сунуться, никому не нужен. Им хорошо говорить, чтоб все забылось и все закончилось. Только мы не вернулись, Андрюха, мы все еще как на побывке, блин... В футболках ходим, а погоны на плечах чувствуем.

— Несостоявшиеся джентльмены, — криво улыбнулся Андрей.

— Это для меня непонятно.

— Поймешь сейчас. Одна наша общая красавица желает познакомиться только с состоявшимися. — Андрей вытащил из дипломата газету и показал на девочку с голыми грудями. — Узнаешь? Вы мне ее на день рождения привезли.

— Да? — Гречихин уставился на заметку. — Только я ее и знать не знаю, а если и видел в лесу... Я ведь тогда в таком состоянии был, что мужика с бабой перепутал. Ну Вадик, ну откопал! Стерва, значит?

Андрей вздохнул, ответил не сразу:

— Самое интересное, что говоришь с ней — девчонка как девчонка, и неглупая, и интересная даже... А по сути — вот она, суть.

Мишка с сожалением заглянул в пакет — и чего туда было заглядывать, коль бутылка давно пуста?!

— Слушай, — предложил Андрей. — А давай к ней в гости заскочим. Позвоним сейчас, поскольку телефон указан, узнаем адрес, зайдем в гастроном, купим что надо...

— То, что надо для таких целей, вообще-то в аптеке продают, но ход твоих мыслей мне нравится.

По телефону ответили, что Настя подойти сейчас не может, но адрес дали, и они, купив торт и цветы, поехали к черту на кулички. Уже когда вошли в подъезд пятиэтажки и стали подниматься по грязным сбитым ступеням, Гречихин вдруг вспомнил:

— Слушай, а почему — Настя? Ту вроде Наташей должны звать. Может, чтоб налоги не платить?

Какое отношение имеет имя к налогам, эту тему ребята развить не успели, поскольку стояли уже перед дверью и жали на звонок.

Им открыл качок в темной футболке, без всяких расспросов пригласил:

— Входите.

— Мы бы Настю хотели повидать, — сказал Андрей.

Качок заржал как лошадь:

— Повидать? Это что-то новое. Входите, говорю же, не маячьте на пороге. Есть у нас и Настя, и Маруся, и все, что хотите.

Теперь уже вступил в разговор Мишка:

— Ты русский язык понимаешь? Тебе сказано: позови Настю.

Качок почесал за ухом, внимательно зачем-то посмотрел на торт в руках Андрея, обернулся и крикнул в глубину квартиры:

— Хохлушка, ну-ка поди сюда! К тебе клиенты какие-то странные пришли.

Появилась девица в халате, цепко оглядела пришедших:

— Вы звонили, да? Но что-то я вас не узнаю.

— Я вас тоже. — Андрей вытащил газету и, показывая на крохотную фотографию Насти с голым бюстом, сказал: — Я ее хотел бы видеть.

— Это я и есть. Не похожа? — Она тотчас распахнула халат, оголив груди, и поманила пальцем точно так, как делала это на снимке. — А теперь?

— Простите. — Андрей тотчас развернулся и пошел вниз. — Ошибочка вышла.

Вслед за ним поспешил и Мишка. Амбал же, проводив их взглядом, забежал в комнату, сказал двум парням, сидевшим на диване:

— Дуйте за ними! Чую, не пустые, с таким тортом и таким букетом пришли!.. Только не в подъезде и без крови, поняли?

Те схватились мгновенно с мест, а амбал стал у окна — чтоб самому понаблюдать, чем закончится дело.

Увидел он мало чего. У подъезда горел тусклый свет, в углу двора, куда неспешно шли два этих странных посетителя притона, вообще ничего не было видно, но именно там и нагнали уходящих его дружки...

О том, что произошло потом, он догадался минут через пять, когда из тьмы в сторону родного подъезда, поддерживая друг друга, выползли его подельники...

А Андрей и Мишка не торопились выйти под свет фонаря, тормознули за киоском, установленным на остановке, чтоб привести себя в порядок. В принципе, стычка произошла без особого для них ущерба, разве что у Андрея пуговица от ру-

башки отлетела, а Мишка малость палец зашиб. Даже торт не помят и цветы не осыпались.

На другой, освещенной стороне киоска стояла девочка лет семи с мамой.

— Мамочка, купи «Чупа-чупс»!

— Машенька, ну поверь, у меня ни копейки! Вот завтра у тебя будет день рождения, а у меня как раз зарплата должна быть, и мы купим вафельный торт.

— Даже с орехами?

— Даже с орехами.

Друзья, переглянувшись, вышли на освещенную площадку.

— Сударыня, вас звать Маша? — спросил Мишка у девочки.

Мама встревоженно притянула девочку к себе:

— Что вам надо, молодые люди?

— Только одно: Карлсон поручил нам вручить имениннице торт, а маме цветы.

Торт и цветы переходят в нужные руки, Андрей и Мишка впрыгивают в полупустой автобус и смотрят сквозь стекло на замороженных маму с дочкой.

Кабинет полковника Славина оказался более чем скромным: стол, правда, большой, полукругом, за которым разместились шесть стульев, два далеко уже не новых шкафа, сейф и ничего боль-

ше — даже такого вроде бы обязательного атрибута, как компьютер. Не было также ни ручек, ни карандашей, ни бумаги.

Едва Панин уселся на один из стульев, как вошел мужчина лет тридцати, худощавый, невысокий, с темными кавказскими глазами.

— Знакомьтесь, — сказал Юрий Кириллович. — Раш Амирханов.

И все, кто такой, почему здесь — об этом ни слова.

Раш отставил свой стул к стене и сел там, скрестив руки на груди.

— Хочешь курить — пожалуйста. — Славин в качестве примера тут же щелкнул зажигалкой и затянулся сигаретой. — Мой кабинет, пожалуй, единственный, где еще разрешается это делать. — Панин ничего на это не ответил, и Славин продолжил: — Вадим, я не хотел бы, чтоб наш разговор походил на допрос, тем не менее на четкие вопросы желательно услышать такие же ответы. Идет?

— Если это и есть первый вопрос, то как на него ответить нечетко? Конечно, идет.

— Это пока прелюдия. А вопрос такой: когда Павел Бычков попросил тебя приехать по указанному адресу?

— Эсэмэска пришла в девять вечера.

— Эсэмэску в это время он не мог отправить, поскольку был убит в районе двадцати часов, так установила экспертиза.

— Вам отдать мой сотовый, Юрий Кириллович? Чтоб убедились, что я не лгу?

— Вадим, еще раз говорю: ты не на допросе. Я с тобой советоваться хочу, а не пикировкой заниматься. Бычкова убили в двадцать, с его телефона послали вызовы тебе и Щербине, и телефон этот, естественно, уничтожили.

— Убили его, как я понимаю, не в том доме, где мы обнаружили тело?

— Правильно понимаешь. Из чего исходишь?

— Следов драки нет, а Паша не барашек, чтоб дать себя просто так прирезать.

— Тем не менее прирезали именно как барашка. Правда, угостили сначала вином с азалептином и уж потом... Потом привезли в заброшенный дом уже труп. И опять вопрос: Павел Романович не пил абы с кем.

— Со мной бы он пил.

Славин криво улыбнулся:

— Опять ты о своем! Ладно, говорю начистоту, проверяли мы, не встречался ли ты в тот вечер с Павлом Романовичем, есть ли у тебя алиби.

— И перед вами я, значит, чист, как слеза ребенка?

Полковник согнал улыбку с губ:

— Понял. Хочешь, значит, чтоб между нами не было никаких недоговоренностей, да? Ладно, открываю карты.

Он выдвинул один из ящичков стола, рыться в нем не стал, взял не глядя папку сверху, словно был готов к такому повороту беседы.

— В руки не дам, но прочесть прочту. Слушай. «И непосредственно перед вылетом вертолета капитан Панин выстрелом в упор в голову убил местного жителя Ису Гаджиева, когда тот сказал, что откажется давать ложные показания»... Прокомментировать сие можешь?

— Могу, — сказал Панин. — Никто из моей группы сие написать не мог.

— Так уверен в своих?

— Не в этом дело. Фамилию Исы из всего отряда знал только я.

— Логично. Но мы были не в курсе и пошли несколько иным путем. Трассологи поработали, выяснили, что пуля в Ису вылетела не из твоего ствола. Все. На прошлом ставим точку, в этой папке на тебя у нас больше ничего нет. Возвращаемся в день сегодняшней. Понимаешь, Вадим, что мне покоя не дает? Не вижу никаких причин, по которым хоть кому-то стоило бы убивать нашего человека. Ему всего двадцать пять, никаких громких дел за плечами, так что врагов себе еще не успел нажить.

— Может, что-то большее стоит за смертью ресторатора? Паша же этим делом занимался?

— Да ничего там не стоит! Вот за смертью его телохранителя — да, кое-что есть. Посему второй

четкий вопрос: Бычков говорил тебе что-то о стволе, из которого на Москве-реке убили Бислана и лодочника?

— Что снайперская винтовка, скорее всего, взята из арсенала спецназа.

Амирханов наконец-то перестал быть изваянием, шевельнулся, сказал то, что обычно не говорят в адрес мертвых:

— Дурак!

Славин оказался чуть разговорчивее:

— Будь он живой, я б ему по морде съездил, хоть Паша и сын генерала. Понимаешь, раз тебе сказал, то не исключено, что и другим — тоже. Да еще специально подчеркивал, что именно этим вопросом занимается. Когда такие факты всплывают — это уже серьезно. За это убивают.

6

Волин сидел мрачный, сосредоточенный, и водитель Рассадина, желая поддержать напарника, своими дурацкими репликами только ухудшал его настроение.

— Волин, — говорил он, держа руль, — ты не переживай, Константин Евгеньевич хозяин слова, я его давно знаю. Если пообещал за Панина заплатить, то заплатит. Цена, конечно, разная будет. Одно дело — если завербуешь, чтоб на нас работал, и другое — когда шлепнуть придется. Тебе что легче?

— Это как спорить, что слаще — хрен или редька.

Водитель заржал:

— Тоже правильно. Но в любом случае на Канары съездить хватит. Ты оттуда ракушек для аквариума привези. У меня аквариум хороший... Слышь, что сказать хочу. Вербовать — одна канитель. Пулю в сердце пустить проще.

— Ты много пускал?

Водитель нахмурил лоб:

— Не было у меня такого, но теоретически готов. Чего там сложного, подошел, пиф-паф — и получи денежки. Константин Евгеньевич заплатит.

— Заплатит. Пулей, как обычно, платят заказчики исполнителям.

У водителя даже руки дрогнули, машина заметно вильнула.

— Ты что, Волин? Ты уже проверенный человек, а шеф проверенными дорожит. И в голову такое не бери! А потом, Рассадин и ко мне прислушивается, я ему о тебе только хорошее говорю. Нет, плохие мысли из головы выкинь. Я, скажу честно, даже завидую тебе. Канары — это круто!

— Раз завидуешь — давай поменяемся, — сказал Волин. — Мало того что Рассадин заплатит, так и я еще подкину.

— Не... Что мне на Канарах делать? Я и плавать толком не умею... Так, метро справа. Ты здесь выходишь?

Волин неохотно вылез из салона, пошел к светофору, чтоб перейти дорогу, и только когда загорелся зеленый, водитель, глядя ему в спину, набрал номер Рассадина.

— Константин Евгеньевич, наш друг гулять отправился. «Маячок» я ему нацепил, так что переговоры послушаю и вам доложу. Сразу же, конечно...

А Волин подошел к книжным развалам, к столику, за которым стоял Мишка.

— Привет, Миша.

Гречихин совсем не обрадовался появлению сослуживца и даже, кажется, не удивился.

— Привет, Волин. Что интересует из кладезя знаний?

— А что посоветуешь?

— Есть книжонка, тебе подойдет: «Сто знаменитых предателей».

Волин понял, что дальнейший разговор на вольные темы у них не получится, и перевел его на рабочие рельсы:

— Мне надо с Паниным встретиться.

— А ему это надо?

— Думаю, да.

— Попросить прощения хочешь за то, что топил его?

— Я озвучил то, что мне приказали.

— Мне думается, Абрамов не просто приказал, а заплатил тебе за это, так?

— Гречихин, давай эту тему закроем. Помоги Панина увидеть.

— Я на роль сводника не гожусь. Если очень надо — найдешь.

— В том-то и дело, что некогда мне искать. Потому тебя прошу: передай ему, пусть исчезнет на время. Его заказали, понял? Я стрелять не буду, но есть те, которые это сделают. И еще: адрес Ларисы там знают. Я, я, дурак, его сказал.

Весь этот разговор прекрасно слышен водителю. Он поправил наушник и вздохнул:

— Действительно дурак!

7

Станислав Викторович зашел к нему с утра, и Вадим сразу отметил, что у шефа воспалены глаза. Такие глаза бывают от бессонницы. В кабинет попробовала было заглянуть секретарша, но Станислав Викторович остановил ее:

— Юля, меня минут двадцать ни для кого нет.

— А ваш утренний кофе сюда?

— Сюда ничего и никого не надо.

Секретарша тотчас закрыла дверь, а шеф, сложив руки на груди, остановился напротив вставшего с кресла Панина:

— Вадим, после смерти Алана я у Рассадина теперь единственная мишень, так?

— Скорее всего, да, Станислав Викторович. Я так понял, вы не выспались, потому что Жене опять всю ночь звонили?

— Ты всегда все правильно понимаешь, Вадим. Трубку мы не снимали, но это же не выход. Бесконечно так продолжаться не может.

— Дайте команду, и мы изберем лучший способ защиты — нападение.

Станислав Викторович нахмурился:

— Мы уже говорили на эту тему. Нет! Меня бы устроило другое: если он перестанет претендовать на мой бизнес и назовет сумму, которая его устроит... И которая меня, естественно, устроит... Он получит ее и уедет в свою Испанию.

— Чтоб вернуться опять через пару лет и начать все сначала?

— Не начнет, если мы выкупим сейчас все бумаги.

— Но мы даже не знаем, что такое — все! Рассадин может отдать только часть, другие приберет для будущего...

— Нет, — горько улыбнулся Станислав Викторович. — Свои грехи я знаю в полном объеме и индульгенцию выплатить готов лишь за все сразу. Посему, Вадим, давай возобновим с ним контакты, а пока они будут идти, прошу тебя найти человека, который решал бы вопросы безопасности Жени.

Панин кивнул:

— Там Коленька пока, но мы действительно разрываемся...

И тут зазвонил телефон. На связь вышел Гречихин:

— Вадим, важнейшее дело! Можно к тебе приехать?

— Ты не доедешь, обязательно влипнешь в какую-нибудь историю. — Он прикрыл трубку ладонью и обратился к шефу: — Есть один человек. Его можно использовать для подхвата, дней на пять, на неделю.

Тот кивнул:

— Заплатим столько, сколько скажешь.

— Тогда я прямо сейчас поеду с ним на встречу.

И вот уже Панин с Мишкой едут в сторону Чертаново, где проживает пассия шефа. Мишка рассказывает о встрече с Волиным.

— Сдал Ларису, представляешь? И сам же признался в этом. Ну не скотина?

— Спасибо хотя бы, что предупредил. Будем думать, как быть. А я тебе шабашку нашел, брат. Работы — на неделю, заплатить обещают нормально...

Вадим рассказывает, что за работенка предстоит, Мишка слушает, прикрыв глаза, чтоб ни на что не отвлекаться. Потом начинает говорить сам:

— Насчет Ларисы — с Андрюхой свяжись, у него есть координаты нашего дома отдыха, что на Рузе. Отправь ее отдыхать, туда никто из чужих не сунется.

— Хорошая мысль.

— Правда, сам Андрюха в нирване пребывает...

— Что так?

— Да накладка вышла с девочкой, которую ты ему в подарок посылал. Но это ничего. Теперь — по этой самой Евгении. Мне что нужно, командир: адрес Рассадина, есть ли у него дача, круг знакомств, кто на него пашет...

Панин резко сбавляет скорость, занимает правый ряд:

— Еще слово — и я тебя прямо здесь высажу, понял? Какие на хрен адреса и дачи?! Получил конкретное задание — вот его и выполняй! Будешь проявлять самодеятельность — иди в магазин картошку грузить.

Гречихин мог бы на такие слова и обидеться, но не обиделся: он хорошо знал командира. Потому сказал спокойно:

— Все заматано. Раз мелкая вспашка нужна — будет мелкая.

— Сил и средств для большего нет, — хмуро, чувствуя себя виновным за вспышку, уточнил Панин. — Ты о прописных истинах говоришь, но добро на их реализацию мне не дают. Потому ограничимся элементарным. Все, приехали.

Они остановились у нужного дома, к машине тотчас подошел Коленька.

— Вводи нашего друга в курс дела, — сказал ему Панин. — Мы только накоротке переговорили.

Мишка вылез из салона, Панин тронулся было с места, но потом сдал назад, подозвал Гречихина:

— Миш, еще раз очень прошу: не ищи на задницу приключений, ладно?

— Так здесь их и искать негде!

— Найдешь, была бы задница! Значит, так: пей с женщиной кофе, сопровождай ее в магазин, прогуливайся у подъезда. В общем, не стесняйся демонстрировать, что ты есть. И все!

Может, он еще бы что сказал, но засигналил грузовик, потребовал, чтоб Панин пропустил его на узкой дорожке. В доме шел ремонт, грузовик вез рулоны толя для перекрытия крыши. Вокруг было полно рабочих в оранжевых куртках.

Панин взмахнул рукой и уехал.

8

— Я тебя вот чего пригласил: думаю, нам как никогда надо держаться друг за друга. Ты не хочешь связываться с Паниным, я тоже не представляю, как его можно убрать.

Водитель Рассадина и Волин сидели за выносными столиками в парке у кафе, уже поели, попили кофе, рассчитались с официантом и вели теперь беседу, правда, совсем не праздную.

— Он, скорее, нас всех уберет, — сказал Волин.

Рядом с ними уселась развеселая компания, и они продолжили разговор, уже прохаживаясь по плохо освещенным аллеям.

— Но Константин Евгеньевич все же наш кормилец, и он требует...

— Пошел он к черту, этот Рассадин! На нем белый свет клином не сошелся, лично я найду себе работу.

Водитель вздыхает, потом неожиданно резко меняет тему:

— А хочешь, покажу, где белка живет? — Он сворачивает на тропу, ведущую в глубь парка. — Я для нее фундучных орешков припас, держи, покормим.

Волин нехотя берет орехи, идет вслед за напарником. Тропа оборвалась, здесь темно, трудно что-то рассмотреть, но водитель уверенно тычет пальцем в крону дерева:

— Вон, видишь? Иди сюда, отсюда лучше видно.

Волин подходит к дереву, водитель оказывается за его спиной, вытаскивает пистолет, направляет его в затылок бывшему спецназовцу.

Но Волин знал, что от этого типа можно ожидать всего. Он резко пригнулся, ударил ногой по руке с пистолетом, поймал взлетевший вверх ствол и тут же рукояткой стукнул водителя по виску. Тот упал, не сразу стал подниматься на колени, обхватил голову руками.

— Спиной ко мне! — приказал Волин.

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Водитель беспрекословно повернулся, зажмурил глаза, ожидая выстрела в затылок.

Волин же и не думал стрелять. Он вынул из пистолета магазин, а само оружие бросил в сторону, в высокую траву. Услышав чьи-то шаги по тропе, неслышно отступил, растворился в темноте.

По тропе же шел парень, на ходу расстегивая ширинку — видно, пива много выпил. Сделал бы он свое дело и ушел, но тут почти рядом с собой, за толстым стволом дерева, услышал чей-то голос:

— Я клянусь! Никогда в жизни... Не стреляй!

Парень затоптался, мало что понимая, глядя на темный силуэт стоявшего на коленях мужика. А тот продолжал:

— Хочешь, денег дам? У меня есть, я скопил. Дам и исчезну.

— А чего мы такие добрые? — спросил парень.

Водитель был до того напряжен, что не уловил разницу голосов.

— Не надо издеваться! Жить хочу.

— Ну, если так, давай.

Водитель только теперь что-то начал соображать, повернулся, увидел незнакомца, схватился с колен. Глаза его сузились, стали злыми, сжались кулаки... Но женский голос спросил поблизости: «Ты скоро там?» И водитель, как и ранее Волин, зашагал за деревья.

ГЛАВА 7

1

Рассадина, человека, всегда уверенного в себе, сейчас трудно было узнать. Последние дни шли совсем не так, как он хотел. То ли жизнь в России изменилась, а он воспринял ее по-старому, то ли постарел и перестал мышей ловить, то ли вообще не за свое дело взялся... Но отступить поздно, игра идет большая, в нее вложены последние средства.

Не до ресторанов уже. Кому-то еще он пыль в глаза пустить может, но сам — сидит в грязной забегаловке, жрет беляш с непонятным пойлом, которое тут называли кофе.

Утром он прочел в газетах, что в городском парке был найден пистолет, и не какой-то там «макаров», а из марок, идущих на вооружение спецслужб. Только что он переговорил с Абрамовым. Тот требует деньги, ему до лампочки проблемы Рассадина, ему надо решать свои задачи: чтоб выплывающие стволы не связывали с его именем. О том, чтобы войти в долю бизнеса Стаса, уже можно не мечтать, — тут хотя бы что-то с него содрать. Но рядом со Стасом Панин, и потому к богатенькому Буратино никак не подобраться.

Что придумать, что?

Даже несмотря на голод, избалованный желудок отказывается принимать беляш, и Рассадина мутит от коричневой бурды в стакане. Константин Евгеньевич выходит из столовой, идет к машине, где за рулем дожидается его верный водитель. Тупой дурак. Ему ничего нельзя поручить. Но ведь и нет рядом того, кому можно.

Рассадин садится на заднее сиденье:

— Почему ты не застрелился?

Водитель испуганно оглядывается на него, отвечает:

— Так пистолета же не было, Волин выбил у меня пистолет.

— Только это, значит, и помешало тебе совершить благородный поступок.

— Какой? — не понял водитель.

Рассадин лишь рукой махнул:

— Сейчас сделаем одну интересную попытку. Иногда вслепую, с наскока, получаются гениальные результаты. Волин как-то называл адрес девки Панина. Можешь вспомнить?

— Называл? Я даже это не помню...

— А я помню. Соловьева, двенадцать. Вот номера квартиры мы не знаем, однако если ориентироваться на удачу... Доставай карту — где эта Соловьева? Если сейчас получится у меня, да еще получится у Хряка, мы в дамках, понял? Я сломаю Стаса!

— Вадим, да не хочу я ни в какие рестораны!

— Это не ресторан, но вполне приличное заведение.

— Не один черт?

— Здесь подают нормальное вино — испанское домашнее.

— И вина не хочу.

— Здесь тебя ждет сюрприз...

В общем, уболтал Панин Андрея и затащил его в ночной клуб. Вино действительно оказалось хорошее, и Андрей, выпив полбокала, даже разговорился:

— Вадим, помнишь, под Ведено, в сторону Харачоя, мы лежали в траве, высокая такая трава, как сельдерей, только черная каемка снизу?

— Видишь, как вино сразу по мозгам бьет! — заулыбался Панин. — Сельдерей вспомнил.

— Да нет же, я говорю, как сельдерей. Знаешь, это мог быть сельфий, Настя мне о нем рассказывала...

— Вот ей сейчас про Ведено и напоешь. Кстати, не знаю, зачем она тебе Настей представилась, но имя ее — Наташа.

На сцене работала худенькая девочка — смотреть не на что, и хорошо, что стриптизом она не занялась, даже майку с себя не сняла. Прогибалась хорошо, гуттаперчевое создание, но публику не завела.

Она убежала за кулисы, и к шесту вышла другая дива, встреченная аплодисментами.

— Узнаешь? — с улыбкой спросил Панин.

— Кого?

— Настю-Наталью, кого же еще... Ты чего так смотришь ошарашенно?

— Это не она, Вадим...

После своего номера Наталья, переодевшись, подсаживается к ним.

— Вадик, прости, так получилось, я бы сразу вернула деньги, но у меня же нет твоего сотового...

Она лезет в сумочку, а Панин спрашивает:

— Сдала сессию?

— Она только начинается.

— Когда сдашь, да диплом получишь, да первую зарплату — тогда и рассчитаемся.

— Ой, Вадик, какой ты умничка. Вы еще раз простите меня, ребята.

Когда вышли на улицу, Андрей сказал:

— Так Настя, оказывается, никакого отношения к этим шестам... Господи, она же меня за идиота приняла!

— Ищи, извиняйся. Как искать — не мне тебя учить. Где в Москве на биологов учатся, кто практику под Дубной проходил? Простая арифметика. Если хочешь, помогу. Слушай, а может, Наташа пока сойдет? Эффектная женщина...

— Да иди ты...

Андрей не успел сказать, куда именно посылает друга, поскольку зазвонил телефон.

— Братишка, — услышал он голос Мишки. — Если Панин рядом, сделай так, чтоб до него звуки не долетали. Задание тебе на завтра. Объясню подробности при встрече, а пока запоминай адрес...

3

А звонил Мишка вот по какому случаю.

С Коленькой они обходили двор, знакомясь с местными достопримечательностями.

— Смотри сюда, — сказал Коленька. — Корейский джип. Камуфляжная расцветка.

— А то я джипов не видел.

— Панин попросил пробить по нашим каналам — когда-то на похожем внедорожнике кто-то приехал и разорил дачу Станислава Викторовича. Я пробил. Машина принадлежит Хрякову, бывшему менту, уволенному за попытку вымогательства. Это человек Рассадина. И он живет в совсем другом конце города. Конечно, не исключено, что приезжает к другу или подруге... Стоп, вот он сам.

Через двор шел Хряк с бутылкой пива, сел в машину, опустил стекло. Мишка прикинул: отсюда Хряку хорошо видны окна квартиры, в которой живет Евгения. Окна, кстати, открыты, впрочем, как и на многих других этажах. Жарко, очень жарко.

— Через подъезд он может войти?

— Нет, там вахтер что надо, скандальнейшая бабка, всех знает, все видит. У нее мышь не проскочит.

— Пожарная лестница от окна в стороне, если только с крыши спуститься... Ладно, тактический вопрос с этим типом мы решим, а сейчас о стратегии, Коленька. Панин сказал, ты мне расскажешь все, что знаешь о Рассадине. Домашний адрес, где дача, что за машина.

— Ну, раз Панин сказал... Значит, так. Дача записана на жену, я только адрес знаю, мы не успели еще...

— Теперь попробуем успеть. Диктуй адрес.

Адрес этот Гречихин и сообщил Андрею. Закончив разговор по телефону, спросил у Коленьки:

— Какие планы у леди на сегодня?

— В восемь они со Стасом на вечеринку идут, я их туда отвожу, а потом привожу прямо к подъезду. Так что ты до восьми тут покрутись, а я домой забегу, переоденусь...

Ремонтники работали до семи тридцати. Когда Мишка залез на крышу и пристроился у ограждения рядом с пожарной лестницей, еще теплой была незастывшая смола, разлитая вокруг. На верхних этажах протекают, видно, потолки, вот и заливают тут трещины.

Гречихин смотрит вниз: там, у строительного вагончика, переодеваются последние работяги. Сигналил служебный автобус, они спешат к нему.

Уехали.

Сколько теперь ждать? И вообще — стоит ли ждать?

Так, к вагончику подходит мужчина, возится с ключом. В начинающихся сумерках еще можно определить, что это Хряк. Три минуты — и он выходит, одетый в робу строителя, направляется к пожарной лестнице. Мишка прячется за выступ.

Хряк уже на крыше. Проходит вдоль оградительной решетки так, чтоб по-прежнему открытое окно квартиры Евгении было под ним, достает страховочный линь, крепит его. Знаком, однако, с альпинистскими навыками. Вот он уже готов к спуску. Пора выходить на сцену.

Мишка покидает укрытие.

— Ночная смена?

Хряк смотрит на него, отщелкивая карабин с тросом на поясе.

Мишка продолжает вполне миролюбиво:

— Поговорим, или как? Мне вообще-то бы поговорить хотелось.

Хряк вытаскивает из кармана нож, с характерным щелчком раскрывается лезвие.

— Ты это напрасно, парень, у меня всего-то два вопроса.

Хряк даже выслушивать их не хочет, он решительно идет на Мишку.

Драться бывший мент умеет, но если б он знал, что Гречихин еще курсантом получил разряд и

стал чемпионом города по рукопашному... Нож выбит, сам Хряк прижат к оградительной решетке так, что, кажется, еще миг — и полетит вниз.

— Вопрос первый, — говорит Мишка, — какого черта тебе тут надо? Неужто с женщиной решили воевать, а? Это что, мужицкое дело? Ваш Рассадин только на это и способен?

Он чуть ослабил хватку, и Хряк воспользовался этим, извернулся, кинулся за ножом. Мишка опять подмял его и валяющейся поблизости веревкой стянул противнику ноги.

— Вот так. Я милосердный, даже руки тебе оставляю свободными, развяжешься, когда придет время. Но будь добр, не проверяй границы моего милосердия, на второй вопрос все-таки ответь по добру: за что вы Павла Романовича убили? Сына боевого генерала? Он-то что вам сделал?

— Я даю слово, ничего не знаю, я об этом только в газетах читал.

— И Рассадин твой, значит, ни при чем?

Мишка идет к тому месту, где привязана веревка для спуска в окно Евгении.

— Рассадину он тоже был не нужен, — отвечает Хряк и лезет рукой за спину. — Рассадину вы нужны. Вы ему мешаете.

Мишка, весь в смоле, в кровоподтеках — все же нелегко бой дался, оборачивается, смотрит на Хряка, видит направленный на него пистолет, не задумываясь, хватается за веревку и прыгает со

стены. Выстрел звучит запоздало. Но веревка натянута, и Хряк понимает, что Гречихин висит на ней, раскачивается, может быть, желая попасть в нужное окно. Звучат еще два выстрела. Веревка обрывается, летит вниз.

...Стас Викторович и Евгения вернулись домой около полуночи. Коленька проводил их до двери, сам же открыл ее, включил в коридоре свет.

И тут все услышали, что в ванной плещется вода и там кто-то воет песню:

*Ну какая разница —
В четверг или пятницу...*

Евгения вскрикивает, Коленька выхватывает пистолет — и вода в ванной выключается, песня обрывается. Ручка двери медленно поворачивается, и перед ними предстает Мишка с полотенцем на бедрах, в смоле и синяках:

— Ребята, только спокойно, спокойно, товарищи, я свой!

4

Водитель еще раз взглянул на карту, сделал поворот направо и остановился.

— Вот эта улица, вот этот дом, — сказал Рассадин, сидевший рядом с ним. — Теперь давай я сяду за руль.

— Зачем? — не понял водитель.

— Затем, что стрелять по Панину, если мы его тут встретим, придется тебе. Ты слишком много наошибался, теперь будет шанс исправиться.

— Но, Константин Евгеньевич, так не бывает! Это в деревне нужного человека на улице можно случайно встретить, а в Москве...

— Приготовь оружие!

И надо ж было такому случиться, как раз в эти секунды под балконом Ларисы стоял Панин. Лариса увидела его, махнула рукой:

— Мы спустимся, прогуляемся?

Панин чуть подумал, потом ответил:

— Нет, у меня другое предложение. Ставьте чай. И быстрым шагом зашел в подъезд.

Не успела закрыться за ним дверь, как из-за угла показалась машина Рассадина, медленно проехала вокруг дома.

— И спросить некого, — недовольно пробурчал водитель.

— А если бы было у кого, что бы ты спросил? — недоуменно взглянул на него Рассадин.

Водитель подумал:

— И правда, мы даже фамилии не знаем. Ну что, припарковаться поблизости?

— Это бесполезно. Я просто уверен, что наши машины он знает. Домой поедем.

А Вадим сидел на кухне и пил чай.

— Панин, — спросила Лариса, — ты о каком-то предложении заикнулся?..

— У меня отгулы накопились, вот я подумал, не махнуть ли нам в дом отдыха. Там лес, грибы, караси...

— Ура! — закричал Игорь.

А Лариса подозрительно сузила глаза:

— Ты там будешь с нами?

— Само собой! Я же говорю, дни свободные выпали.

5

— Товарищи члены военного совета, картошку будете в мундире или пюре делать?

Ольга спрашивает их, стоя у плиты, а Мишка и Андрей сидят в комнатке, рассматривают на компьютере снимки и выполненный на бумаге чертеж дачного участка Рассадина.

— Под вяленую рыбу пойдет и то, и другое, так что давай на свой вкус, — отвечает ей Мишка.

А Андрей комментирует фотографии:

— Типовой проект, ни цветов, ни грядок, чувствуется, что женской руки тут нет. Баня — обычный сруб с чердаком, забор сплошной, но с некоторых точек двор хорошо просматривается... Знать бы, зачем тебе все это надо, я бы понял, на что уделять больше внимания.

— Черт его знает зачем. Это как у нас при операциях — лишний патрон не помешает.

От смолы Мишка уже отмылся, но ссадины еще остались, и губа припухла — говорить ему трудно.

— Хряк мало что сказал, но главное я понял: сейчас задача Рассадина — оставить в изоляции Стаса. Потому грех не воспользоваться его же оружием. Тип этот, с которым я на крыше схлестнулся, постоянно обедает в кафе «Экспресс». Я все продумал, за тобой, Андрюха, лишь съемка. Самое трудное тут было женщину найти, но Оля как услышала...

— Ты хочешь задействовать Ольгу? С ума сошел! — округлил глаза Андрей. — Подвергать риску...

Ольга вошла в комнату и последние фразы слышала.

— Андрюша, — сказала она. — Там нужна красивая и фигуристая девушка, так? Ты против потому, что я не подхожу по этим параметрам?

Андрей смутился:

— Оленька, вовсе нет, но... Понимаешь, это же сродни боевой операции...

— Строить глазки мужику? Думаешь, значит, что с этой операцией я не справлюсь?

Андрей поднял руки.

Мишка взглянул на часы:

— Обедает Хряк в четырнадцать, нам до этого времени надо выбрать точку для съемки, макулатуру уложить... В общем, едим картошку с рыбой

и отчаливаем. Потом мне надо в семнадцать быть у Ларисы: отвожу их в дом отдыха...

Как всегда, Хряк оставил камуфляжный джип в переулке за один квартал от «Экспресса». Он уже пообедал, теперь закуривает, открывает дверцу машины, садится за руль. Тут его внимание привлекает женщина, идущая по тротуару и взмахивающая рукой. Хряк даже огляделся — кого это она приветствует? Вроде рядом никого. Значит, жест адресован ему. Женщина улыбается и подходит к нему. Хряк вылезает из салона.

— Привет, — говорит женщина. — Как дела?

— Спасибо, не жалуюсь.

Ольга, а это была, конечно же, она, протягивает ему дипломат:

— Как и договаривались. Работу выполнить до завтра. А то он всех уже достал.

Отдала Хряку чемодан и пошла дальше твердым уверенным шагом.

Хряк понимает, что его с кем-то спутали. Но кричать об этом, когда тебе просто так дают чемодан, да, наверное, не пустой, — это надо быть идиотом.

Он бросает дипломат на сиденье рядом с собой и срывается с места.

Минут пять гонит машину, потом говорит сам себе: «Стоп, а не дурак ли я?»

Останавливается, открывает дипломат. В нем аккуратной стопкой уложены газеты. Сверху — записка: «Сделать статью по нужной теме к утру».

Он на всякий случай перетряхнул газеты, ничего хорошего в них не нашел и выбросил в ближайшую урну.

Андрей, как и обещал, забрал по дороге Панина и в семнадцать был у дома Ларисы. Он остался сидеть в машине, а Панин помчался наверх. В квартиру зашел с рюкзаком, удочками и мячом.

— Вы готовы? Машина ждет.

Лариса и Игорь были готовы, но она все еще недоверчиво смотрела на него.

— Панин, ты правда едешь с нами?

— Разве не видишь?

— Я много чего вижу. Но поверю, только когда в машину сядешь.

Лариса и Игорь располагаются на заднем сиденье, Вадим укладывает в багажник сумки, рюкзак, идет и открывает переднюю дверцу рядом с водителем.

— Вот только теперь поверила, — говорит Лариса.

Звонит мобильник.

— Ван моумент. — Панин подносит телефон к уху, а Андрей уже включает зажигание. — Как? И ничего нельзя изменить? Конечно же, я бегу! — Он убирает телефон. — Ну вот, срочная вводная. Но скоро обязательно приеду, ждите!

— Панин, — кричит Лариса. — Панин, посмотри мне в глаза!

— Вас прекрасно разместят, Ларочка, а сейчас торопитесь, а то пробки на дорогах будут.

Андрей, пряча улыбку, давит на газ.

6

В этот же вечер у дома, где живет Рассадин, тоже остановилась машина: на таком расстоянии, чтоб никому не бросаться в глаза, но чтобы из нее был виден нужный подъезд.

В подъезд этот зашел, но довольно скоро вышел Коленька, на ходу читая книгу. Мишка, сидевший в машине, довольно кивнул и взялся за телефон.

— Господин Рассадин, — сказал он. — Не считите за труд, выньте почту из своего ящика. Не важно, кто говорит. Я вам еще перезвоню.

Рассадин, выслушав пожелание от неизвестного, хмыкнул, пожал плечами, но все же спустился вниз и забрал из почтового ящика объемистый пакет. Открыл он его, еще поднимаясь к квартире в лифте: там лежала дискета.

Он зашел в зал, вставил ее в компьютер. На мониторе высветились Хряк и красивая женщина. «Привет, как дела?» Хряк улыбается, он, конечно же, знает ее... «Работу выполнить до завтра, а то он всех уже достал!» Хряк берет дипломат из ее рук и отъезжает.

Экран далее чист. Остекленевшим взглядом Константин Евгеньевич продолжает смотреть на него. Он не замечает даже, что пепел сигары падает ему на брюки, и вздрагивает от нового телефонного звонка.

— Обидно, что вас заказали за такую маленькую сумму, — сказал тот же голос. — Впрочем, Хряков всегда был жаден, за копейку удавится. На нем висят старые грехи, и лишь поэтому я звоню вам. Если вы не справитесь с ним сегодня, завтра этим займемся мы, но, наверное, вы уже не узнаете об этом.

Мишка, выговорив все это, сказал подошедшему Коленьке:

— Все, мчусь встречать с работы Евгению, отвожу ее в безопасное место, а ты тут бди. Во все четыре глаза, прошу тебя!

Гречихин уходит, а Коленька, прежде чем занять его место в салоне легковушки, пятясь, чтоб не потерять из виду подъезд, идет к киоску. Там очередь всего в два человека, бутылку «Балтики» он покупает быстро, оторвав взгляд от нужной двери лишь на несколько секунд — когда принимал сдачу.

В эти самые секунды Рассадин вышел из подъезда и повернул за угол.

Но свет в его окнах оставался гореть, потому Коленька спокойно сел за баранку и стал пить пиво.

Примерно через полчаса подъехал на джипе Хряк, оставил его у подъезда, взял в руки пакет и вошел в дом.

В пакете были свитер, бейсболка, рюкзак. Это Константин Евгеньевич позвонил ему и попросил захватить вещи, зайти в подъезд и там переодеться, а потом идти уже к гаражам. Хряк только вздохнул: «Начитался старик детективов!» Но сделал все так, как босс и просил. Натянул поверх рубахи свитер, надвинул бейсболку на глаза, взял за трубой мусоропровода оставленный для него спиннинг. В такой экипировке он вышел из подъезда.

Коленька не обратил на него внимания.

Мишка примчался через час. Узнав, что и Хряк здесь, он поднял глаза на освещенные окна:

— Что-то они разговорились. Если ты их не зевнул, конечно.

— Не зевнул, вон же джип камуфляжный стоит.

— Джип — дело нехитрое. — Мишка набирает номер телефона Рассадина, идут гудки, трубку никто не поднимает. Он замечает пустую бутылку, лежащую в салоне. — Отлучался?

— Нет, это здесь, в киоске. Я дверь все время видел... Почти все время, секунд десять, может быть...

— Напрасно ты это, Коленька, — покачал головой Мишка.

А в это время ярко-синий «Форд» Рассадина мчался уже за городом. За рулем был Константин Евгеньевич, Хряк сидел рядом.

ОСКОЛОК ОРДЕНА

— Как у тебя день прошел? — спросил Рассадин.

— Как обычно.

— Ясно. Кофе выпьешь?

— Вы же знаете, я от него никогда не отказываюсь.

— Знаю, — улыбнулся Рассадин.

Хряк взял стоявший между ними термос, наполнил глубокую крышку кофе и выпил весь без остатка.

— День как день прошел, — повторил он, — только возле кафе какая-то сумасшедшая женщина подарила мне дипломат.

— С долларами?

— Смеетесь? С газетами. Я отъехал и выкинул их.

— Что ж ты сразу об этом не сказал?

— А кого интересуют сумасшедшие женщины... О, я, кажется, знаю, куда мы едем! Вы на грунтовку повернули, километров через пять, после старых карьеров, там стоит ресторанчик, тихий, уютный... Черт, что-то меня в пот бросило, что-то нехорошо...

Рассадин подъехал к старым карьерам, к самому краю, и столкнул труп Хряка в обрыв.

— Ну прости, — сказал при этом. — Накладочка вышла.

ГЛАВА 8

1

Щербина вошел в кабинет Панина с улыбкой на все лицо:

— Тут чай за хорошие вести наливают?

— Хорошие для кого? — спросил Вадим.

— Для тех, кто студентками интересуется. — Он вытаскивает блокнот, читает. — Алехина Анастасия Ивановна, проходила практику под Дубной, если нужна характеристика, могу ознакомить: положительная во всех отношениях.

— Спасибо, будет вам чай. Даже сахар предложим, если до конца откровенными окажетесь, Валерий Иванович. Нутром чую, еще не все вами сказано.

— Не все! — с той же улыбкой сказал Щербина. — Только чего ты со мной выкаешь, а, Вадик? У нас разница в возрасте вроде небольшая.

— Пуд соли вместе еще не съели. Но вы ближе к делу.

— Как знаешь. Тебе говорит о чем-нибудь такая фамилия — Рассадин?

— А как же. Они со Станиславом Викторовичем бизнес начинали.

— И это все, что в этом кабинете о нем известно?

Панин ответить не успел — вошел Андрей, поздоровался, взглянул на гостя:

— Мне потом зайти, Вадим?

— Присаживайся. Все нормально там?

— Смотри что называть нормальным. Разместили их как надо, но если ты не подъедешь, как обещал... В общем, лучше подъехать. Да, самое интересное. Знаешь, кого я там встретил?

— Студентку свою?

— Да ладно тебе. Бурова Егора Федоровича! За последние три года в первый раз по-человечески отдыхает. Летом, и без кильки в томате, представляешь!

— Знакомая фамилия, где-то я ее слышал, — наморщил лоб Щербина.

— Командир наш, — сказал Панин. — Чудесный мужик.

— Он в Москве дня через четыре будет, комитетчики его на беседу пригласили.

Щербина хмыкнул:

— Ну вот, чудесный мужик, а им почему-то фээсбэшники интересуются.

— Это по старым делам, — ответил Андрей. — У нас там склады с оружием горели, и у товарищей некоторые подозрения возникли...

— Приедет в столицу — встретимся, — перебил друга Панин. — Хоть полчаса, но посидим.

Первые звезды уже зажглись на небе, а Коленька и Мишка все еще сидели в машине напротив подъезда. Коленька пыхтел и постанывал:

— Не знаю, как там в вашем спецназе, а я уже не могу терпеть!

— Пиво наружу просится? Вот потому и терпи, следующий раз умнее будешь. Хоп, вот так сюрприз!

Они увидели идущего к подъезду Рассадина.

— Значит, зеванул ты все же его, Коленька! И не только его. Куда Хряк мог деться?

Константин Евгеньевич подошел к двери, но увидел джип бывшего мента, остановился у скамейки возле подъезда, открыл свою сумку, стал в ней копать. В сумке были вещи Хряка, там Рассадин и нашел то, что искал: ключи от джипа.

— Поверь, если я и отвлекся, то на какие-то секунды.

— Этого хватило. Мы в ходе операций сутками даже по малому не ходили, а ты — без пива не смог.

— А как же вы?..

— Молча! Смотри.

Рассадин подошел к джипу, открыл его, поехал. Коленька потянулся к ключу зажигания:

— За ним?

— Отставить. Он заметит нас.

— Может, он к гаражам поехал? Это почти рядом, за домом.

— Веди, тем более других вариантов у нас теперь нет.

Рассадин действительно подъехал к гаражам. Выгнал из своей металлической «ракушки» «Форд», поставил вместо него машину Хряка и уже на синем красавце опять вернулся к своему дому, вошел в подъезд.

— Маячок надо закрепить, — сказал Мишка...

А Рассадин, войдя в квартиру, первым делом направился к телефону. Гудки шли долго, трубку не спешили брать, но наконец все же женский голос проявился:

— Алло?

— Женя, Евгения Борисовна, это Рассадин — помните такого?

— Что вам надо, Константин Евгеньевич?

— От вас — ничего. Но я знаю, что рядом с вами Стас. Он очень нужен мне, буквально на два слова.

Стас слышит этот разговор. Евгения качает головой: мол, сказать, что тебя нет? Но он берет трубку.

— Слушаю.

— Стас, изменились обстоятельства. Доля в твоём бизнесе мне не нужна, давай мне наличку, а я тебе бумаги. Такой вариант ведь тебя устраивал?

— Это обсуждаемо, но не среди ночи.

— А что прикажешь делать, если сотовый ты сменил, а секретарша не соединяет? Давай договоримся так: звоню завтра в одиннадцать и обговариваем детали.

— Хорошо, звони.

3

Панин был зол как никогда. И на войне он считался жестким командиром, в горах никому спуска не давал, но редко когда повышал голос. Сейчас же на Гречихина — повысил.

— Мне не нужна художественная самодеятельность, понимаешь? Не нужна! Режиссеры-операторы! Голливуд покоя не дает, что ли?

— Командир, — оправдывался Мишка. — Скажи, в чем мы не правы? Рассадин неплохо бьет, но сам удары держать не умеет. Мы на это сделали расчет, и все оказалось верно!

— А на крыше? Когда все миллиметры и секунды решали? Если б не повезло тебе, как бы я Ольге и Олежке в глаза смотрел, а?

— Вадик, на войне в сто раз все сложнее было...

— На ней вы свое сполна и получили! И я тебе тут не командир! Про атаки и драки забудь, понял?

— А о чем же мне тогда помнить? Я другому ничему не обучен. Как пошел после школы служить, так и служу. И когда мне говорят, ты, мол, списан, то вроде как в жизни и списывают. И ты

туда же! В строю учил, чтоб гордились погонами и себя не жалели, а сейчас по-другому все, да?

Панин сник. Он подошел к Мишке, положил ему руку на плечо:

— Закрыли тему. Миш, я немного раскручусь — найду тебе работу, такую, какой ты достоин, вот увидишь, но сейчас... Пойми, Миша, мне с вами, с тобой и Андрюхой, тяжелее будет, понимаешь? Можешь обижаться, конечно...

— Ладно, пойду в свои книжные ряды. Тем более как раз просили подменить человека...

Мишка вышел в приемную, где сидел Коленка. Тот спросил:

— Что он там так шумел?

— Стружку снимал. Сказал, что неэффективно работаем, с поздним зажиганием. Ты связывайся со мной сразу, как только что происходит, понял?

— Чего ж не понять.

4

Абрамов пригласил Рассадина на беседу в знакомое урочище — туда, где когда-то, а в принципе, не так давно, Константин Евгеньевич закупал у бывшего полковника оружие. Тогда Рассадин чувствовал себя на равных с ним, а ныне стоит чуть ли не по стойке «смирно», наблюдает, как тот стреляет по мишеням с другим покупателем. Зовут его Седой Дрозд. Бандит бандитом, что по лексик-

кону, что по внешнему виду. Даже фикса золотая. Но к нему Абрамов благосклонен, а вот с Рассадиным разговаривает, как с нашкодившим пацаном.

— Я надеялся, что сюда ты приедешь не с пустыми карманами.

— О долге помню, Анатолий Сергеевич, и деньги отдам. На днях.

Абрамов стреляет метко, пули ложатся кучно. Значит, тренируется тут регулярно.

— Я военный человек, Рассадин. На днях — это все равно что обещать построить коммунизм в обозримом будущем. Послезавтра мы встречаемся в девятнадцать ноль-ноль. И отдаешь не частями, а всю сумму. Хотя по большому счету и компенсацию с тебя еще взять надо. Вы чуть моего человека не убили. И какого человека! Его опасно злить.

Он, конечно же, имеет в виду Волина. Сам Волин занимает исходную позицию и стреляет с двух рук. Посылает пулю в поле.

— Дайте мне хотя бы неделю, Анатолий Сергеевич. Я сейчас проворачиваю одно дело...

— Со мной не надо торговаться. Послезавтра в восемнадцать ноль-ноль.

— Но я действительно могу не уложиться...

— В семнадцать ноль-ноль. Время пошло, чего стоишь? Иди и укладывайся.

Рассадин смотрит на часы. Сейчас десять. Через час предстоит разговор со Стасом. Придется

принимать все его условия. Нет, конечно, первоначальную цену надо назвать высокую, а там уже все будет зависеть от обстоятельств...

Ровно в одиннадцать Рассадин позвонил Станиславу Викторовичу. Разговор был коротким, и шеф, положив трубку, сказал Панину и Коленьке, сидевшим в его кабинете:

— Встреча сегодня, в шестнадцать ноль-ноль, у меня на даче. Один на один.

— Коленька, выйди, — попросил Панин и, когда за тем закрылась дверь, обратился к шефу: — Я бы не советовал вам соглашаться на все его условия.

— Вадим, давайте так: денежные вопросы — это мое дело. Только я знаю истинную цену бумагам, которыми располагает Рассадин.

— Значит, мое дело — обеспечить, чтобы платежка прошла без эксцессов?

— Вот именно. И еще, повторяюсь, он настаивает, чтоб на даче не было посторонних.

— А вот тут я специалист, Станислав Викторович. Не переживайте, вы будете под защитой. Мне надо идти...

Панин вышел в приемную, и Коленька ему тотчас доложил:

— Я уже связался с Гречихиным, сказал ему о сегодняшней встрече.

— Как это — сказал? — остолбенел Панин.

— Ну, вы же сделали ему замечание насчет оперативности, и он от вашего имени попросил, чтоб я не медлил, сразу ставил в известность...

— Туды твою дивизию!..

Через полчаса Панин уже входил в комнату милиции того самого метро, откуда когда-то освобождал Мишку. Та же ослепительная и уверенная улыбка играет на его лице.

— Ребята, привет! Виски, если я правильно понимаю, выдули без меня?

Капитан Куропаткин подозрительно щурит глаза, но Панин открывает дипломат, достает такую же бутылку.

— На хороших людей зла не держу. Вот вам еще. Но опять не могу присоединиться. Слышали же, что в Гонолупе с нашими творится? Сейчас этим срочно занимаюсь, завтра с утра — предложения по разруливанию ситуации.

Сержант смотрит на бутылку:

— Так это... Дружок ваш вроде не у нас, выручать вроде некого...

— Правильно понимаете, сержант Садов. Читаете ситуацию. Только теперь мне надо наоборот. Эх, наливайте по пять капель!..

Выпили, Панин тотчас ушел, а сержант, сметая крошки со стола, спросил у Куропаткина:

— Товарищ капитан, а что там произошло, в Гонолупе?

— А это где?

ОСКОЛОК ОРДЕНА

...С Гречихиным вопрос решен, думает Панин, садясь за руль, теперь бы еще Андрюху из игры вывести. И он берет мобильник:

— Андрей? Выручай, Андрюха, архиважное дело. Надо тебе срочно с одним человеком встретиться, в четырнадцать тридцать. Приказывать не могу, конечно, но очень надо, понимаешь? Записывай: Алехина Анастасия Ивановна, улица... Нет, ну что такое — постараюсь?.. В том-то и дело, что нет у нее телефона. Заберешь у нее записку для меня...

Андрей в это время стоит рядом с Мишкой. Улыбается и говорит другу:

— Заслать хочет куда подальше. Ну командир! Хотя время еще есть.

— Может, он рассчитывает на обстоятельства, которые там тебя могут задержать?

— Это нас с тобой обстоятельства задержать могут?

Они смеются. Потом Мишка говорит:

— Значит, так. Не знаю, на какой машине Рассадин поедет, потому я снабдил маячками обе его кареты. Главное, чтоб они нас не подвели.

— О чем ты! Космические технологии! Нет, эту Алехину я посету после дачи.

ГЛАВА 9

1

Время еще есть, можно не особо торопиться, и потому Гречихин останавливается в переходе метро у девушки, играющей на скрипке. Мишка и на барабане дробь выбить не может, ему медведь с рождения на ухо наступил, даже во время срочной службы в солдатском строю его просили петь тише, не орать, но слушать музыку он любит. Даже вот такую — жалобно-щемящую.

Постояв минуты три, Гречихин бросил десятку в футляр от инструмента и пошел к эскалатору. Уже ступил было на плывущую вниз ленту, но тут на плечо его легла чья-то рука. Спокойно легла, по-дружески, потому Мишка решил никого не бить с разворота. И правильно сделал. За его спиной стоял сержант Садов, милиционер подземки.

— Гражданин, ваши деньги?

Сержант показал ему десятку.

— Уже нет. Я их скрипачке оставил. Товарищ сержант, что-то мы часто с вами встречаемся. Не узнаете разве?

— Ну как же: драка с музыкантами, нападение на мужчину, теперь вот дензнаки фальшивые разбрасываем.

— Как фальшивые? — удивился Мишка.

— А так. Держите и смотрите.

Сержант протянул ему купюру, Гречихин, естественно, взял, а милиционер послонявил палец и провел им по десятке. Вслед за пальцем с дензнака полезла краска. Садов тотчас забрал десятку и спросил:

— Теперь все понятно?

— Погодите! Так это не мои деньги! Моя десятка помятая была!

— Рассказывать можно что угодно. Пальчики на купюре ваши, гражданин Гречихин, и это — факт. Прошу следовать за мной.

Еще по пути в комнату милиции Мишка все понял и сказал капитану Куропаткину, встретившему его весьма радушно и даже предложившему чай:

— Это Панин вас попросил меня задержать, да? Если б не деньги, вы бы что-нибудь другое придумали?

Куропаткин только улыбнулся, а ответил сержант:

— Раз понял, базар разводить не будем, посидишь тут пару часов — и свободен!

Куропаткин же сказал о другом:

— Слушай, Михаил, ты все же скажи нам, кто такой Панин? Из службы собственной безопасности, что ли?

— Рассказать можно, только без бутылки это сложно сделать — не поймете и не поверите! Он коньяку не принес?

Садов взглянул на капитана, получил его одобрение и вытащил из стола бутылку и бутерброды с сыром:

— Себе сколько хочешь, а мы — по капле, все-таки на службе.

Мишка клацнул языком:

— Прекрасный напиток! Под него бы... — Он презрительно посмотрел на бутерброды. — Ребята, я сейчас икру принесу. Настоящая красная икра! Минералки захватить?

— Давай! — сказал Садов.

Мишка выскочил из комнаты, сержант довольнo отвалился на спинку стула:

— «Хеннесси» с икрой! Сегодня у нас удачный день, да, товарищ капитан?

Куропаткин, кусая губу, смотрел на дверь:

— Садов, — сказал он. — А, Садов?

Теперь до сержанта дошло, что имеет в виду командир. Но он все-таки возразил неуверенно:

— Да ну, чтоб от «Хеннесси» отказываться...

Тут же сорвался с места, выскочил в вестибюль, увидел поток людей, плывущий в обе стороны, и горестно вздохнул.

А Мишка в это время уже усаживался в салон легковушки друга и выслушивал от того информацию:

— Рассадин пока дома, хотя, может быть, уже и отъехал: грузил что-то в багажник.

— А чего гадать? — спрашивает Мишка. — Где твоя игрушка?

Андрей кивает на ноутбук, лежащий на заднем сиденье:

— Разберешься?

— Попробую.

Гречихин находит нужную программу, на экране высвечивается карта Москвы, яркая голубая точка движется по ней:

— Все, он в дороге.

— Я что предлагаю, — говорит Андрей. — Не надо ехать за ним. Сейчас выскочим на Профсоюзную, дальше пойдем по старой Калужской — Коленька мне объяснил, как найти дачу Стаса.

Мишка покачал головой:

— Что объяснил — это хорошо, но Рассадин пока едет в другом направлении.

— Как это — в другом? — Андрей съезжает на обочину и останавливает машину. — Почему — в другом?

Мишка разводит руками:

— Давай догоним и спросим. Так, он тоже остановился.

Рассадин притормозил на окраинной московской улочке, почти пустой от автомобилей. Не выходя из салона, сделал звонок по сотовому:

— У тебя все готово? Ну и хорошо. Стрелять только тогда, когда я сниму пиджак, понял? Но будем надеяться, что обойдется без этой крайней меры. И чтоб тебя — не видно, не слышно!

Сзади него припарковалась машина Стаса. Константин Евгеньевич вышел к нему, сияя улыбкой:

— Ценю пунктуальность. Все-таки правильно мы вас, комсомольцев, воспитывали!

Стас не поддержал веселый тон:

— Почему ты тут встречу назначил? Можно было бы раньше на кольцо выскочить.

— Знаешь, я раздумал ехать на твою дачу.

Стас оглядывается, видит какое-то кафе:

— Предлагаешь тут поговорить?

— Ну что ты! У нас серьезный разговор, и вести его лучше не на людях и не за казенными столами. Приглашаю к себе. Рядом лес, река, удивительный воздух.

— Стены бензином не залиты?

Рассадин сделал вид, что не понял намека:

— Экологи делали заключение: идеальная для проживания обстановка. И еще. Стас, мы ведь оба умные люди, и я почти не сомневаюсь, что наличку с собой ты не везешь, потому на даче я показываю тебе бумаги, мы вместе возвращаемся в Москву и уж там производим акт купли-продажи.

— Идет.

Константин Евгеньевич и Стас садятся в машины, сначала петляют улочками, затем вырывают на трассу, и Мишка, следя за голубой точкой на карте компьютера, говорит убежденно:

— Все ясно, Андрей. Они едут к Рассадину.

— Тогда предлагаю гнать вперед, а то к его даче одноколька, мало кто ездит, и мы окажемся на виду.

— Давай. Только я сначала звякну одному нашему общему знакомому. Его черную неблагодарность надо забыть, правильно? — И уже в трубку: — Вадим, знаешь автосалон на Куликовской? Мы будем там проездом минут через пятнадцать. Если не успеешь — прости.

Панина удивить трудно, но в этот раз у него, кажется, глаза на лбу:

— Ты где?

— Глупый вопрос. Уж точно не в ментовке, куда ты меня сосватать хотел. Стас едет на дачу к Рассадину, понял? Схема его дачи у нас есть. Если считаешь, что она тебе может пригодиться...

Минут через сорок Мишка и Андрей уже пребывали в другом мире. Горьковато пахло пижмой, поскольку в ней они и лежали, гудел шмель, шелестели над ухом стрекозы. Но Мишка любит не дикой красотой лета, а столом, сервированным на веранде интересующего его дома. Тут вино, виноград, орехи, высокие фужеры, тарелки с роспи-

сю, какие он видел только в музеях. А еще на блюде лежит рыба золотого копчения. Рядом восседает на стуле огромный кот, и по усам его, так кажется Гречихину, текут слюнки. Мишка и сам сглатывает слюну и переводит окуляры бинокля на баньку, расположенную метрах в тридцати от дома. Дверь на ее чердак приоткрыта, туда ведет приставная лестница.

— Хорошая позиция.

— Согласен, — говорит Андрей. — Только я так думаю, она уже занята.

— Сейчас проверим.

Мишка вытаскивает пращу, заряжает в нее камешек и запускает его в сторону стола. Камешек попадает в бокал, кот вякает от неожиданности, прыгает с веранды и бежит через двор к кустарникам. Тотчас из двери чердака высовывается водитель Рассадина, зло называет кота сучарой, слезает по лестнице, идет на веранду, собирает со стола разбитое стекло и заходит в дом.

— Первый пошел! — отдает себе приказ Гречихин, срывается с места, легко преодолевает забор и так же быстро, бесшумно исчезает в проеме чердака.

Теперь в бинокль смотрит Андрей.

Вот водитель вышел из дома, ставит новый фужер, видит появившегося из-за кустов кота, хватает со стола камень и швыряет его в невин-

ную тварь. Идет к лестнице и сам у себя спрашивает:

— Интересно, а откуда камень на столе взялся?

По идее, сейчас он должен напрячь мозги, проявить бдительность, хотя бы оглядеть все вокруг, но лишь хмыкает и лезет на чердак. Что там, на чердаке, происходит, Андрей может только догадываться, но вот лестницу чья-то нога отталкивает, и она падает.

Падает за минуту до того, как к воротам дачи подъезжают две машины. Рассадин самолично открывает ворота, машины въезжают во двор, и Константин Евгеньевич, сопровождая Стаса на веранду, дает ему пояснения:

— Тоже, как видишь, не хоромы. Тоже — для души. Но душа скоро потребует иного, и снесу на хрен все, построю дворец с летним садом, чтоб ананасы вызревали. А пока можем пройтись опушкой, наверняка боровичок найдем.

Стас был настроен жестко:

— Сначала давай наши вопросы порешаем.

— Как скажешь. — Рассадин жестом пригласил его пройти на веранду. — Как насчет выпить?

— Никак. Мы оба за рулем, и нам, если я правильно понял, надо возвращаться в Москву.

— Надо, но здесь есть кому нас довезти.

— Лично я предпочитаю сидеть за рулем и пить минералку.

Рассадин кивает, входит в дом и почти тут же появляется вновь на веранде с дипломатом в руке, открывает его и кладет перед гостем стопку листов.

Теперь это видит и Панин. Он находится с другой стороны от Андрея, в молодом ельнике, почти примыкающем к забору Рассадина.

Стас, попивая воду, листает страницы, подколотые к ним счета, расписки. Он делает это без особого внимания — документы знакомы ему. Просмотрел, отложил в сторону:

— Ну что, едем в Москву?

— Я так понимаю, ты принимаешь мои условия?

— Да, только мне нужны не эти копии, а оригиналы.

— Как мне нужно не твое «да», а деньги. Ты действительно не взял их с собой?

— Я тебя так хорошо знаю, Константин Евгеньевич, что просто не мог их взять.

Рассадин засмеялся. Собрал бумаги, которые смотрел Стас, бросил их в мангал, протянул Стасу зажигалку. Стас поджег листы, но сказал:

— Это вообще-то дешевый трюк. Таких копий может быть и десять.

Рассадин достал из кейса и протянул ему серую папку:

— Вот оригинал.

Панин, наблюдая в бинокль за происходящим, вдруг насторожился: ему показалось, что справа,

недалеко, кто-то есть. И тут же он увидел этих «кто-то». Четверо мужчин в бронежилетах, «сферах», с оружием быстрыми беззвучными тенями выходят к забору и вот уже одновременно берут это несерьезное препятствие и мчатся через двор к веранде, теперь не таясь, наоборот, громкими криками вводя сидевших там людей в ступор. Панин последовал за ними, а с другой стороны, через калитку, бежит и Андрей.

Четверых с оружием интересуется, похоже, лишь Константин Евгеньевич. Убедившись, что тот без оружия, они чуть отступают, и один из них снимает «сферу». Теперь Панин узнает его: это Славин, начальник погибшего Павла Романовича.

Рассадин наконец приходит в себя настолько, чтобы задать банальный вопрос:

— В чем, собственно, дело?

Славин здоровается за руку с Паниным, Андреем и отвечает, даже не глядя на хозяина дачи:

— Дел, собственно, много, гражданин Рассадин. Целый букет дел.

Вадим берет со стола серую папку, бросает ее в огонь мангала, и это, кажется, никто не видит, кроме Станислава Викторовича.

В двери чердака бани появляется Мишка, кричит:

— Ребята, поставьте лестницу, тут груз спускать надо.

Двое бойцов поднимаются на чердак, принимают водителя со связанными руками и его ору-

жие. Славин здороваается и со спустившимся Гречихиным:

— Ты расторопней моих парней оказался. Мы тоже намеревались проделать тот же фокус, но не знали, как этого типа вниз выманить. Так, кстати, и не поняли, как это тебе удалось.

— Поделюсь опытом только за отдельную плату, — сказал Мишка.

Славин подошел к столу, спросил Вадима:

— Панин, как, по-твоему, — яд здесь может присутствовать?

— Думаю, да. Если он на чердак усадил человека со стволом, то и тут мог что-то придумать.

— И что именно ты придумал, Рассадин?

Все посмотрели на Константина Евгеньевича.

В этот самый миг какая-то сила отбросила его к стене и он стал сползать по ней уже безжизненный.

Точно в центре лба его показалось кровавое пятно от вошедшей пули.

2

— Ты читал, Вадим?

Щербина вошел в кабинет Панина с газетой, по-свойски сел за стол и развел руками:

— Не понимаю, откуда журналисты берут такую информацию, а?

— У тебя что за издание? — спросил Панин.

— «Смелая пресса».

— Вот ее я еще не читал. Что в ней сочинено?

— Цитирую. — И Валерий Иванович стал читать: — В ходе операции по задержанию опасных преступников пришлось применить оружие, и таким образом Рассадин был убит. Его помощник арестован, уже дает первые показания. Исходя из показаний, можно с уверенностью заключить, что ОПГ под руководством Рассадина занималась вымогательством, убийствами (так, расправилась с офицером спецслужб Павлом Бычковым), торговлей оружием, похищенным в разное время с военных складов. В доме у Рассадина найден целый арсенал... И как тебе все это, Вадим?

— Складно, — ответил тот. — Найден козел отпущения. Только никак не прослеживается связь между Пашей и Рассадиным. Журналистам это, допустим, и ни к чему, а вот у других голова должна болеть.

— Не у нас, — сказал Валерий Иванович. — Твоя зона ответственности — Стас, и с ним все нормально. Моей зоны вообще нет: гибелью Бычкова и ворованным оружием спецслужбы заняты. Кстати, вашего командира, как его...

— Буров Егор Федорович.

— Бурова на беседу еще не вызывали?

— Не знаю. Завтра, даст Бог, встретимся, он расскажет.

Ну вот судьба у человека такая: дня не проходит, чтоб у Мишки не состоялась очередная судьбоносная встреча. То он с кем-то столкнется, то его кто-то поджидает.

Так и сегодня. Вовремя с работы вышел, транспорт не подвел, вот она уже, любимая общезжитка, сто метров пройти... И тут останавливается иномарка, из нее выходят двое и окликают:

— Гречихин!

Мишка смотрит на пару крепких мужиков, не узнает их.

— Простите, ребята...

Один протягивает ему руку:

— О тебе уже легенды ходят, думал, шкаф под два метра, а ты — вот какой. Моя фамилия Данилов. Это тебе пока ничего не говорит... Слушай, не поужинать ли нам, а?

Мишка замялся:

— Не уверен, есть ли что в холодильнике. Но пойдемте, что-нибудь придумаем.

Данилов рассмеялся:

— Святая простота! Ты меня неправильно понял, Михаил. Я приглашаю тебя в ресторан. За столом и поговорим о деле. Ты ведь работу ищешь? Я ее предлагаю.

— Должен сразу предупредить: плохо бегаю стометровку и не ношу матросских костюмов.

— Гречихин, поверь: прежде чем сюда приехать, я узнал о тебе много. Меня устраивает все. Остается обсудить лишь детали, посмотреть, так сказать, на тебя в деле, чтоб объявить, какую зарплату будешь получать.

— Так, может, с дела и начнем? А ресторан оставим на потом?

— Ты мне все больше нравишься. Поехали?

Мишка без раздумий и колебаний сел на заднее сиденье иномарки.

Ехать пришлось долго. Все это время Данилов не совсем понятно пытался втолковать Мишке суть программы своей фирмы.

— У меня лучшие экономисты, юристы, теперь вот подбираю команду силовиков. И занимаемся очень благородным делом, понимаешь? Берем бесперспективные объекты, и они уже через полгода начинают приносить прибыль! Польза государству в целом, польза нам в частности. Трудность только одна: доказывать некоторым людям, что они профнепригодны.

— Это как? — спросил Мишка.

— Лучше, как говорят, один раз увидеть. Мы едем как раз по такому адресу...

Это был офис как офис, не лучше и не хуже тех других, где в последнее время побывал Гречихин в поисках работы. В приемной за столом — секретарша, не расфуфыренная юная длинноножка, а зрелая женщина, которая, по всей видимости,

умеет не только подавать, но и заваривать чай. Охранник сидит на диване, решает кроссворд. Данилова он знает, от Мишки не укрылось, что они перемигнулись. Но об обязательствах своих охранник вспомнил тотчас. Вскочил, сделал шаг навстречу:

— Вы кто, товарищи? Приема сегодня уже нет.

Но Данилов не отреагировал на предупреждение, повел своих людей и Мишку к двери с табличкой «Макаров Сергей Антонович». Секретарша вылетела из-за стола, пытаясь прикрыть собой дверь:

— Сказано же — нельзя сюда!

Шофер Данилова схватил ее за рукав, грубовато отодвинул в сторону, и они, в том числе и Мишка, не понимающий еще, что к чему, вошли в кабинет. Там за столом сидел сам Макаров, мужчина лет сорока, а рядом стоял с бумагами юноша, худой, хрупкий, в очках с сильными линзами. Они растерянно смотрели на вошедших, а Данилов, словно не видя их, стал пояснять Мишке:

— Фирма будет процветать, кормить нас и государство, и дело лишь за малым: надо изъять отсюда одни документы и заменить их новыми, оформленными по всем законам.

— Какие же вы негодяи! — сказал Макаров. — Никак не успокоитесь!

А юноша в очках сорвался на крик:

— Выйдите вон! У нас здесь важные расчеты! — и бросился с кулачками на Данилова.

Но к нему не добежал. Его ударили так, что парень даже взлетел на воздух, потом рухнул лицом на пол, разлетелись очки, хлынула кровь из носа. Охранник, не переступая порога, выговаривал совершенно нелепые в такой ситуации слова:

— Предупреждаю, не надо входить... Что вы в самом деле, это нехорошо...

Юноша держался молодцом. Он встал, держась за край стола, близоруко щурясь и все равно ничего не видя, крикнул:

— Вы бандиты! Понимаете? Вы бандиты!

А Данилов подошел к все еще сидящему за столом Макарову и ткнул в него пальцем:

— Все разговоры у нас с тобой пустые выходят, потому и приходится вот так действовать. Открывай сейф.

— Ничего я вам открывать не буду, — твердо ответил Сергей Антонович.

— Ключи сюда! — рявкнул Данилов. И показал на Мишку. — Или вот этот боец из тебя в два счета отбивную сделает. Ключи!

Макаров, сжав губы, сидел, не шевелясь.

Гречихин наконец прояснил для себя ситуацию:

— А, так это вроде рейдерского захвата.

— Я потом тебе объясню, как это правильно называется, — сказал ему командирским голосом Данилов. — А пока сделай так, чтоб этот хрен дал мне ключи.

Сопровождавший его здоровяк решил проявить инициативу:

— Я для начала покажу, что для этого надо.

Уже замахнулся, желая обрушить кулак на лицо Макарова, но Мишка легко перехватил его руку:

— Не так. Теперь я показывать буду.

Бил Мишка без замахов, но так складно, что, кажется, в одну секунду вся троица незваных гостей лежала на полу, причем в глубоком нокауте. Осталось только вышвырнуть их из кабинета и напоследок извиниться перед Сергеем Антоновичем:

— Я не знал, что тут у вас к чему.

Охранник все так же стоял у двери и жалобно улыбался:

— Гречихин, ты не помнишь меня?

Мишка где-то видел его, но где — сейчас не упомнить. В одном только он был уверен: охранник — человек Данилова.

— Сука ты продажная, — сказал Мишка и двинул его так, что он очутился в углу приемной. Потом озадаченно посмотрел на лежавших. — И что

теперь с ними делать? Я не могу сидеть и караулить...

— Не надо, — ответила секретарша. — Я уже вызвала наших людей. Хотите кофе?

— Сейчас как раз только кофе распивать. — И Мишка вышел на улицу.

Тогда еще никто не знал, что история эта далеко не закончилась.

Следующим вечером по пути домой Гречихин забежал в магазин и на последние деньги — зарплата завтра — купил пакет кефира и булку с изюмом. Вышел, шагов пятьдесят по аллею успел сделать — тормозит на шоссе джип, из него выскакивают трое, двое бегут к Мишке, а один остается у машины. Мишка не ждет, когда те нападут, делает бросок навстречу, бьет одного ногой в пах, другого в скулу... Тот, который у машины, кричит:

— Гречихин, не надо, вы нас не так поняли, Гречихин!

Мишка всматривается и узнает в говорившем Ронкина: недавно он проходил у него собеседование.

— Гречихин, — сказал Ронкин, — мы к вам домой заезжали, жена сказала, что вы в магазине, вот и решили встретиться...

— Встретили, — вздохнул Мишка. — Что дальше?

— Вы вчера у Макарова... Сергей Антонович — это же мой человек, и вы там вчера... В общем, я завтра жду вас, Гречихин, без всяких экзаменов и испытаний на стометровки.

Мишка вздохнул еще горестней.

— Проблемы? — спросил Ронкин.

— Немного есть. Вы мне до завтра двадцать семь рублей не одолжите? Я кефир нес...

Ронкин делает знак своим людям, только что поднявшимся с земли, и теперь Мишка узнает их — это те охранники, которые экзаменовали его. Они отряхиваются от пыли уже на бегу — спешат в магазин.

— Однопроцентный, — сказал им вслед Мишка. И уже к Ронкину: — Знаете, я пока не буду рассчитываться, я и на продаже книг получаю... ну, неплохо получаю... И потом, с начальником вашей охраны мне будет трудно поладить...

— Я вас беру как раз на его место. Но с большим окладом.

Прибежали охранники, у каждого в руках по огромному пакету, и чего в них только нет...

4

На звонок Андрея дверь открыла пожилая женщина.

— Вы Алехина?

Она коротко рассмеялась:

— Доучились! Вы когда на лекции в последний раз были?

Андрей вспомнил свою курсантскую жизнь:

— Очень давно.

— Я это и вижу. Кстати, на зрительную память не жалею, но ваше лицо что-то никак не припомню. Но хватит стоять в дверях, проходите.

— Да нет, я, собственно...

— Проходите-проходите! У меня только что чайник закипел. Вам чай, кофе?

— Чай.

На кухне все стены были в гербариях: сушеные цветы и травы висели почти вплотную друг к другу, пахло полем.

— Чай у меня из кипрея, старинный русский рецепт. Предполагаю, вы такой никогда не пробовали. Правда, кроме кипрея, еще кое-что добавлено, чтоб букет был...

— Анастасия Ивановна, я в общем-то пришел за запиской...

— Ох, заочники, заочники. Вы хотя бы преподавателей своих по именам знайте. Я Анна Ильинична, между прочим. Вы на каком у нас курсе?

Андрей ничего не понимал.

— Я у вас не учусь, я от Панина пришел.

— А Панин ваш на каком курсе?

— Как на каком? Панин, Вадим, он ждет от вас записку...

Зазвонил телефон. Анна Ильинична сняла трубку, выслушала говорившего, сказала:

— Нет, на дому экзамен не приму. Завтра в четырнадцатой аудитории, с одиннадцати. У меня таких уже пять гавриков. До встречи.

Она положила трубку, а Андрей спросил:

— Так у вас, оказывается, и телефон есть?

Алехина покачала ладонью у него перед глазами:

— С вами все нормально, молодой человек?

— Кажется, — пожал плечами тот.

— А это мы сейчас проверим. Если вы откажетесь от шарлотки, которую приготовила моя дочь... Она, кстати, как раз Анастасия Ивановна, но даю вам слово, никакому Панину никаких записок не писала, иначе бы я знала. Мы с дочерью как одно целое...

Андрей попил чаю, поел шарлотки, извинился перед женщиной и покинул этот дом. Увидев подходящий троллейбус, побежал к остановке, вскочил в переднюю дверь и не заметил, что из задней как раз в этот момент выходила из салона в толпе пассажиров Настя.

5

— Вадим, знаешь, где одно из самых обычных мест для встреч людей нашей профессии? В морге, естественно. Приезжай, жду.

И Панин без лишних расспросов поехал на встречу со Славиным.

Фээсбэшник ждал его у высоких старых лип, что росли недалеко от входа в это невеселое заведение, и, поскольку хотел докурить сигарету, тут же начал вводить Вадима в дело. Троицу, погибшую на даче Гордеева, никто не ищет, так что тела пока лежат не востребованными, и посему можно ими полюбоваться.

— Ты ведь видел Антонину Ярему?

— Только мельком, в аэропорту. Еще — на фотографиях, которые пришли по почте Станиславу Викторовичу.

— Фотографии есть? Вот как? Хотелось бы на них взглянуть.

Панин вынул из портфеля конверт и передал его Славину. Тот удивленно спросил:

— Они тебе так дороги, что постоянно таскаешь с собой?

— Взял сегодня. Знал ведь, куда еду. Можете, кстати, себе оставить, у меня еще есть.

Юрий Кириллович внимательно стал рассматривать снимки:

— Это действительно та самая девица? Ты ведь, говоришь, видел ее мельком?

— Но шеф же признал.

Сигарета была докурена, и они вошли в холодильник, облачившись в синие халаты. Сопрово-

ждал их хмурый человек в таком же одеянии, уже зная, что от него ждут, подвел к нужным столам. Отбросил простыню. Панин увидел худое женское лицо, рыжие волосы, безобразные следы входящих осколков гранаты на груди.

— Нет, — сказал он.

— Кто бы сомневался. Теперь посмотрим на женщину слева.

Откинута другая простыня. Темные волосы, полноватое лицо, рваная рана прямо на горле.

— Нет, — вновь сказал Панин. — И характер ранения совсем иной, чем на фотографии. Кстати, на снимке одна нелепость есть. — Он показал на нужную из фотографий, которые все еще держал фээсбэшник. — В бане совсем иные половые доски.

— Еще интересней. — Славин сунул снимки в карман, и они пошли к выходу...

В приемной у Юли Панин застал Щербину. Выглядел тот расстроенным. Зайдя в кабинет к Вадиму, прямо с порога сказал:

— Славин на беседу к семнадцати приглашает. Не люблю я эту контору. Ты же с ним сейчас встречался, да? Подписку о неразглашении не давал?

Вадим вкратце рассказал Валерию Ивановичу, что видел в морге и о чем они говорили с Юрием Кирилловичем. Щербина шумно вздохнул:

— Конечно, прокололся я, чего там! Но ты пойми, мы приехали, а они лежали закопченные, как... На обрывке паспорта — полненькая, черно-волосая, одна из погибших такая же. Вот мы и решили... Да каждый бы в такой ситуации так решил, нет, что ли?! Это задним умом мы все рассудительны.

Позвонил телефон, Вадим взял трубку и расцвел в улыбке, что с ним бывало крайне редко:

— Здравия желаю, товарищ полковник! Вы где? Кафе «Ладушка»? Ну и ладушки! Знаю, конечно. Нет, я на метро, а то ведь выпить не придется, если на машине. Как нельзя? Он нормальный мужик, Славин, он поймет, так что по сто граммов можно... Тогда я, Егор Федорович, ребятам звоню, они тоже примчатся, конечно.

— Ваш Буров? — спросил Валерий Иванович, когда Вадим закончил разговаривать.

— Он. Со Славиным в пятнадцать тридцать встречается, а потом сразу на вокзал и... В общем, прости, Валерий Иванович, я собираться буду. В два часа договорились встретиться.

— Все ясно. — Щербина уже встал. — Не пойму только, почему ты его полковником назвал, он же вроде подполковником был.

— Так звездочку как раз и замочим в коньяке.

— Хоть и полковник, а встречи со Славиным небось тоже боится...

— А чего ему бояться? Егор Федорович мужик прямой, что знает, то и скажет.

Через час Панин выскочил из метро, прошел метров пятьдесят по тротуару, к наземному переходу. «Ладушка» стояла на противоположной стороне, и у дверей ее ожидал гостей Буров. Панин увидел его, махнул рукой. Егор Федорович ответил тем же.

Зеленый светофор долго не загорался, машины по шоссе шли сплошным потоком.

Автоматная очередь раздалась внезапно.

Разлетелась витрина кафе, завизжали люди.

Буров упал на асфальт.

ГЛАВА 10

1

Полковник Буров умер на руках Панина.

Он еще был в сознании, когда Вадим перебежал дорогу и опустился перед ним на колени, даже пробовал что-то сказать. Панин наклонился и отчетливо услышал лишь одно слово: «Рама». Голова Егора Федоровича отяжелела, стали неживыми глаза.

Примчалась «Скорая», врачи оттеснили Вадима от погибшего командира.

Дальше все проходило, как в дурном кино. Панин стоял у разбитой витрины, тут же были уже Андрей и Мишка, люди в штатском, но с военной выправкой, заполнили пространство возле кафе, журналист с микрофоном и кинокамерой вел прямой репортаж с места события:

— По предварительным данным, это была бандитская разборка из тех, которые, к сожалению, становятся обычными в столице. В этом кафе собрались члены одной из преступных группировок и были обстреляны своими конкурентами из проезжающей машины. Два человека, ранее судимых,

убиты непосредственно в зале. К сожалению, погиб и случайный прохожий, судя по документам, старший офицер внутренних войск. Объявлена операция «Перехват», результаты этого поиска нам пока неизвестны...

Панин смотрит на разбитое окно. Рамы здесь широкие, еще деревянные, а не пластиковые. Пули прошли их насквозь.

Мишка спрашивает:

— Что так рассматриваешь?

— Понимаешь, Егор Федорович хотел что-то сказать о раме. Я наклонился, и он сказал «рама». Или что-то вроде этого.

— Рама? Тут рама как рама. Ничего ни спрятать, ни нацарапать. Рифму ищи. Лама, яма, мама... Нет? Грамма... Может, он пошутил так напоследок? Мол, не выпили ни грамма...

— Все может быть.

Мимо них прошел Славин, ничего не сказал, лишь кивнул. Вошел в кафе. Оттуда тотчас же вышел и подошел к Панину Раш Амирханов.

— Можете пройти внутрь. Шеф хочет пару вопросов задать.

Панин зашел и первым делом опять оглядел раму, теперь уже с внутренней стороны. Разбитое стекло лежало и на столике, ближнем к окну.

— Буров сидел тут, — сказал Славин. — Если бы и остался сидеть, его бы наверняка все равно скосило. Правда, трудно сказать, стреляли бы тогда вообще или нет.

— То есть?

— Снаружи, да еще из едущей машины, нельзя рассмотреть, кто и где сидит за стеклом. Вот я и думаю: стреляли для устрашения или на поражение конкретной цели?

— Хотели убить именно Бурова?

— Хрен его знает. — Славин хотел закурить, но не делал этого, разминая в пальцах сигарету. — Тут действительно братва собиралась, мой Раш из-за этого сюда выехал и потому так быстро оказался на месте стрельбы. Хватит тебе окно рассматривать, ничего интересного в нем нет. Посмотри лучше сюда.

На одном из столиков лежали два пистолета.

— Это стволы тех, кого увезли только что. Хорошая марка, да?

— «Клин-один», — сказал Панин. — Одно время у меня был такой.

— Что у тебя — понятно: это оружие для спецназа и предназначается. Надо бы выяснить, откуда оно у московских бомжей, заказывающих на обед лобстеры и коллекционное вино?

— Живы?

— Одному повезло, только бок поцарапало. Ну да шут с ним, не о нем речь, и вообще — это

наша проблема. А тебе, Вадим, я вот что хотел сказать: выбери завтра время, желательно в районе обеда. Покатаемся малость.

2

Но это намечено на завтра, а в нынешний вечер Славин идет в ресторан. Ресторан затрапезный, при гостинице, он не пустует, а зал его заполняют вырвавшиеся в столицу периферийные дамы средних лет и среднего достатка, мужики, охмуряющие этих дам, сотрудники небогатых офисов, празднующие дни рождения и отмечающие панихиды, одиночки обоого пола, жаждущие знакомств, воры и разбойники разных мастей...

Славин садится за столик, где его ждет Раш с накрашенной чуть выше меры девицей, у которой, между прочим, есть офицерское звание. Столик уже сервирован, ничем в этом плане не отличается от других, появление еще одного клиента не привлекло ничьего внимания.

Фээсбэшники пришли сюда, конечно же, по делу. Накануне они получили информацию, что Седой Дрозд, имевший две ходки за разбой, обзавелся диковинным стволом. Седой Дрозд сидит недалеко от них, охмуряет бабу кустодиевского типа, ничего себе на личико, но неохватная в талии. На их столе, кроме щедрой еды, заказанной купчихой из Мытищ, бутылка коньяка и бутылка минералки. На зонах разбойник посадил желудок и теперь постоянно пьет «Ессентуки».

Объявляют «белый танец». В зале гасится лишний свет, создается интимный полумрак, полная дама ведет седого своего кавалера на танцевальный пяточок, туда же следом направляются Раш с девушкой. Даже опытный глаз Славина не сразу замечает, каким образом со стола Седого Дрозда исчезает бутылка минералки и вместо нее появляется другая, впрочем, точь-в-точь такая же.

Танец закончен, Амирханов возвращается, возвращается и Седой Дрозд, первым делом наливает в фужер воду и залпом выпивает ее.

— Сработает? — спрашивает Славин у Раши.

— Обижаете! Между прочим, товарищ полковник, лошадям перед открытием московской Олимпиады такое пойло давали, чтоб их заранее пропоносило, а не перед почетными гостями в праздничный день.

Славин посмотрел на часы:

— Что ж, будем час ждать.

— Это вы ждите. А я, пожалуй, пойду в номер этой красавицы.

Раш уходит.

— Ну что, дернем винца? — тянется к лафитнику Славин.

Девушка мило улыбается:

— Если начальство предлагает, то разве можно отказываться?

Минут через пятьдесят Юрий Кириллович звонит Амирханову:

— Клиент, кажется, созрел, ерзать начал. Так, готовься, они пошли, пошли в номер...

Едва переступив порог, Седой Дрозд начинает срывать с себя одежду. Купчиха игриво смеется и делает то же самое. Вскоре она остается в одной эротической комбинашке и неплохо смотрится в ней, несмотря на габариты, а ее напарник, совсем голый, подтанцовывая, говорит:

— Ты ложись, я сейчас... Приспичило...

Она павой плывет через коридор, и слышно, как натужно скрипит под ее весом кровать. Седой Дрозд врывается в туалет, оттуда сразу же раздаются немзыкальные шумы. А Амирханов выполняет из антресоли, что расположена над одежным шкафом, поднимает с пола одежду бандита, находит в ней пистолет и становится с ним напротив двери туалета. Там уже шумит вода из бачка, купчиха кричит с кровати:

— Милый, ты готов?

Седой Дрозд, увидев Амирханова, сопротивляться и не думает. Он прикрывает руками крайнюю плоть и печально отвечает:

— Кажется, готов...

3

Следующим днем, в районе обеда, как накануне и договаривались, Славин и Вадим выехали на дачу Рассадина. Как только заехали во двор, Юрий Кириллович спросил:

— В баню хочешь?

Панин рассмеялся:

— Меня точно так же приглашал Щербина. Туда, где кровь и копоть. А тут я что увижу?

— А тут ты увидишь почти идеальную чистоту. Почти! — Он поднял палец.

Зашли в предбанник, полковник включил свет и затем достал из кармана фотографию лежащей Антонины.

— Смотри сюда, вправо от стола. Текстура доски, сучок... Впрочем, можешь глаза не рвать. Мои специалисты тут поработали, потому принимай их выводы как факт. Якобы взорванная девица Ярема лежала здесь, когда ее фотографировали. Следов крови не обнаружено, но есть следы грим-краски и сажи.

— И что дальше? — спросил Панин.

— Знать бы, что дальше. Можно только попытаться погадать. Девица хорошо отыграла свою роль, а с человеком, который выполнил свою функцию, как правило, ничего хорошего не случается.

Но пока с Антониной Яремой было все нормально. Жила она на квартире Абрамова, иногда приезжала с Волиным на его дачу, где чувствовала себя вообще замечательно.

Как и в этот день.

Волин стоит на втором этаже, наблюдает через окно, как его подруга играет с породистым

щенком хозяина. Бросает мячик, пес ловит, тащит ей... Вот мячик запрыгнул в открытую дверь первого этажа, Антонина идет за ним, и в это время во двор въезжает Анатолий Сергеевич. Выходит из машины, держа в руке кейс.

Волин отходит от окна, начинает подогревать обед, а Абрамов сталкивается у двери с Тоней, зажимает ее, целует в грудь, гладит по заду.

— И это все? — хищно улыбаясь, спрашивает Антонина.

— Нет, конечно. Сейчас я его куда-нибудь отправлю...

Абрамов поднимается на второй этаж, видит чистящего картошку Волина, весело говорит ему:

— А не тяпнуть ли нам по стопке, а?

— Есть повод? — спрашивает тот.

— Есть, друг мой, есть! С картошкой ничего не случится, подойди сюда.

Абрамов открывает кейс и выкладывает перед снайпером несколько пачек в мелких купюрах.

— То, что ты заработал, плюс премия за отличное поведение. Пересчитывать будешь?

— Что вы, я вам верю.

— На веру сейчас полагаться нельзя — только на себя, понял?

Абрамов стоит на том самом месте у окна, где недавно стоял Волин, и также смотрит на Антонину, бегающую по двору со щенком.

— Хорошая девушка, славная девушка, но... — Он резко поворачивается к Волину. — Хорошо бы ее убрать. В смысле, удалить из Москвы.

Волин уже налил по рюмке коньяка, посыпает сахаром резаный лимон.

— Зачем, Анатолий Сергеевич? Она почти не выходит из квартиры, сюда приезжает редко, а если скажете, вообще приезжать не будет, у нее другой паспорт, шанс, что она встретится, к примеру, со Стасом Викторовичем — один на миллион. И потом, ее ведь никто не ищет. Вон Мавроди специально искали и нашли только случайно, через столько лет...

Абрамов вздохнул:

— Вот-вот, случайно. А я случаев не хочу, мой друг. Вдруг искать начнут не ее, а меня, а? И обнаружат живую покойницу в моей квартире. Ведь ваш дурак Рассадин так воду намутил, что долго придется ждать, пока отстоится. Хорошо, что ты его классно убрал. Впрочем, я тебе за класс и плачу. Но с послезавтрашнего дня прекратим всякие дела, ляжем на дно до тех пор, пока о нас не забудут.

— А почему с послезавтрашнего?

— Наш старый клиент о встрече завтра просит. Хороший заказ, грех отказываться. А потом сразу же первое задание — отправляй Антонину на родину... У нас есть кефир?

— Кислый, только для муки, Анатолий Сергеевич.

— Смотайся, купи. А картошку я сам дожарю.

4

В дом отдыха Панин приехал в девять утра. Ларису и Игоря в номере не застал, зато узнал, что она и Игорек пошли с удочкой на пруд.

Там он их и разыскал.

Пытаясь проверить поговорку о том, что повинную голову меч не сечет, он опустился перед Ларисой на колени и протянул ей ладонь с ягодами:

— От сердца отрываю.

— Не отрывай, — сказала она. — Не хочу я твоей земляники.

— А чего же ты хочешь?

— Одного: чтоб меня не обманывали.

— Всего-то?

— Еще заранее планировать выходные, гулять по вечерам в парке и ходить на симфонические концерты.

Панин отправил сразу всю землянику себе в рот.

— В таком случае счастливо оставаться, поскольку ничего из вышеперечисленного списка я выполнить не в состоянии. Мало того, через два часа отбываю.

— Ну почему же ничего, ты уже выполнил пункт первый, — сказала она с грустной улыбкой. — Ты сейчас не обманываешь и говоришь правду. И потом, я тут с Егором Федоровичем Буровым разговаривала, он обмолвился, что лучшего человека вообще не знает...

— С Буровым?

— Ну да. Разве вы с ним не встретились в Москве? Он говорил, что планирует...

— Если б все планы сбывались, — обтекаемо ответил Вадим.

Через два часа он выехал в столицу.

Выскочил уже на окружную, когда запел сотовый. Звонил Гречихин:

— Можешь ко мне заехать?

— Само собой. Ты в каком отделении милиции и за что?

— Вадим, не шути так. У меня тут черт-те что...

Черт-те что у Мишки началось в этот день с самого утра. К Ронкину он шел без особых надежд — что обещания, он их уже столько раз слышал! В кабинете у Виталия Эмильевича застал того очкарика, с которым сталкивался при драке у Макарова, и женщину лет тридцати пяти, одетую в строгий деловой костюм. Ронкин только поздоровался с ним, но беседовать не стал:

— Убегаю, все распоряжения относительно вас отдал, знакомьтесь, это секретарша, Светлана Павловна, а это наш компьютерный ангел Кеша,

они введут вас в курс. Приказ на зачисление отдадим с того дня, с какого пожелаете...

И действительно убежал.

Светлана Павловна заявила: со дня зачисления буду слушаться вас, а сегодня слушайте меня и ни в чем не перечьте. Повела на склады, выбрала для Мишки костюм, рубашку, галстук, вручила дорогой кейс, сказала, что все это вроде спецформы, но если даже господин Гречихин и уйдет из фирмы, все останется за ним.

Затем Мишку ввели в его кабинет с огромным ореховым столом, кондиционером, комнатой отдыха, а Кеша стал ему объяснять, почему здесь установлены три монитора, как пользоваться пультами и быстро связываться с периферийными объектами. Мишка был при этом до того растерян, что очкарик сказал:

— Вы не беспокойтесь, я ведь рядом сижу, через дверь...

Дальше — больше. Бесплатная столовая, где Мишку попросили сделать обеденный заказ на любой день. Машина с водителем. Новый сотовый с оплатой всех переговоров.

Когда Светлана Павловна принесла ему документы по организации охраны объектов, Мишка и тут был доволен: начинать придется не с нуля, хотя, конечно, надо что-то переписать, что-то поправить и вообще посмотреть, все ли то, что на бумаге, соответствует действительности.

Он уже входил в роль.

Светлана Павловна, забирая папку, спросила:

— Вам сейчас кофе, чай? И с чем бутерброды?

— А с чем есть?

— Икра, семга, сыр... Да с чем пожелаете, с тем и сделаем.

— Два с икрой, — выпалил Мишка, и ему вдруг стало неловко. Может, один надо было просить? Может, не принято здесь нескромность проявлять?

— Я еще и с семгой принесу. Семужка сегодня — пальчики оближешь. А кофе какой? Капучино?

— Да, — сказал он, не совсем ясно представляя, что это такое.

Вот так прошел у него этот день. Когда секретарша напомнила, что рабочее время истекает, он, очумелый, и позвонил Вадиму.

Панин появился через полчаса. Вышедшего из конторы Мишку он не узнал, а когда тот заявил о себе, охнул:

— Бли-ин!

И они пошли вечерней Москвой.

Выслушав друга («Боюсь, не мое это. Вот морду бы кому-то бить...»), Панин только и сказал:

— Завязывай с глупостями! Ну должна же нам жизнь когда-нибудь улыбнуться, или мы не заслужили этого?! Смотри, как тебя приодели, а! Вот карман только что-то топорщится.

Мишка остановился, огляделся зачем-то, а потом вытащил из кармана два завернутых в целлофан бутерброда с икрой:

— А как их домой донести? Ну не в руках же. — И показал бутербродами: — Во, смотри, ночной клуб, где я революционным матросом работал. — Мимо проехали тяжелые дорожные грузовики, и ему пришлось почти кричать, чтоб быть услышанным. — Между прочим, знаешь, кого я тут видел? Нашего старого знакомого Абрамова, у него тут свой столик, у Абрамова.

Вадим все равно в этом грохоте мало что разбирает и переспрашивает:

— Рама? Какая рама? Ты что о раме говоришь?

Грузовики проходят, становится тише:

— Да не рама. Я говорю, Абрамов тут столуется. Абрамов, ну, который... Абрамов... Рама... Вадим, вот она, рифма! Что, если Егор Федорович об Абрамове тебе сказать пытался?

Вадим прикрыл глаза, пытаюсь досконально вспомнить, как и что вышептывал ему Буров.

— Гречихин, ты, по-моему, прав.

— Да это можно проверить. Сегодня же четверг? Абрамов ходит сюда по четвергам и воскресеньям. На кой хрен нам ждать выходного?!

Охранник Мишку тоже не признал сразу. А признав, огорошил:

— Слово даю, ни одного места! Все столики забиты, веришь?!

— Да нам, Серега, и сидеть не надо, хотим просто знакомого повидать.

— Ну, если только так...

5

Седой Дрозд не хотел в третий раз за решетку. Тем более статья светила серьезная, с этим стволем, который у него изъяли в гостиничном номере, он уже засветился. «Мокрухи» не было, но все дальнейшее зависит от того, как дело повернуть...

Словом, Седой Дрозд позвонил Абрамову и договорился с ним о встрече. «Я богатого клиента приведу»...

Клиентом этим стал Раш Амирханов.

Анатолий Сергеевич встретил гостей за чистым столом, если не считать красивого керамического кувшина с полевыми цветами, стоявшего по его центру. Цветы принес сам Абрамов. Официантка еще удивилась: «Какие красивые! Где покупали?» — «По дороге к даче растут».

Раш, как и положено человеку южных кровей, едва сев на предложенное место и познакомившись с Абрамовым, сказал:

— Вы заказываете — я плачу. Возражений не принимаю.

— Гость не устанавливает порядки в доме, — с иронией в голосе сказал Абрамов. Он хорошо знал, что инициативу нельзя упускать ни в чем.

— Ладно. Но тогда на правах хозяина вы и кухню здешнюю должны лучше знать. Что посоветуете?

— Рыбу. Здесь ее прекрасно готовят.

— Согласен. Вы как?

Раш посмотрел на Седого Дрозда. Седой Дрозд не мог скрыть волнения, пот выступил на его высоком лбу.

— Может... Я-то сделал свое дело, свел вас, и потом, уже поужинал... Может, могу уйти?

Седой Дрозд дрейфил, не умел держать себя в руках; и Амирханову ничего не оставалось, как сказать:

— Хозяин — барин.

Но Абрамов резковато возразил:

— Нет, в России принято пить на троих. Сиди.

Он тоже заметил, как нервничает Седой Дрозд, и это ему не понравилось.

Завсегдатаев заведения он знал хорошо и сейчас острым взглядом стал осматривать зал. Двое мужчин сидят за столиком у выхода, пьют только кофе, он не видел их раньше... Нет, это тупо — люди со спецслужб заказали бы и вино, и девочек прихватили...

Официантка принесла салаты, выпивку, воду. Абрамов сам наполнил рюмки:

— Что желаете заказать из моего меню, Раш?

— Стволы, конечно. Желательно двенадцать и семь.

— Серьезный калибр. На слонов в Африку собрались? На борт с такими не пустят, и вообще, если сцапают, мало не покажется ни вам, ни мне.

Многовато сегодня здесь новых лиц, отмечает Анатолий Сергеевич, раздвигая шторы кабинки. Или раньше не присматривался?

— О, не надо беспокоиться. Мы действительно охотимся не в Москве, вывезем отсюда стволы без проблем, и попадаться нам опасней, чем кому-нибудь другому, поверьте.

Официантка приносит второе.

У входа в клуб начинается какая-то суета, там то ли толкаются, то ли обнимаются... Абрамов вытаскивает из кармана очки, надевает их... Хорошие окуляры. Со стороны никто не подумает, что это не просто линзы.

Входящих в заведение двоих мужчин он узнает сразу. Вернее, узнает одного — Панина. Фамилии другого он не помнит, но — тоже служил, тоже офицер, тоже опасен. Глаза их сюда направлены. И идти они намерены сюда. Анатолий Сергеевич наполняет рюмки, встает:

— Созрел тост... Впрочем, простите, я вас на минуту покину, облегчиться надо. Возраст, знаете ли, приходится через каждый час в туалеты бегать.

Амирханов смотрит вслед быстро уходящему Абрамову. Вот он скрылся за мраморной опорой, а она метрах в четырех, вот быстро лезет в карман... Раш бросается на пол, по ходу опрокидывая со стула и Седого Дрозда.

Абрамов стреляет в вазу с полевыми цветами. Раздается взрыв, звон стекол, крики, гаснет свет...

6

Андрей в этот вечер сидел за компьютером. Захотелось ему узнать еще какую-то информацию о забытом растении сильфии. Ничего нового не нашел.

Включил телевизор — приближалось время новостей. Закрыв немного уставшие глаза, слушая только звук. Диктор говорил:

«Автопром нуждается в помощи, и если этого не произойдет, мы довольно скоро забудем, что у нас были отечественные марки автомобилей, пусть не лучшие, но доступные среднему покупателю. Вернемся к криминальной хронике. Как мы уже говорили, полчаса назад в ночном клубе «Дионис» прогремел сильный взрыв, причины его пока не установлены».

Андрей приоткрыл глаза. Здание с выбитыми стеклами, внутри что-то горит, стоят машины милиции, «Скорой».

ОСКОЛОК ОРДЕНА

«В результате взрыва один человек погиб, более десяти ранено, — продолжает диктор. — Многие нуждаются в психологической помощи»...

— Ну ничего себе! — Андрей схватывается с кровати, делает шаг ближе к экрану. Там крупным планом показывают Мишку, выносящего на руках из задымленного помещения девушку. — Впрочем, все естественно: как же это — взрыв и без нас. Не бывает такого.

Следующий кадр: на асфальте лежит женщина, плачет. У нее нога в крови. Ей оказывает помощь девушка. Вновь крупно на миг показывают ее лицо.

Это Настя.

ГЛАВА 11

1

К ночному клубу Андрей приехал, когда пострадавших и зевак там не осталось. Убрали битые стекла, окна затянули мешковиной, припущивший дождь смыл со стен пепел и кровь. Андрей даже горько улыбнулся: а на что, собственно, стоило рассчитывать, добираясь сюда полтора часа? Что Настя будет все это время перевязывать ногу пострадавшей?

Включи логику, парень, включи логику, сказал он сам себе. Сейчас хорошо бы выяснить, как Настя здесь оказалась. Если в «Дионисе» есть стриптиз, возможно, она тут подрабатывает.

Он увидел выходящего из дверей клуба капитана милиции, спросил у него:

— Скажите, тут стриптизерши не выступали?

Офицер недоуменно посмотрел на него:

— Господи, нашел время...

Кто знает, что бы Андрей предпринял далее, но тут сзади раздался женский голос:

— Ну и где ж ее теперь искать?

Он оглянулся и узнал Алешину, ту женщину, к которой посылал его Вадим.

— Анна Ильинична, а вы кого потеряли?

— Здравствуйте, Андрей. Дочь ищу. Попросила, чтоб подвезла ей кофточку, сказала, что будет ждать в аптеке, а где тут аптеки?

— Она у вас под взрыв попала?

— Нет. Мимо проходила, на ее глазах это случилось. Выпачкалась, не ехать же грязной по городу.

— Я знаю одну аптеку поблизости. Можно дочь вашу увидеть, Анна Ильинична? Может, она что видела... Я друга хочу найти, он тоже здесь был.

Аптека оказалась в ста метрах. Анне Ильиничне не пришлось даже ничего объяснять, кассирша сказала сразу:

— Дочери кофту несете? Какая она у вас умница! Пройдите вон в ту дверь.

Алешина исчезла за дверью, а кассирша спросила теперь у Андрея:

— Вам чего?

— Ничего, я вместе с Анной Ильиничной.

— Ну так проходите тоже, чего стоите?

И Андрей прошел в ту же дверь.

В небольшом кабинете стояла Настя в юбке и бюстгальтере, держа в руках только что снятую выпачканную в грязи и крови кофточку. Настя и Андрей смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Молчание нарушила Анна Ильинична:

— Андрюша, наверное, выйти надо...

Ответила Настя:

— Ничего, мама, ничего. Оставайся, Андрей.

2

Славин был раздосадован. Он прикуривал от одной сигареты другую, и желваки гуляли на его скулах.

— С этими реорганизациями, Вадим, мы потеряли сейчас и то, что в последние годы сохраняли. Толковых ребят выперли, или они поднежней работу нашли, а приходят абсолютно зеленые, их учить и учить. В общем, мы сработали неважно, а тут еще и вы приперлись. Какого хрена зашли в ночной клуб, а? Что вы там делать хотели?

— А что в ночных клубах обычно делают, товарищ полковник?

— Смешно. Ладно, в лоб спрашиваю: вы знали, что там находится Абрамов, собирались его увидеть?

— Да. Только что дальше делали бы — лучше не пытайте. Не знаю, честное слово! Эмоции разум перехлестнули, бывает такое. Так что действовали бы по обстоятельствам.

— И он бы — по обстоятельствам. И я не уверен, что минули бы вас тогда осколки гранаты. Старая схема: как в бане. Ваза, граната, выстрел.

— Этот прием, товарищ полковник, у нас однажды в горах на ура прошел, у меня и Волина. Только потому в живых остались.

— Теперь это не прием, а почерк. Абрамов хорошо передовой опыт обобщает. Вообще, надо отдать ему должное, умен. И жесток. Рассадин что-то мог сказать — убрал Рассадина, Буров — убрал Бурова. Иса твой пулю схлопотал вовсе не слеую. Хорошая зацепка была — покупатель оружия, Седой Дрозд, но не хватило времени поработать с ним как следует, подготовить к встрече. И где теперь искать вашего тыловика?

— Но у него же в Москве, наверное, квартира...

— Восемь месяцев он на ней не появляется. Поручил бабке, соседке, приглядывать, квартирантов пускать. Та и пускает. Три квартиранта там уже сменились. Люди совершенно случайные, к нашему делу отношения не имеющие. Бабке Абрамов сказал, что уехал в длительную командировку, телефона не оставил. Что еще? Про Волина могу сказать: после увольнения домой он не вернулся, никаких вестей о себе не подает. Да это и неудивительно: семья там неблагополучная, отца нет, мать пьет... Такие дела.

Они помолчали. Как бы подводя итог всему сказанному, Славин повторил еще раз:

— Слабенькие у меня ребята, слабенькие.

— А что мог знать об Абрамове Павел Романович? — спросил Панин.

— Да ничего. Тоже был молодым, глупым и зеленым, хотя, может, и нельзя так о погибших. Ничего он про Абрамова не знал! Дезу пускал, мол, может, кто-то да испугается, клюнет на его намеки. И клюнули. Только закончилось все не так, как Бычков хотел. Его беда еще и в том была, что излишнюю самостоятельность проявлял, много на себя брал. Не догадываешься, зачем я тебе это говорю?

Панин пожал плечами:

— Мы работаем на разные конторы, Юрий Кириллович, у вас одни задачи, у меня другие.

— Понимаю, Вадим. Но тут предлагаю быть в одной упряжке: в том, что касается Абрамова.

3

Соседка Абрамова разговаривала с Андреем через щель в двери: цепочку не сняла. Повторила в общем-то все, что было известно: в его квартире сейчас живет молодая пара, когда надумает съезжать, тогда и будет разговор о съеме жилья, а сейчас — до свиданья!

— А если я сам с хозяином поговорю? Хорошо бы платил.

— Поговорите, — ответила старуха и стала закрывать дверь.

— Так телефон его дайте!

— У меня самой его нет... А хорошо — это как?

— Да как сами скажете!

— Напишите мне свой телефон, если что — первым на очереди будете.

— Ждать не могу.

— Ну и все тогда.

Закрылась дверь.

Андрей развел руками и стал вызывать лифт. Тот откликнулся далеко внизу.

Щелкнул ключ в двери, где жил Абрамов, вышла девушка с мусорным ведром, спустилась к мусоропроводу.

Подъехал лифт. Андрей вошел в него и отправился вниз.

Отсюда к Панину он направился не в радостном настроении: ничего нового узнать не получилось.

У Вадима был Щербина, он тоже, кажется, пришел недавно, потому задал вопрос, который крутился на языке у Андрея:

— Бардак у тебя на столе — переезжаешь, что ли?

— Шеф с Коленькой из командировки возвращаются — порядок навожу. С чем пришел, Андрей?

— Бабка даже дверь не открыла, — ответил тот.

Щербина засмеялся:

— Вы что же, с бабками уже работаете? Они вашему шефу жизни не дают?

Зашла Юля, подала всем кофе.

— Вроде того. — Панин не стал выкладывать подробности.

— То бабки, то красотки, — продолжил Валерий Иванович. — Эта хороша была! — и показал на снимки Яремы, высунувшиеся из конверта.

Андрей мельком взглянул на них, хотел было пройти и сесть на стул, но опять вернулся к конверту, теперь уже взял одну из фотографий в руку:

— Откуда она у тебя?

— Кто? — не понял Панин.

— Квартирантка. Эта красавица на квартире у Абрамова живет, я ее час назад видел, из квартиры мусор выносила.

— Быть такого не может. Не обознался?

— Ты что, Вадим! Я неплохо рисую, у меня зрительная память...

Щербина поднялся:

— Ладно, ребята, у вас, смотрю, свои заморочки, не буду мешать.

Он вышел, вслед за ним вышла и секретарша, а Панин схватился за телефон. Там, куда он названивал, не отвечали.

— Ты с этой девицей не разговаривал? — спросил Панин.

— С какого рожна? Вот сейчас давай вернусь, поговорю.

— Нет. Садись за телефон, бери этот номер и названивай полковнику Славину. Скажешь ему о

ситуации, а я поеду к квартирантке Абрамова и буду там его дожидаться.

Панин не рискнул ехать туда на машине. Москва забита пробками, в них можно часы простоять. На метро добираться быстрее. От подземки надо всего лишь перебежать дворами мимо заброшенной спортплощадки... Лупит дождь, прохожих и гуляющих жильцов не видно. Вот нужный дом, нужный подъезд.

Он подбегает к лифту, рука уже тянется к кнопке, но кабинка и так идет вниз, открывается, и из нее выходит Антонина с двумя сумками в руках.

Увидела Панина, замерла.

— Вам помочь?

Ярема молчит.

— Вот что, красавица, мы возвращаемся на квартиру и мирно там беседуем, ясно? Не заставляй меня применять силу.

Антонина чуть скосила глаза, только что испуганные, обреченные, они ожили, и Вадим понял, что в подъезде оказался кто-то еще.

Он медленно обернулся. Прямо в лоб ему смотрел ствол пистолета, и Волин, держа палец на спусковом крючке, сказал:

— Не дергайся, командир. Я не хочу тебя убивать, и ты сам не провоцируй меня сделать это. — Не сводя глаз с Панина, следующие слова адресовал уже Антонине: — Быстро проходи в машину, на заднее сиденье.

Ярема не заставила себя упрашивать, побежала вниз. Волин еще минуту подержал Вадима на прицеле, потом сказал:

— Я стрелять не разучился, командир. Я сейчас буду уходить, а ты стой тут. Если хоть шелохнешься, пока за мной дверь в подъезде не закроется...

Ушел Волин.

Панин вышел из подъезда, подставив лицо дождю. Так и стоял минут пять, пока рядом не тормознула машина и из нее выскочил Славин. Он посмотрел на Панина и почти все понял:

— Опоздали?

— Я опоздал, — сказал Вадим.

Дождь не переставал. Они выехали к Москвереке, заглушили мотор. Спешить теперь было некуда, можно было поговорить.

— Давай еще раз, — закурил Юрий Кириллович. — Кто мог предупредить Ярему? Щербина?

— Может быть, — кивнул Вадим. — Он увидел, что Андрей признал по фотографии Антонину в квартирентке Абрамова, но не удивился, а сразу убежал. Да, может быть, Щербина. А может, старуха, которая что-то почувствовала. А может, наша секретарша Юля, которая была в кабинете при всем этом разговоре. Может, Андрей чем-то себя выдал. Но больше всего, товарищ полковник, знаете, кто подходит на роль сообщника Абрамова?

— Ну? — спросил тот.

— Я. Щербины не было, когда убили Рассадина. Я был. Навел убийц на Бурова. Отпустил сейчас Ярему и Волина. И о Паше знал я, я!

— Еще одна версия имеет право на существование, — сказал Славин, никак не отреагировав на последние слова Вадима. — Женщину никто не спугнул, она выбросила мусор и выходила из дому тогда, когда и хотела выходить. Волин ее ждал. Волею судьбы именно в это время там появился ты. Вот и весь сказ. Без всяких предателей и шпионов.

У него зазвонил сотовый. Славин выслушал и сказал устало Вадиму:

— Наши сейчас в аэропортах, на вокзалах. Но, чувствую, все это до одного места.

4

«Жигуленок» въезжает во двор дачи, Антонина выходит из него и сразу скрывается в летней пристройке, а Волин остается сидеть за рулем. Абрамов открывает дверцу, тяжело садится рядом:

— Я же тебя предупреждал, говорил — убери!

— Я бы завтра ее проводил, от «Лужников» автобусы на Ростов идут, а оттуда она бы уехала на свою Украину. Мы запланировали это вчера еще, честное слово!

— Хреново запланировали, — буркнул Анатолий Сергеевич. — Из «Лужников» много автобу-

сов на Кавказ идет, там переодетых ментов полно крутится. Думаю, в розыск ее уже объявили.

— Могу на своей машине, куда-нибудь поближе к границе, хоть сейчас...

— Что-то у тебя с головой сегодня. На федеральных трассах наши фотки анфас и в профиль уже раздаются, неужто непонятно?

— Тогда какой же выход? — Волин, кажется, впервые был растерян.

— Крепи удочки сверху на свой «жигуленок», — сказал Абрамов. — На рыбалку поеду.

— Нашли время шутить.

— Это точно, не для шуток время. Но я не напрасно столько лет в элитных войсках служил, стрелять, как ты, не научился, а соображать умею. Меня, старого пердуна, на старом самокате, да еще и с удочками, никто останавливать не будет. Доедем с твоей Антониной проселочными дорогами до аэропорта, и там я ее посажу на вечерний киевский рейс. Командир этого экипажа обязан мне так, что... В общем, любой риск на себя возьмет. Улетит сегодня наша девочка. Только вещей никаких с собой пусть не берет и по сотовому не звонит, пока в Киеве новый телефон не купит.

— Все понятно, — после некоторого раздумья сказал Волин. — Это действительно выход. Деньги я могу ей дать?

— Это уже чисто ваши проблемы. Иди — прощайтесь, через двадцать минут выезжаем.

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Они выехали точно в назначенное время. Когда проселочная дорога пошла через лес, Абрамов загнал машину в кустарник, так, чтоб со стороны ее не было видно.

— Ты что, меня прямо в машине хочешь? — спросила Тоня.

Он рассмеялся, открыл дверцу, помог женщине выйти, целуя ее при этом в щеку.

— Вообще-то я планировал поиметь тебя в сторожке, к которой мы сейчас пройдем, но поскольку возле нее стоит мой внедорожник, на котором предстоит ехать дальше, то твое предложение будет рассмотрено.

— Я согласна на оба варианта.

Некоторое время они идут, держась за руки. Но вот начался овраг, тропа стала узкой для двоих, и Абрамов пропустил Антонину вперед.

Внизу оврага заблестела вода — тут был край озера, поросший высокой осокой.

Абрамов остановился. Ярема услышала это, обернулась.

— Прости, девочка, — сказал он. — Дело — прежде всего.

И выстрелил.

Ярема упала в овраг.

ГЛАВА 12

1

Гречихин не то чтоб забыл свое родное отчество, но не слышал его давно. А тут на совещании Ронкин дал ему слово, и Мишка в самом деле коротенько, за четверть часа, по пунктам и по полочкам, рассказал, почему и как при существующей системе охраны теряются в год семь процентов продукции.

— Михаил Михайлович, — спросил Ронкин, — сколько дополнительных средств потребуется, чтобы усовершенствовать вашу структуру, и насколько при этом уменьшатся потери?

Ответ Гречихина сразил его:

— Дополнительные средства не нужны, наоборот, можно их уменьшить, а толку будет больше. Я отдал свои конкретные предложения и расчеты в бухгалтерию, не знаю, правда, успели ли там их посмотреть.

— Успели, — ответил бухгалтер и протянул Ронкину записку со своими выводами.

— С ума сойти, — сказал тот, прочтя ее. — Михаил Михайлович, у вас что, есть экономическое образование?

— У меня, Виталий Эмильевич, есть огромная практика, я на книжных развалах долго торговал.

В зале засмеялись, сочтя это за шутку, но Ронкин их осадил:

— Наш уважаемый бухгалтер пишет резолюцию: «С выводами согласен полностью». А выводы вот какие: господин Гречихин обещает, что мы в год будем богаче примерно на сорок миллионов. И сразу будет выявлен тот, кто посмеет увести налево хоть рубль.

Люди стихли.

После совещания Ронкин сказал:

— Через десять дней мы летим с тобой на переговоры в дальние страны. Там океан, бордели, слоны. А еще там у меня будут переговоры на огромные суммы, будут конкуренты и мероприятия, где просто нельзя без охраны.

Говоря это, он уже нажал нужную кнопку, и в кабинет вошла секретарша.

— Светлана Павловна, возьмите нам на семнадцатое два билета в Бангкок, Михаил Михайлович, дайте ей свой паспорт.

— Загранпаспорт, — уточнила секретарша, видя, что достает Мишка.

— Так у меня только он...

Ронкин удивленно взглянул на Мишку:

— В России что, есть еще люди без загранпаспортов? Светлана Павловна, три дня на то, чтоб документы были. Если не сможете сами, я решу вопрос через МИД.

— Я все смогу, Виталий Эмильевич.

2

Игорек возился в комнате с танком, а Панин и Лариса сидели на кухне.

— Прости, — сказала она. — Я тебе столько гадостей наговорила там, в доме отдыха...

— Нет, все правильно, — ответил Вадим. — Женщине нужна стабильность, и ничего с этим не поделаешь. А у меня видишь — разве что сегодня, в выходной, свободен на все сто процентов.

— Как же на все сто, если только что пришел?

— Зато и сейчас, и завтра... Шеф с Коленькой из командировки только завтра прилетают, и еще не факт, что мне придется их встречать.

И тут зазвонил телефон.

На связь вышел Коленька, сказал, что они сейчас вылетают в Москву, везут груз и, кажется, намечаются проблемы. Голос его был настолько тревожным, что Панин, чуть подумав, связался с Гречихиным:

— Миша, прокатиться не хочешь?

Лариса спросила:

— Я не поняла, что ты там говорил о ста процентах?

Что он ей мог ответить...

По пути в аэропорт Вадим просветил друга:

— Они налом везут большую сумму, и Коленьке показалось, что кто-то их вел в городе и теперь сопровождает на борту.

Мишка потер ладони:

— Будет возможность разогреться, а то что-то я последние два дня кисну.

— Целых два дня? Ни драк, ни взрывов? И как же ты это выдерживаешь?

Мишка захохотал:

— Сам не понимаю! Скажу больше: к костюму привыкать начал! Если еще и к галстуку привыкну — все, конец мне как личности.

Приехали они вовремя. Панин успел выбрать удачное место, чтоб наблюдать в бинокль за выходом пассажиров по трапу нужного самолета. Коленька с шефом спустились в числе первых, и Панин, не сводя окуляров с проема двери, слушал своего помощника:

— Вадик, он в темном свитере, глухая горловина, кожаная кепка, лет тридцать.

— Вижу.

Толпа из самолета пешком идет по летному полю в здание. Тип в кепке вскинул руку: приветствует кого-то из встречающих.

Вот они, встречающие: седой высокий человек с буйной шевелюрой и крепыш в красной бейсболке. Последний, поздоровавшись с прилетевшим, тут же спешит вдогонку Коленьке и Стасу Викторовичу, а они уже подходят к серебристому «мерсу». Недалеко от него припаркована и разъездная машина шефа, возле которой стоит Мишка. А приехавший парень и седой великан усаживаются в старый и хлипкий с виду «Форд», о чем Панин тотчас говорит Мишке:

— Непохоже, чтоб они кого-то пробовали догонять.

— Значит, кто-то еще ждет твоего Стаса на трассе. Хотя сейчас и на корыто могут хороший движок поставить. Так что будем ко всему готовы.

— «Бейсболка» вернулся, садится за руль. Наверняка ждут, когда тронет Коленька. — И Панин связывается с машиной шефа. — Коленька, мы едем первые, вы у нас на хвосте. Тронули!

Трасса была не загружена, Панин занял левый ряд и стал набирать скорость. Серебристый «мерс» не отставал, а вот черный «Форд» такой прыти не выдержал. Минут через десять Вадим перестал гнать и пошел ровно столько, сколько требовали дорожные знаки.

— Ты чего? — спросил Мишка. — Тут гаишники никогда не стоят.

И как бы в пику ему за плавным поворотом они увидели на обочине милицейский «жигуле-

нок». Человек в форме, в капитанских погонах, с жезлом, решительно идет им навстречу, но смотрит на машину Коленьки и именно ей дает команду остановиться. Однако Панин делает вид, что принял жест милиционера на свой счет, притормаживает рядом с капитаном:

— Командир, а что случилось, я вроде не нарушал, нормально шел...

— Не создавайте затор, езжайте, куда ехали, — говорит капитан и идет к остановившейся машине Коленьки. Туда же бежит от патрульной машины сержант. Они не видят, что Мишка десантировался и лежит теперь на откосе дороги.

Проскакивает мимо старый «Форд», и Панин видит в зеркало, как капитан кивает в его сторону. А сам подходит к «мерсу», бесцеремонно дергает дверцу:

— Быстро выйти из машины!

Коленька на это никак не реагирует, а Станислав Викторович спрашивает:

— Объясните, в чем дело?

Подбегает сержант, вытаскивает пистолет, орет:

— Выйти, мать вашу!.. Продырявлю!

Станислав Викторович с портфелем в руках и Коленька выходят, сержант тотчас вырывает портфель, а капитан... падает мордой на асфальт, сбитый Мишкиным ударом. Гречихин наваливается на него сверху, заламывает руку. Капитан пробует трепыхаться, но куда ему против спецназа!

А сержант с портфелем торопится не спасать своего, а к «жигуленку» с синей полосой-самоклеякой. Но дороге ему перекрывает развернувшийся и примчавшийся сюда Панин. Сержант швыряет в него и портфель, и пластмассовый пистолет. Пистолет разбивается об асфальт, а портфель Вадим ловит, открывает его и вытаскивает оттуда кипу газет и бутылку с минералкой:

— Правильно, между прочим, делаешь, что из-за такого добра драться не бросаешься.

Коленька идет к машине Панина и берет оттуда другой портфель, теперь уже действительно с деньгами.

— Вадим! — кричит Гречихин. — А у этого не игрушка, ствол так ствол — «Кипарис».

Возле них тормозит «уазик», оттуда выскакивают бойцы в масках, с автоматами, но Панин все же узнает Раша Амирханова и спрашивает его:

— Старый «Форд» задержали?

— А то как же!

3

Славин встретил в своем кабинете Панина и Мишку с улыбкой, но сразу стал говорить не совсем веселые вещи:

— Вам что, посмертно ордена получить хочется, что ли? Я же просил: не форсируйте события, мои едут, и бандиты никуда не денутся. Ну вот только представьте, что игрушка была бы у того,

кто за капитана себя выдавал, а настоящий ствол — у его подельника.

— А что, — сказал Гречихин. — Орден — это круто.

Юрий Кириллович только рукой махнул:

— С вами не соскучишься... Так вот, товарищи, о стволе. Еще Чехов писал, если помните: если «Кипарис» висит на стене, то он рано или поздно, да выстрелит. Начинает всплывать оружие. Хотя как же иначе? Его и воровали, предчувствуя, что оно всплывет.

— Искушение большое, больше страха, — сказал Панин. — Но я чувствую, вы нас пригласили не для того, чтоб классика вспомнить.

На столе Славина теперь стоял чайник. Он включил его и вынул из нижнего ящика три чашки, чай в пакетиках, пачку с печеньем и сахар.

— Не люблю, когда рабочие кабинеты в закусовые превращают. Ну да ладно, и самому чаю хочется. У меня тут самообслуживание, приступайте к трапезе, а я вам пока новость расскажу. Сегодня на экскурсию ходил. Женщиной одной любовался.

— Мне можете об этом не говорить, я счастливо женат, — сказал Мишка.

— Я тоже. Вы печенье-то прожуйте, а то вдруг аппетит испортится. В морге я был. Наконец-то воочию увидел Антонину Ярему.

Панин отставил чай и привстал со стула:

— Я чувствовал это. Чувствовал! Почерк Волина, пуля в лоб?

Полковник вытащил и разложил на столе карту:

— Труп нашли собачники, в болотной тине, в камышах. Курцхаар утку услышал, полез в воду, ну и... Убита женщина день назад, выстрелом в грудь. — Славин при этом выразительно посмотрел на Вадима. — Точно в сердце. Может, Волин на этот раз изменил себе, а, Панин?

— Когда убивают — не экспериментируют, — ответил тот и снова сел.

— А размер его ноги не знаешь?

— Сорок четвертый, — сказал Мишка. — У него как-то берцы в горах порвались, я ему кеды свои дал. Подошли.

— Остались следы? — По-своему понял вопрос Славина Вадим.

— Остались. Там тропка была, на тропке отпечатки ее туфель, мужчина шел сзади, притаптывал следы, у него ботинки сорок второго размера. — Полковник постучал торцом карандаша по карте. — Вот здесь это случилось. Можно проехать и из дачных поселков, и из деревень, и из Москвы. Оставить машину в лесу и прогуляться минут десять...

— Нет, — возразил Панин, глядя на карту. — Если бы сюда ехали из Москвы, то было бы проще расправиться с Яремой вот здесь, скажем, — он

показал пальцем. — Места глухие, собачники не ходят, и ехать ближе.

— Панин, — сказал Славин. — Иди к нам, а? Я тебе хорошую должность найду.

Но Вадим словно и не услышал эти слова. Он продолжал изучать карту.

— Тут весьма населенный район...

— Не то слово! Десятки деревень, дачных поселков не меньше, федеральная трасса в пяти километрах, идет через райцентры, города... Да и кого искать — Волина, Абрамова или вообще неизвестного типа с ногой сорок второго размера? Но лично я склоняюсь к Абрамову. И тут надеюсь на вашу помощь, потому и чаем пою. В лицо Абрамова мало кто знает...

4

День назад Анатолий Сергеевич вернулся на «жигуленке» Волина почти затемно. Разулся внизу у лестницы, там же надел шлепки, стал подниматься вверх, увидел вышедшего из летнего домика Волина, позвал:

— Зайди.

Волин бросил взгляд на стоявшие ботинки: в глине, листва прилипла к ним.

— Все прошло нормально, Анатолий Сергеевич?

— Ну а как же! Подождал, пока не села на борт и не взлетела... Я свои дела всегда до конца довожу.

— А потом вы ездили еще и карася ловить?

— Какой карась? Ты с ума сошел? Посчитай, сколько до аэропорта да назад. Все время на дороге ушло. Я чего пригласил — давай выпьем. За мягкую посадку.

Волин не отказался.

И пил весь следующий день — уже сам, в летнем домике. Абрамов не мешал ему. Он исчез с утра и не появлялся на даче до поздней ночи.

Пока Волин пил, у его бывшего сослуживца, Михаила Михайловича Гречихина, опять грянули большие изменения.

Утром его пригласил Виталий Эмильевич для конфиденциальной беседы.

— Михаил Михайлович, должен сказать, я вами очень доволен, равно как и весь коллектив. Вписались что надо...

— Намек понял, — сказал Мишка. — Бутылку поставить надо? Так за мной не заржавеет.

Ронкин засмеялся:

— Тоже мысль, я буду не против, только чтоб не пьянка была, а культурное застолье. Но речь сейчас не об этом. В Азию лететь готовы? Командировочные получили?

— Командировочные? А я было подумал, что это вы мне за три года вперед зарплату выплатили.

Ронкин пренебрежительно махнул рукой:

— Это все мелочи. Представляю, что вы скажете, когда по итогам года премию получать будете. Там сумма уже серьезная. Если мы останемся лидерами в нашей нише... — Он с прищуром посмотрел на Гречихина. — Как думаете, останемся?

— Чтоб думать, надо все знать о конкурентах, Виталий Эмильевич. А я без понятия, есть ли они у вас вообще.

— У нас, — мягко поправил его Ронкин. — У нас, Михаил Михайлович, ибо мы, и я, и вы, и весь коллектив — одно целое. А значит, задача перед нами одна: быть первыми.

Мишка понятиливо кивнул:

— Меня не надо так долго морально готовить к приказу, Виталий Эмильевич. Я все-таки человек военный.

— И потому любой приказ выполните?

— Если он в пределах разумного.

— В пределах, в пределах. — Ронкин открыл лежащую на столе папку, полистал ее. — Эти бумаги я специально для вас, Михаил Михайлович, подготовил. Адреса, телефоны, фамилии... На горизонте нарисовались борзые ребятки, надо их укротить. Как — это ваше дело, вы спец, в чем я уже убедился.

Мишка взял протянутую ему папку:

— Они границы дозволенного переходят?

Ронкин встал из-за стола, подошел к Гречихину, сказал доверительно:

— Понимаешь, Миша, дело какое. Один неглупый человек в России когда-то говорил, что кадры решают все. Там у них юрист — баба. И по большому счету фирма на ней одной держится. Дело свое знает до тонкостей, и если б она хоть в чем-то ошиблась, мы бы эту контору уже в порошок смололи. Но она не ошибается. Покупать ее бесполезно, муж газом занимался, сейчас в высокой политике, так что деньгами их не удивить. Остается одно...

Он пристально посмотрел на Гречихина, но тот выдержал взгляд, ничего не спросил. Ронкин ожидал, наверное, другой реакции и продолжил несколько раздосадованно:

— Остается одно: вывести ее из себя, чтоб начала ошибаться. Ей около сорока, красивая, очень красивая, муж старше и ревнив, как... Фотограф я тебе найду, он такой монтаж сделает, что эта юристка сама себя на снимках узнает. Какие еще варианты? Есть у них дети, двое, но это низко...

— А шантаж — это высоко? — спросил Мишка. Ронкин снял руку с его плеча:

— Гречихин, я всего-навсего предлагаю, не нравится — думай сам, что делать, но съесть их мы должны. До отлета у нас почти неделя, и за эти дни нужно удар по противнику нанести. Не подходит мой вариант — думай сам, как вывести из игры эту мадам. Без крайних мер, конечно, но надо понимать, что в белых перчатках победы не

достичь. Хотя зачем я тебе все это объясняю? Ты войну прошел, ты такое видел и на такое ради победы способен, что...

— Я с женщинами не воевал и не воюю, Виталий Эмильевич.

— Все! — Голос Ронкина звучал уже строго, по-командирски. — Я дал тебе задачу — иди и думай, как ее выполнить. Через час жду с предложениями.

Часа не прошло, когда в кабинет к шефу вошла растерянная секретарша.

— В чем дело, Светлана Павловна?

— Вот, — сказала она и положила перед Ронкиным конверт.

Виталий Эмильевич открыл его. В конверте лежали билет и деньги, даже копейки.

— Он ушел, совсем ушел. Даже костюм оставил. Тут у него джинсы были, рубашка. Вышел от вас, переоделся и ушел. Сказал, что зарплату, которую получил, вернет или перешлет...

— Вот уж действительно умом не понять. — Он отодвинул конверт от себя. — Я же ни о чем таком его не просил, шел вполне цивилизованный разговор... Значит, так, свяжитесь с ним, никаких денег пусть не возвращает, он их отработал. Похорошему поговорите, он нужен мне, я попробую его вернуть...

Гречихин еще не дошел домой, когда ожил со-
товый. Но звонила не Светлана Павловна — зво-
нил Андрей.

— Миша, у меня барахла много, не сможешь
завтра добраться до Савеловского, а? На базу еду.

— Что, опять на душе хреново?

— Нет, брат, тут другое дело...

На вокзал Андрея подбросили Панин и Миш-
ка. Затащили в вагон рюкзак, удочки, пообещали
через недельку и сами туда наведаться.

— Только женщин больше не присылайте,
ладно?

Посмеялись, разошлись.

Андрей в вагон заходить не торопился, сво-
бодных мест было много. К тому же он так внима-
тельно смотрел по сторонам, что, кажется, надеял-
ся кого-то увидеть. Вот вскинул руку — и впрямь
увидел...

5

Абрамов вернулся на дачу ночью, но утром,
как всегда, вышел во двор — позаниматься на тур-
нике. Он недовольно взглянул на «жигуленка» —
мало того что Волин его в гараж загнать не удосу-
жился, так даже и удочки не снял. Еще более он
удивился, увидев в салоне машины самого Воли-
на. Открыл дверцу, спросил:

— Ты что, ехать куда собрался?

— Может быть.

— Отставить. От тебя разит, как... И потом, нам вообще от машин избавляться надо. Я, к примеру, свою оставил на обычной «дикий» стоянке. С этой тоже надо что-то придумать. Но пока и за ворота не выезжай!

— Успокойтесь, — совсем непочтительно ответил Волин. — Никуда я не еду. Просто проверял свою версию. Она подтвердилась.

— Какую такую версию?

— Одну. Вы тыловик, вы так только, поверху, нашего кое-что нахватали, а вот в детали вникать не научились.

Абрамов сузил глаза:

— Ты как-то со мной говорить начал... Не забывай, что я тебя с ладони кормлю.

— И даже поите, — хмыкнул Волин.

— Да, и такое бывает. Только ты должен знать, что лично я пью мало и лишь по поводам.

— Сегодня есть повод, Анатолий Сергеевич.

— Да? — подозрительно посмотрел на снайпера Абрамов. — Ну что ж, поднимемся, налью, и скажешь, в честь чего мы с утра причащаемся.

Подошли к столу, Абрамов вытащил из холодильника еду, бутылку.

— Итак, я слушаю тебя.

— Предлагаю выпить за упокой рабы божьей Антонины. — И Волин тяжело сел на стул.

— Перепил, что ли? — Абрамов выглядел совершенно спокойно.

— Перед расставанием мы договорились: она обязательно позвонит в определенный час. Этот час минул, звонка нет.

— И только-то? Знаешь, сколько всего могло произойти? Обокрали, не купила сотовый, попала в аварию, закрутилась с родственниками... Да просто связи оттуда может не быть!

— Да, звонок — мелочь, — согласился Волин. — Но когда вы ее отвезли и вернулись, у вас ботинки в грязи были. Откуда в аэропорту грязь?

Абрамов вздохнул с облегчением:

— Это объяснить еще проще: по дороге домой останавливался, отливать за березки бегал, в темноте вступил в лужу. — Он при этом наполняет коньяком свою рюмку. — Ну да ладно, хоть повод ты и не придумал, выпью одну, так и быть.

— В том, что вы говорите, Анатолий Сергеевич, логика есть, но одного вы все-таки не учли.

Абрамов вновь подошел к холодильнику, достал еще бутылку, но держит так, что из-за открытой дверцы она не видна Волину. В его руке оказывается таблетка, он бросает ее в горлышко.

— Что на этот раз придумал?

— Вы не учли главного, товарищ полковник. На спецподготовке нас учили запоминать километраж. Когда едете, учили нас, запоминайте цифры на спидометре. Я с Тоней сюда приехал — три последние цифры были 482. Вы вернулись — 566. Всего восемьдесят четыре километра наездили.

А до аэропорта и обратно отсюда почти двести. Что это значит?

Абрамов усмехается, наполняет рюмку, стоящую перед Волиным:

— Странно, ты ведь с виду неглупый парень...

— Что, и этому есть объяснение?

— Самое элементарное. Но выпьем сначала.

— Нет, — сказал Волин. — Вы сначала объяснитесь!

— И черт с тобой!

Абрамов выпил, отставил в сторону пустую рюмку, потянулся за долькой лимона.

Волин не выдержал. Закрыв глаза, он одним глотком отправил коньяк в рот, и в эту секунду Абрамов ударил его бутылкой по голове. Волин все же успел чуть отклониться, устоял на ногах и стукнул противника так, что полковник покатился вниз по лестнице. Снайпер хотел было бежать следом за ним, но тут взглянул в окно: к конечной остановке подходил автобус.

— Повезло тебе, — сказал Волин, перешагивая через стонущего Абрамова и наградив его напоследок ударом ноги. — Но не дай бог еще встретиться!

И он поспешил к автобусу, чувствуя, как кружится голова и подступает тошнота. Провел рукой по волосам — кровь. Не смертельно, сказал он себе, сотрясение, надо найти тихое место, отлежаться...

Абрамов попробовал подняться, но ноги не слушались. Переломаны были ноги. Он вытащил телефон, заорал:

— Срочно сюда, слышишь? Срочно! Меня нужно увезти отсюда. Если найдут и возьмут — все погорим, понял? Срочно приезжай...

Автобус, в который сел Волин, подходил к платформе электрички — она как раз тронулась с места. Волин вышел, замер. Он был не в состоянии сделать и шага. Он не видел уже, что из окна вагона на него смотрит Андрей.

Электричка умчалась.

Волин упал как подкошенный. Он был мертв.

6

Вертолет приземлился на асфальтовом пятачке возле вокзала. Из него вышел сначала Славин, следом — еще четыре человека. Их встречали тут Панин и Мишка. Чуть поодаль лежал труп, накрытый тканью, рядом с ним крутились милиционеры и врач в синем халате.

— Еще раз повтори, что тут произошло, — попросил Славин.

— Андрей узнал Волина через окно, позвонил мне, я прихватил Гречихина и помчался сюда. На двадцать минут вас опередил.

— Но уже посмотрел? — Юрий Кириллович кивнул на труп. — Волин?

— Волин.

— Он приехал автобусом из Федорцова, — продолжил теперь Мишка. — Сел в него на конечной. А на конечной садятся из двух деревень и трех садоводческих товариществ, это порядка четырехсот домов. Надо зачистить все.

Подъехал микроавтобус, и Славин сказал:

— Есть другое предложение. Сия карета нам подана, садимся, по дороге введу в курс дела.

Уселись, тронулись. Славин покрутил в пальцах сигарету, но курить в салоне не решился, повернулся к Панину и Мишке.

— Так вот, ребятки. Абрамов был дважды женат. Первая жена умерла давным-давно, у нее была дача, где проводила выходные дочь, пока не вышла замуж и не уехала в Тверь. Абрамов поддерживает с ней до сих пор нормальные отношения. Все ясно, нет? Да, главное забыл сказать: девичья фамилия этой самой первой жены была...

Зазвонил сотовый, Юрий Кириллович с кем-то переговорил накоротке:

— Слушаю... Не ехал, а летел? Ясно. Нет, не надо, сами управимся.

Он положил в карман телефон и спросил:

— Ребята, Волина на станции никто не опознал? Видели его тут раньше?

— Видели, — ответил Панин. — Продавщица из местного магазина, он у нее иногда покупал хлеб, кефир. Приезжал на «Жигулях».

— Впереди автобусная остановка, — крикнул водитель микроавтобуса. — Куда дальше рулить, товарищ полковник?

— Ясно куда. Достанем карты и компас, будем спрашивать у местного населения... Стоп, не будем спрашивать, тут, оказывается, своя милиция есть.

Они выехали на пяточок, где обычно разворачивался маршрутный автобус, и увидели стоявший в закутке, как в засаде, милицейский «Форд». За рулем его при открытой дверце сидел Валерий Иванович Щербина.

— Что-то меня сегодня все обгоняют, — вышел поздороваться с ним Славин.

Щербина посмотрел на часы:

— Жду вас ровно семь минут. Вот на столько наша доблестная милиция проворней иных силовых структур. — И далее продолжил уже без юмора: — Сам на дачу к Абрамову идти не рискнул... Нет, пошел бы, конечно, но мои ребята позвонили, дали информацию, что вы сюда едете... Что предпримем? Его участок отсюда — метрах в четырехстах.

— Транспорт оставляем, идем пешком.

— Можно лесом пройти, к самому забору.

И они пошли лесом.

Когда дом Абрамова был уже виден, четверо бойцов, прибывшие со Славиним, ускорили шаг и тут же растворились в своих камуфляжах в свет-

лом березняке. Славин сел на пень, закурил. Щербина нетерпеливо переминался с ноги на ногу:

— Чего ждать? Тут до его калитки осталось...

Славин поднял палец:

— Не всегда побеждает тот, кто на семь минут шустрее. Абрамов — противник серьезный. Так, Панин?

Вадим не успел ответить — вышли на связь бойцы:

— Дом блокировали, обзор норма.

— Что видно?

— Тихо. Дверь открыта.

— Засветитесь.

Бойцов Славина до этого было не видно, а сейчас они объявились в поле зрения. Мелькнула сфера, треснула ветка, полетел камушек в окно.

Из дома — никакой реакции.

— Не нравится мне открытая дверь, — сказал Славин.

Щербина дернул плечами:

— А что здесь такого?

— Чаще всего ее не закрывают тогда, когда не могут закрыть, — ответил ему Вадим.

Юрий Кириллович затушил сигарету, опять сказал:

— Панин, иди к нам, а?

Встал, поправил ремень и, уже не таясь, ничего никому не говоря, зашагал к калитке дачи.

Вадим, Мишка и Валерий Иванович последовали за ним.

Бойцы остаются у забора, все остальные тоже. Славин сам идет к двери, переступает порожек, присвистывает:

— Сюда, товарищи. Оно уже не кусается.

Абрамов лежал у подножия лестницы, следы двух пулевых ранений были видны на его груди.

7

Из беседки, где они теперь сидят, хорошо виден летний домик, из которого бойцы выносят оружие и складывают его возле микроавтобуса. В домике под полом был оборудован ружпарк, теперь там все фотографируют, описывают, измеряют...

Славину это уже не интересно. Славин пытается понять, что тут произошло.

— Какие будут ваши соображения? — спрашивает он.

Первым, по старшинству, видно, отвечает Щербина:

— Вроде все ясно. Волин дрался с Абрамовым, схлопотал бутылкой по голове, пристрелил его и побежал на автобус.

— Железная логика. Только куда он оружие мог деть?

— Выкинул по дороге.

— От дома до автобуса недалеко, можно, конечно, поискать, но... Есть одно но, да, Панин?

Вадим кивнул:

— Есть. Я знаю, как стреляет Волин. В лоб.

— Как Ису твоего, единственного свидетеля, — добавил Славин.

Некоторое время помолчали. Видно, что каждому нечего сказать. Продолжил опять Славин:

— Стволы — что надо, хорошие стволы. Ими сполна обеспечены две силовые структуры страны — милиция и бандиты. У вас, Валерий Иванович, готов об заклад биться, тоже не «макаров» в кобуре?

— «Макаров». Причем по году выпуска почти мой ровесник.

— Свистите небось. Кобура только старая.

— Шуточки у вас.

Валерий Иванович расстегнул кобуру, протянул пистолет Славину. Фээсбэшник только успел взять его, как подбежал боец:

— Товарищ полковник, на два слова...

Славин отошел чуть в сторону, слушает бойца, оттуда бросает оружие Щербине. Слышно, как он восклицает:

— Быть такого не может!

— Да сами проверьте! Медики сюда уже едут...

Славин возвращается в беседку, качая головой:

— Ну везет же негодьям, а! Абрамов, оказывается, живой. Под свитером броник у него, одна

пуля в нем и застряла, другая, правда, в тело вошла, но... Но жив, вот что главное! Его мои ребята в комнату, что на первом этаже, перенесли. Ладно, кто желает, пойдем со мной на арсенал еще раз взглянем. У меня просто-таки нездоровая страсть к хорошему оружию!

Вместе со Славиным в летний домик пошли Вадим и Мишка. Едва переступили порог, он тормознул их и показал на щель незакрытой двери:

— Дешево, но иногда срабатывает. Авось и сейчас...

Щербина, безмятежно сидевший в беседке, схватился и побежал в дом.

— Теперь за ним, ребятки!

Все трое вбежали в комнату в тот миг, когда Щербина с «макаровым» в руках стоял над телом Абрамова. Подполковник был до того растерян, что даже не удивился, увидев Славина. Он только и произнес:

— Абрамов же мертв. И без бронжилета.

— Мало того, — сказал Славин. — И пуль в стволе нет, да и сам ствол не твой. — И повернулся к Вадиму. — Да, Панин, тогда, в автобусе, я так и не успел тебе сказать, фамилия первой жены Абрамова была Щербина, родной сестрой этому приходилась...

ЭПИЛОГ

Мчит по Волге катер, везет развеселую компанию. Мальчишки, Олежка и Игорь, сидят на носу, женщины на корме. Мишка опускает руку в воду так, чтоб брызги летели на пассажирок. Панин о чем-то беседует с лодочником...

Все, приплыли. Мишка тут же издает индейский клич, мальчишки выскакивают на причал, принимают удочки, куртки, мяч...

Из камышей от острова выплывает лодка, на ней Андрей и Настя. Ответный крик команчей разносится над водой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия. Лето 2001 г.	7
Глава 1	14
Глава 2	50
Глава 3	83
Глава 4	114
Глава 5	133
Глава 6	148
Глава 7	176
Глава 8	194
Глава 9	204
Глава 10	229
Глава 11	248
Глава 12	260
Эпилог	285

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

Иван Козлов

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Ответственный редактор *Н. Прокофьев*

Художественный редактор *Н. Никонова*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *Т. Барышникова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат [сайтта](#) Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.01.2016. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 2000 экз. Заказ 62

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

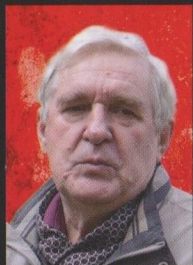
**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-86772-1

Иван Козлов служил во внутренних войсках, подполковник запаса. Автор двух десятков книг, первые из которых увидели свет в издательстве «Эксмо». Лауреат литературной премии Константина Симонова.

ОСКОЛОК ОРДЕНА

Для бывших спецназовцев Вадима, Михаила и Андрея война, казалось бы, осталась в прошлом. Уволившись из армии, каждый из них по-своему пытается адаптироваться к мирной жизни. Но это оказывается не так просто: Мишку после ранения не берут на работу, он тихо спивается; Андрюха уехал в другой город, замкнулся в себе. Тогда Вадим собирает сослуживцев: сообща легче искать работу и преодолевать трудности. Но война преследует парней, словно тень. Друзья вдруг оказываются в самой гуще криминальных разборок, над их головами снова свистят пули; и бывшим спецназовцам опять приходится идти в бой. К своему удивлению, ветераны узнают, что за кулисами опасных событий стоит их бывший командир...

ISBN 978-5-699-86772-1

9 785699 867721 >

